

Ефименко А.О.

125 RUS

МОСКВА 2010

УДК 82

ББК 84

Ефименко А.О.

«125 RUS», - М.: ООО «РусНеруд», 2010. - 194 с.

ISBN 978-5-411-00104-4

УДК 82

ББК 84

ISBN 978-5-411-00104-4

Иллюстрации Тетки Аиды

© Ефименко А.О., 2010

© Издательство ООО «РусНеруд», 2010

Ефименко А.О.

125

RUS

Содержание

Пролог

Часть 1

«А» – Аэропорт
«Б» – Багульник
«В» – Владивосток
«Г» – Географические названия
«Д» - Де-Фриз
«Е» - Емар
«Ж» – Женьшень
«З» - Зеленый угол
«И» - Икра

Часть 2

«К» – Китай
«Л» - Ли-Фудзин
«М» - Маньчжур
«Н» – Невельской
«О» - Океан
«П» - Подводная лодка
«Р» - Русский остров
«С» - Сопки
«Т» - Тайга

Часть 3

«У» - Уголь
«Ф» - Фуникулер
«Х» - Хасан
«Ц» - Циклоны
«Ч» - Черепаха Бохайского царства
«Ш» - Шамора
«Э» - Эгершельд
«Ю» - Юл Бриннер
«Я» - Япония

***«Я, как волна, что
Ветер несет на скалы,
Даже краткие
Воспоминания о
Ней разбиваются в пыль.»***

(Минамото-но Сигэюки, I в. н.э.)

Пролог

Есть ли преимущество у человека, чей голос, четкий и поставленный, может временами при необходимости уподобляться раскатам грома, перед человеком немым (но не глухим)? Конечно же, есть, и преимущество это очень весомо. К такому выводу я то и дело приходил в течение своей не очень длинной, и не весьма богатой на происшествия жизни, и случай, положивший начало описываемым в этой книге событиям, лишнее тому подтверждение.

Возвратившись с прогулки (в теплое время года я люблю совершать вместе с Мариной ежевечерний моцион в сквере, да и кто же этого не любит), я застал батюшку своего в легком подпитии и тяжелой разговорчивости. Неудивительно, что подобное сочетание зачастую выливается в ожесточенную полемику, ругань и обострение давно затертых и затоптанных временем конфликтов. В нашем случае спор обычно достаточно быстро выдыхался, так как отец, направляя всю энергию свою в вербальный аппарат, брызгал слюной, острил, язвил и придумывал новые виртуозные обличения, а я, в свою очередь, в зависимости от ситуации качал-кивал головой и бурно жестикулировал. Не получив от меня ответной агрессии, которая была бы лишь зеркалом его агрессии, но озвученная мною, батюшка дергал плечами, сплевывал «тьфу на тебя» и уходил на кухню, где полночи пил вино и читал книги. Поутру я нередко находил его спящим на форзацах Дэвида Чандлера или Горация Вернета, с пустой бутылкой Шардоне рядом.

В такие дни я брал ключи от его машины и ехал с Мариной на карьер или куда-нибудь еще выше, на озера. Там мы разводили костры и прыгали через них, размахивая руками, ощущая в эти моменты что-то сродни языческому экстазу. Я привозил с собой отскрокопированные листы с отрывками моих любимых поэтических произведений, чтобы Марина их декламировала. Она тысячу раз читала мне «Евгения Онегина» и «Чайльд Гарольда». Мне всегда был очень близок этот образ романтического героя, разочарованного и одинокого, покидающего родные края и отправляющегося вдалеку, навстречу новым неизведанным горизонтам, куда-нибудь на восток, в экзотические страны. Марина называла это незавершившейся фазой юношеского максимализма. По большому счету, я был с ней согласен, потому что возраст и ход жизни медленно, но верно стачивали весь шипованный нигилизм отважных юных протестующих, обкатывали острые углы их характеров, не оставляя не то что возможности, но даже желания гнуть свою и доселе гнутую-кривую линию. Тем не менее, я всегда искренне восторгался людьми, в которых жила идея... Равно как и музыкой, и другими видами искусства – честными, имеющими свой вектор и свою цель. Меня прямо-таки завораживали хиппи, приковывающие себя цепями к Пентагону в знак протеста против войны во Вьетнаме (вы только вслушайтесь: «протеста против...» - да эти два слова сами за себя уже все говорят), или французские студенты в 1968 году. К сожалению, о большинстве таких примеров я узнал из печатных изданий, хроник или же по телевидению, самому воочию наблюдать подобное не приходилось. Однако, сам я в глубине души всегда надеялся когда-нибудь если и не стоять на баррикадах, то хотя бы поднять воротник, грозно сдвинув брови, развернуться и, прихрамывая как сами знаете кто, уйти откуда-то куда-то навсегда.

Шанс совершить такое действие и выпал мне тем злополучным вечером, когда в разгаре очередной жаркой ссоры папаша, глядя на меня испепеляющим взглядом, вдруг изрек: «Завтра чтобы духу твоего здесь не было! Аякс, в ночь я тебя, конечно же, не выгоню, но завтра иди куда хочешь». Окинув взглядом комнату, население и уют которой составляли стеллаж с компакт-дисками, кактусы в горшках и ненавидящий меня отец, я получил на свою голову озарение, достойное бульварных романов: больше тут делать нечего. По крайней мере, мне. Как пелось в рекламе из моего детства: «Такая маза в жизни бывает только раз».

Я сложил в бумажник кучку кредиток разного баланса на счету и пачку купюр, откладываемых на личное авто и наше с Мариной совместное жилье в перспективе, после

чего приступил к собиранию чемодана. Батюшка, глядя на это, хмыкнул, поставил в проигрыватель диск Стинга и с выражением крайнего пренебрежения удалился на кухню. Провозившись добрые полчаса со сломанной молнией у чемодана, я получил на свою голову второе озарение, достойное на этот раз не дешевой беллетристики, а комедийного фильма. Половина моей одежды (лучшая половина, заметим) во время нашей с отцом перепалки крутилась и вертелась в барабане стиральной машины, и сейчас была в не совсем пригодном к складыванию сухом состоянии. Вот тогда я уже начал злиться.

Покидав мокрые вещи вперемешку с нормальными, не забыв про заветные пластинки, страницы из книг, переписанные от руки на долгую память, три блокнота (один – в нагрудный карман, вместе с авторучкой), средства личной гигиены и две пары очков (одни солнцезащитные, другие с диоптриями), я застегнул вредную молнию, резким движением поднял воротник плаща, окинул хладнокровным взглядом постылые покои и отправился вон из этого дома.

На улице я едва успел выкурить сигарету, как меня тут же подобрало такси, что могло только обрадовать, ибо я не надеялся на такую быструю работу в ночное время. Я уже собрался было написать в блокноте адрес Марины, как что-то (в дальнейшем я называл это Провидением) остановило мою руку. Кумир подростков, предлагающий выиграть пейджер, продолжал заливать с голубых экранов где-то на задворках моего сознания: «Такая маза в жизни бывает только раз». Я вспомнил, как, еще будучи школьником, увлекался Второй мировой, и мой ныне покойный дедушка прислал мне карту места, где он прожил всю жизнь, где шла война с Японией и где состоялось Хасанское сражение... На обороте карты был нарисован земной шар, испещренный сеточкой меридианов и параллелей, а вокруг него летел авиалайнер. Под этим нехитрым рисунком было напечатано «Приглашаем посетить наш край!». На этом месте ход моих мыслей остановился, как начало белой пленки на аудиокассете – верный сигнал того, что скоро магнитофон сам остановит музыку, эта сторона записи кончилась. Эта сторона кончилась.

Я выронил ручку, пошарил по резиновому автомобильному коврику, поднял её и смог написать только одно слово «Аэропорт», после чего отдал блокнот таксисту, который уже начал нетерпеливо насвистывать. Он назвал сумму, я кивнул, и мы тронулись.

Второе, что меня неприятно удивило за этот вечер (после выверта отца) – стоимость билетов на самолет. Она была настолько высокой, что мне показалось разумным сэкономить, купив билет в один конец. Да, меня часто посещают не вполне адекватные мысли, но мне, к счастью, еще ни разу не пришлось о них жалеть, и вышеупомянутый поступок – не исключение. Ожидая посадки, я пытался дозвониться Марине, чтобы потом, услышав гудки, написать ей смс. Однако, телефон ее был выключен, что вполне объяснимо для человека, которому вставать на работу в шесть утра. Несчастный чемодан я сдал в багаж и теперь прикидывал, каким слоем плесени покроется моя невысохшая одежда за девять часов в воздухе. Потом съел чипсы. Потом выкурил две сигареты подряд, пошел в бар и пил там джин. Возникло ощущение, что по ночам в аэропорту половина народу спит в креслах в зале ожидания, а другая половина пьет в баре. Хотя, наверное, и днем происходит то же самое, только суеты больше, да и всё. Нет, днем меньше людей спит. Биологические часы, как ни крути, дело серьезное. Хотя у кого они верно настроены в аэропортах, эти биологические часы?

Объявили мой рейс, и, подходя к турникету, я оглянулся назад и подумал об очень характерных для такой ситуации вещах. Не слишком ли опрометчиво я поступаю? Что ждет меня там, в совершенно неведомом краю? Что я приобрету там и что потеряю здесь? Мне нечего было терять здесь, все прежнее существование, будь оно хоть на грамм ценно, не уткло бы, словно песок, в никуда, не оставив после себя ни одного значимого воспоминания. Девятнадцатилетний Гарольд, ступая на палубу корабля, не терзался сомнениями, не анализировал и не предавался бесконечному самокопанию. Он всегда был моим любимым героем и я никогда не упускал возможности лишний раз уподобиться ему.

Ну а сегодня вообще можно было устраивать трибьют-концерт с моим участием, насколько удачно я вписывался во все байронические трафареты:

*«Меж тем тоски язвительная сила
Звала покинуть край, где вырос он, -
Чужих небес приветствовать светила;
Он звал печаль, весельем пресыщен,
Готов был в ад бежать, но бросить Альбион.»¹*

Я расправил плечи и зашагал вперед, нарочно хромя на одну ногу. Великое множество людей в критические моменты призывают на помощь свое альтер-эго, уверенную, сильную личность, которая, как им кажется, способна справиться с неожиданно возникшими проблемами. Если этим злоупотреблять, то можно дойти и до шизофрении. Хочется верить, что со мной этого не произойдет. Я ступил на борт могучего воздушного корабля. Место рядом занимала девушка, чье поведение еще до взлета обещало мне совершенно спокойный полет. Она намазала лицо кремом, закапала глаза, включила плеер и с головой закуталась в плед. Не успело у меня в мыслях пронестись «рак-отшельник», как она уже уснула и спала на протяжении последующих восьми с половиной часов. Я написал Марине: «Улетаю во Владивосток. Так получилось. Будет возможность – объясню. Люблю и целую. Аякс». Потом попросили выключить электро- и радиоприборы. А еще через десять минут все действительно закончилось.

¹ Д.Г.Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда. Песнь первая.

Глава 1.

«А» – Аэропорт

«Владивосток» - международный аэропорт, расположен на удалении 44 км от города Владивостока, с которым связан автомобильным и пассажирским железнодорожным сообщением до станции «Аэропорт» в 6 км от аэропорта. В аэропорту базируется авиакомпания «Владивосток Авиа». Обеспечивает ряд прямых международных рейсов — на Сеул, Пекин, Далянь, Харбин, Осаку, Ниигату, Тояму, а также несколько сезонных международных чартерных рейсов, главным образом, в Китай, Японию, Корею и Вьетнам. Внутри страны осуществляет ежедневные рейсы на Москву, Хабаровск, Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск, имеются рейсы на Санкт-Петербург, Иркутск, Новосибирск, Екатеринбург и другие города России. В аэропорту имеются два пассажирских и один грузовой терминалы. Имеется также два аэродрома: «Кневичи» (для самолетов местных и дальних авиалиний) и «Озерные ключи» (для самолетов местных авиалиний).»

(источник: ru.wikipedia.org)

Я прибыл в Приморский край в четыре часа после полудня, самолет мой приземлился в аэропорту «Кневичи», что, как ни странно обозначает воздушные ворота главного города края (а на самом здании написано четко и понятно: «Аэропорт Владивосток»). Неподалеку отсюда, на расстоянии пяти километров, находится небольшой город под названием Артем. Раньше здесь жили шахтеры, своим появлением город обязан добыче угля, даже на гербе изображены три тележки с углем, освещаемые сверху жизнерадостным солнышком. По мере развития двух основных градообразующих предприятий, основное население Артема стали составлять авиаторы и энергетики. Пока летел, читал книгу, которую Генрих, мой дедушка, подарил отцу перед тем, как эмигрировать в Финляндию – «Гражданская авиация Приморья. Из века в век». Видел на фото разделку огромного кита. Еще очень интересны названия пунктов назначения (красивое слово «авиазвенья»): Сидатун, Лаулю, Терней... Большинство из них - китайские названия. В политически сложные годы они получили менее звучные русские имена, например, село Мельничное. Однако, Терней, как память о французском следе в истории Приморского края, сохранил свое красивое и гордое имя.

«Пассажирские рейсы по линии Москва –Владивосток с 1948 года выполняются на самолете Ил-12.»² Моего воображения не хватает, чтобы представить, как это – на таком крохотном (для нас, людей современности!) лайнере (язык не поднимается называть таким громким именем этот самолет) преодолевать столь значительные расстояния. Вот она, обратная сторона зеркала – а им, современникам послевоенных лет не хватало воображения представить себе возможность преодолевать столь значительные расстояния на таком огромном самолете... В таком огромном небе...

Искрутив шею в попытках разглядеть сквозь иллюминатор особенности здешнего ландшафта, я увидел горную цепь, простирающуюся вдоль горизонта настолько, насколько хватало моего взгляда даже после того, как я покинул ставшее за столько часов почти родным воздушное судно. «Наверное, это и есть Сихотэ-Алинь», - преисполнился я энтузиазмом и продолжил всматриваться в сизые сопки, почему то напомнившие мне о Волшебной Стране Гудвина и Изумрудном Городе. Да, сопки – это что-то среднее между горами и холмами. Выше холмов, но ниже и более пологие, нежели горы. Слово «сопки» - это нечто вроде пароля для дальневосточной диаспоры на западе.

Получив багаж, я вышел на площадь рядом с аэровокзалом и решил поинтересоваться у окружающих, как бы мне попасть в этот самый Артем. На парковке множество таксистов

² Гражданская авиация Приморья. Из века в век. Юбилейное издание.

выразило свое желание доставить меня хоть на край света за соответствующую плату, однако, их волна тут же отхлынула от моих жестов, означающих: «Артем, что для вас близко и невыгодно». Но нашелся мужчина, понявший мои манипуляции с картой и пальцами. Для начала полноценного общения он посоветовал мне сесть на автобус номер семь («семерка, ну, или топорик»), однако, у меня вовсе не было желания изучать местный колорит в общественном транспорте, так как, по моему уразумению, атмосфера во всех автобусах, троллейбусах и вагонах метро везде примерно одинакова и дружелюбной ее уж точно не назовешь.

Сев в машину Андрея (вот и первое знакомство на новом месте), я написал в блокноте: «Хотелось бы осмотреть город и послушать ваш рассказ о нем!», показал ему и он, немного помедлив, кивнул. Мы были в городе уже буквально через пять минут. До этого ехали по проселочному шоссе, вдоль которого тянулись бескрайние поля, а за полями, справа – все та же цепь голубых сопок.

Это напомнило мне обложку одного музыкального альбома, виденного раньше. Там девушка стоит на пустой грунтовой дороге, по бокам которой – лишь поля и телеграфные столбы. Название пластинки переводилось как-то наподобие «прогулка Скарлетт».

Насколько я понял, Артем был задуман как город на равнинной территории, что обеспечивало пригодные условия для строительства аэропорта, в частности, взлетно-посадочной полосы. До моря отсюда было километров двадцать – по здешним меркам это далеко, учитывая, что в том же Владивостоке море окружает город со всех сторон, кроме северной.

Мой новоиспеченный гид поинтересовался, впервые ли я здесь. Я кивнул. Сговорившись об оплате, мы объехали за полчаса весь Артем, и в течение этой экскурсии я увидел памятник шахтовому проходческому комбайну и памятник самолету Як-38. Да, и еще кинотеатр «Шахтер» (как оказалось, первый широкоэкранный в крае). С любой точки можно было увидеть единственную внушительную в городе сопку – ее высота составляла примерно двести метров, а на вершине были установлены локаторы. Подавляющее большинство жилых массивов составляли пятиэтажки – под землей недалеко от города находились шахты, поэтому пять этажей были максимально допустимым стандартом для дома. Я наскоро попытался сделать первые заметки для будущего путевого очерка, вновь достав из кармана пиджака блокнот и ручку и начеркав заглавными буквами основные достопримечательности: «ПАМЯТНИК ШАХТОВОМУ КОМБАЙНУ, ПАМЯТНИК САМОЛЕТУ ЯК-38».

Андрей же, увидев мою дорожную писанину, удивленно поднял брови: «Это не комбайну памятник, а труду шахтеров. Комбайн – это ведь всего лишь символ. Равно как и самолет». Так я, неожиданно пристыженный, и вспомнил тысячи самолетов и самолетиков (маленьких, но ох каких опасных!), стоящих на бетонных постаментах по бокам дорог, на въезде в Домодедово, где угодно еще. Не забывай ничего, что было до тебя – таково их грозно-острое послание. Предметы, видите ли, тоже могут говорить (открываем очередную истину!). Предметы тоже могут говорить, и говорят тяжело, железобетонно, со скрипом и скрежетом, подчеркивая каждым вздохом то, насколько им неуютно стоять без движения на этой выставке имени себя. Як-38 день за днем выжидающе смотрит в небо и продолжает стоять на земле, занимая почетный пост центрального памятника в Парке авиаторов.

Я стоял около автовокзала. За ним начинались ряды частных домов, постепенно переходящие в небольшие деревеньки с милыми названиями «Кролевцы» и те же «Кневичи» (я уже начал разбираться в артемовской топографии). На небе ни облачка, грелка-солнце набирала обороты. Я думал о том, как Андрей, высадив меня «подытожил» цель моего путешествия. Он сказал: «жажда новых впечатлений, смена обстановки».

Желал ли я новых впечатлений? Да, конечно, если бы они хоть на миг заглушили и застелили собой ту бессобытийную и убогую пустоту, от которой я бежал на другой конец света. О Приморье, будь моей живой водой, стань тем целебным снадобьем, что

излечивает все недуги. Помнится мне, была итальянская сказка и называлась она «Рубашка счастливого человека». Там сын короля с головой погрузился в черную меланхолию, и спасти его могла только такая рубашка. Финал открытый: найдя, наконец, в лесу глухом абсолютно счастливого человека, короля и его слуг, желавших во что бы то ни стало спасти принца, постигло жестокое разочарование – на счастливце не было рубашки. Но давайте представим, что король получил искомое и принц выздоровел. Что это означает? Достойного преемника трона, процветающее государство. Принц озабочен делами своей страны, а, чтобы как-то снять напряжение, будет развлекаться так, как это полагается монаршим особам: балы, охота, прогулки верхом. Никаких болезненных размышлений в одиночестве, и все вокруг довольны. Вопрос – а принцу оно надо? Будь он более честолюбив, то делал бы вид, что мирские дела заботят его так же, как и августейших его прародителей. Будь он смелее, построил бы себе хижину в лесу и вел отшельническую жизнь. Он же вполне комфортно чувствовал себя в дворцовых апартаментах, скорбно уставившись в потолок и никого к себе не подпуская. Иных желаний у него, как это видится из сказки, не было. Буддийский постулат о том, что любое желание вызывает страдание, и что, избавившись от желаний, мы прямо пропорционально избавимся и от страданий, всегда казался мне спорным. Что делать, если желаний нет, а страдания, чтоб им пусто было, присутствуют (см. историю бедолаги принца)?

У меня нет жажды приключений, впечатлений... Я просто не выдерживаю однообразного продолжения. Слишком спешно, как вам, дорогие мои друзья, могло показаться, оставив прежнее рутинное бытие свое, я более всего надеялся (и не перестаю надеяться) исправиться сам. Потому что за последние десять лет не могу припомнить ни одного дня, когда все было бы по-настоящему хорошо. Безоблачно. Я улыбался на фотографиях и каждую секунду мне было паршиво. Облачно. Кто там рыдал, глядя на облака? Кажется, это было в «Миссис Даллоуэй». Привет, Вирджиния Вулф. Отличный эпизод, очень близкий. Если бы словосочетание «выворачивает наизнанку» можно было применять не только для обозначения тошноты, я сказал бы так об облаках. Меня всего корежит и передергивает при виде снующих туда-сюда людей, их забот и этого огромного доброго неба, исполинским куполом укрывающего нас от злой черноты, от космических бездн. Нет, не нужна мне ни живая приморская вода, ни счастливая рубашка, если после этого я перестану думать о благородном небе пойду путем накопления мещанского *Zufriedenheit*³. Написал по-немецки, потому что прилагательное «мещанский» у меня всегда ищет своего брата-близнеца – прилагательное «бюргерский». Сразу припомнился и «Степной волк». Привет, Гессе.

Вот-вот должен подойти автобус, который доставит меня в столицу Приморского края, где мне удастся прилечь на удобную гостиничную кровать, а также наконец-то выяснить, какой степени окисления и гниения подверглось содержимое моего чемодана, после чего планирую тут же выяснить адрес ближайшей химчистки.

³ нем. «Довольство, удовлетворение»

Глава 2. «Б» –Багульник

«Рододендрон остроконечный (Rh. mucronulatum) [в народе просто «Багульник» - прим. мое - Аякс] считается наиболее декоративным и является самым мощным видом в данной группе. В природе старые экземпляры достигают 3-5 метров (с толщиной ветвей до 10 см), а в культуре он вырастает до 2,5 метров. У него сиреневые цветки и сравнительно крупные листья (длиной 5-7 см, шириной 3-4 см), которые в основном опадают на зиму – на растении остаются лишь редкие листочки, обрамляющие бутоны на вершинах однолетних побегов. Этот вид наиболее требователен к почвенной влаге в период роста и очень зимостоек (хорошо растёт даже на юге Приморья, где обычны холодные, бесснежные и сухие зимы).

Рододендрон даурский (Rh. dahuricum) - чрезвычайно зимостойкий и обильноцветущий, полувечнозелёный листопадный кустарник (часть листьев перезимовывает). Его размеры во взрослом состоянии тоже внушительны: 2-2,5 м в высоту и около 3 м в диаметре. Это сравнительно засухоустойчивый и светолюбивый вид; при недостатке освещения рододендрон даурский цветёт менее пышно. Его сильноветвистую крону украшают крупные воронковидные цветки сиренево-розово-фиолетовых оттенков.

Рододендроны приносят людям радость и призывают их к добру, ибо растения эти - Божественны. Давным-давно, когда Бог уходил из презревшего Эдема на Небо, сначала Он хотел забрать у людей всю красоту Земли. Но Его Любовь к людям и Надежда перебороли справедливый гнев: Бог оставил людям божественные растения - рододендроны. Но растут они не повсюду, а лишь в труднодоступных местах - высоких горах и ущельях, на приморских утёсах и осыпях, у ледников и водопадов.»

(источник: Н.Я. Репницкий, статья «Рододендроны Приморья»)

Еду в автобусе, который должен доставить меня во Владивосток, но на котором также непонятно почему висит табличка «Вторая речка». Всё здесь носит двойные названия, что аэропорты, что пункты назначения. Судя по карте, дорога идет вдоль моря (настоящее Японское море!), но я не могу увидеть его, и из окон видны только извечные сопки. То и дело на сопках проблескивают яркие фиолетовые пятнышки. Это багульник. Так здесь неправильно называют особые разновидности рододендрона. В принципе, я вижу в этом смысл – куда более звучно произносится и слышится «багульник», нежели «рододендрон».

За два сиденья впереди меня старушка везет с собой несколько веточек, усыпанных темно-лиловыми цветочками. На склонах растет это растение, и, я слышал, его часто встретишь на кладбищах (оттого ли, что кладбища тут тоже на склонах, да и всё вообще расположено на склонах?..). Пурпурная лента змеей извивается вниз по склону, вниз, туда, где темно, где вечер уже собрался наступать, и где туман клубится своей бутафорской мистикой. Проехали указатель на Сад-Город – тоже забавно. Город, где сады багульника? Я почти засыпаю. Город с фиолетовыми садами (Purple Haze, как у Джимми Хендрикса) фиолетовых цветов.

Я прислонился виском к стеклу, и кажется, словно чужие воспоминания можно услышать через предметы: гул электрички, колонку с водой на Седанке (еще одно китайское название), ржавые лодки и кленовые листья... Я никогда этого не видел, но, вполне возможно, кто-то до меня прислонялся к этому автобусному окну. Тем более, рядом полно кленов, параллельно дороге вдоль моря идут железнодорожные пути, а Седанка – вот она, Седанка, вполне себе настоящий поселок.

Воздух с каждой пройденной минутой становится свежее по-ночному, а с каждым проеханным километром – свежее по-морскому. Терпеть не могу сумерки, всегда

ухудшается зрение, неудобно писать. Но каждому – своё. Пусть для меня вечернее солнце тяжелее свинца, а на нежные цветы багульника оно ложится золотой пылью, теплым «спокойной ночи, я буду снова греть вас завтра». И они царственно засыпают, не смотря вниз, туда, где страшно и темно, и где туман окутывает корни и подножья.

Хочется, как же отчаянно хочется написать что-то стоящее, а вместо этого я, закинув одну ногу на другую, вертя ручку, сосредоточенно склонился над пустым своим многобуквием. «Многобуквием» рифмуется с «реквием». Сразу вспомнил Ахматову. Ну и Гумилева, соответственно. Что за вздор. Бессмыслица, бессмыслица, бессмыслица. Марина, в длинном черном платье, с короткой прической а-ля Анна Андреевна, затягивается сигаретой без фильтра, а я вкрадчивым голосом декламирую:

*«Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко-далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.»⁴*

Послушай, далёко-далёко, на берегу Тихого океана... Заметил одну интересную деталь: чем ближе к Владивостоку, тем гористее ландшафт и ярче краски леса. На автобусных остановках стены украшены мозаиками с изображениями морской фауны: коньки, осьминоги... Две полосы дороги из Артема уже давно превратились в четыре, а затем, по мере приближения к большому городу, в шесть.

Вот, кажется, я приехал во Владивосток. В середине проезжей части установлен большой герб, и нарисованный на нем тигр приветствует гостей. Ну, «приветствует», я, конечно, загнул. Вообще-то на гербе тигр рычит куда-то в сторону. Но он так царственно смотрит, что я представляю тигра одновременно радушным хозяином, встречающим недавно прибывших, и грозным защитником, обещающим хищную расправу над теми, кто едет во Владивосток с дурными намерениями.

Появились две огромные каменные стены, прямо возле дороги, высотой с дом, не меньше. Первая стена была посвящена лесу, а точнее, тайге. На ней были вырезаны всякие желуди, кишмиш, тигр (куда же без него, родимого) и женьшень.

Это все, что я успел запомнить, потому что на таком увлекательном моменте водитель автобуса, как назло, прибавил газу. Следующая стена была длиннее предыдущей, начиналась и заканчивалась она якорями, а в центре ее красовались медузы, морские звезды, русалка и Нептун (или Посейдон – для тех, кто, как и я, предпочитает Грецию).

Вторая речка – оказывается, всего лишь автовокзал, как мне объяснили. Чтобы добраться до центра, придется садиться теперь уже на городской автобус... Лучше бы заплатил больше Андрею, тот довез бы меня, да еще бы и рассказал всякие разности. Но, как говорится, скупой платит дважды. И добирается от аэропорта до отеля трижды. В три этапа (надеюсь, что только в три!).

Старушка, выходя из автобуса, выронила веточку багульника, которую я забрал себе. Не совсем достойный поступок, правильнее было бы ее вернуть. Кстати, Вторая речка – знаковое место. Ведь здесь в 1938 году умер от истощения Осип Мандельштам. Вот что я распечатал с сайта, посвященного Мандельштаму, еще дома: «В конце 1929 г. в Приморье организованы отделения Дальневосточного лагеря (Дальлага, позже - Владлага) и транзитный лагерь «Вторая Речка» (Владивосток), откуда узники на пароходах доставлялись на Колыму в Северо-Восточный лагерь. Заключение Дальлага и Владлага работали во Владивостоке на строительных и погрузочных работах, в Никольске-Уссурийском и Спасске-Дальнем, добывали золото на острове Аскольд, уголь в Сучане и

⁴ Н.С. Гумилев. Собрание стихотворений.

Артеме, заготавливали лес в тайге и рыбу вдоль всего побережья Приморья. К 1937г. численность заключенных здесь достигла 70 тыс. чел.»⁵

Я также не поленюсь переписать еще более неприятный и таинственный отрывок: «В районе остановки Автовокзал (на Второй Речке) в 30-е года располагался лагерь – пересыльный пункт для заключенных. А располагался этот лагерь практически на болоте. И до сих пор упорно ходят рассказы о том, что при строительстве здания Автовокзала постоянно натывались на массовые захоронения трупов. Удивительно, но на этом ровном месте практически никто не строит жилых зданий! Но зато там сделали автостоянку, базар и построили Универсам. А неподалеку - Дом Молодежи (который, говорят, не так давно горел)». В здешнем лагере и погибал от голода великий поэт серебряного века. Другая версия причины его смерти –эпидемия тифа, бушевавшая в лагере.

Я положил подобранный багульник на ступенях автовокзала, стараясь не привлекать к себе особого внимания. Я слышал, багульник часто оставляют на кладбищах вместе с гвоздиками. Я ведь не знаю, где могила Мандельштама, да и никто этого не знает. А так – плюс-минус сто метров – какая разница. Неудивительно, если под ступенями лежит прах не Осипа Эмилевича, а другого заключенного... Или других заключенных. Во множественном числе. В бесконечно множественном числе.

Что ж, буду дальше стараться попасть в центр Владивостока. Гулять сам по себе. Мы с Мариной много говорили о грандиозной пользе одиночества для человека творческого и тонко чувствующего. У меня есть много денег (еще бы, выгреб все, что нашел), и самый важный набор необходимостей:

*«О, вещь моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!»⁶*

⁵ <http://www.pseudology.org/Mandelshtam/Memuars/Monument.htm>

⁶ О.Э.Мандельштам. Собрание стихотворений.

Глава 3. «В» –Владивосток

«Владивосток (осн.1860) – город и порт на Дальнем Востоке России, административный центр Приморского края, конечный пункт Транссибирской магистрали. Расположен на побережье Японского моря на полуострове Муравьева-Амурского.»

(источник: телефонный справочник)

...Соль на моих щеках, ветер в моих волосах, ультрамариновая болезнь разъела глаза мои до самого дна, до сердцевины глазного яблока, и я наслаждаюсь каждым вздохом, каждым перемещением взгляда, каждым шагом наверх и вниз, по бесчисленным лестницам, подъемам и спускам этого города. Панорамный обзор бухты Золотой Рог со стороны сопки Орлиное Гнездо – это что-то. Я никогда в жизни не видел подобной красоты. С огромной высоты ты смотришь на море, окруженное городом, или же, наоборот, на город, который окружает море – оно действительно видно чуть ли не с любой точки.

Еще немного, и можно расправлять крылья (или жабры – от тропической влажности у них есть все шансы появиться на шее), отрываться от гористой, угловатой земли, от крутых асфальтовых виражей, извилистых улиц, и лететь вперед, наверх, в разные стороны, потому что здесь во все стороны простирается океан. Не теплая курортная бирюза, припорошенная белым песочком, а настоящий океан, дикий и необузданный, густой, йодистый и кальциевый, выплевывающий завитушки водорослей, которые прибрежный ветер собирает в клубки наподобие перекаати-поля.

Военные корабли, гордые, вечно настороже, чей угрюмый лик обращен к далеким берегам, могущим в иной момент стать вражескими, оберегают наши земли на Востоке. На Востоке и солнце встает – поднимается из океанских пучин раскаленной пятирублевой монетой, золотым медальоном, огненным шаром. Владей Востоком! Пушечный выстрел каждый полдень, строго по расписанию. Суда, военные и торговые, большие и не очень, самые разные суда, стоящие на рейде... С 1953 по 1991 год Владивосток был закрытым городом, жить в нем и посещать его разрешалось только гражданам СССР.

По-китайски Владивосток называется с незапамятных времен «Хайшеньвэй», что переводится как «город у мыса Трепанга» или «залив Трепанга», ибо издревле бытует легенда о приносящем счастье голубом трепанге, обитающем в этих водах (в просторечье трепанга иногда именуют «морским огурцом»). У японцев лиризма оказалось меньше – в период Мэйдзи (1868 –1912 гг.) они окрестили уже существовавший тогда Владивосток «Урадзио», то есть «соляная бухта».

Я остановился в гостинице неподалеку от Спортивной набережной, из окна моего номера открывается шикарный вид на Амурский Залив. Девяносто процентов постояльцев – китайцы, японцы и корейцы. Отдельное удобство – почти на каждом этаже стоит комната с микроволновой печью и большим термосом: в целях экономии можно иногда и не трапезничать в ресторане. Когда я спустился туда заварить стакан сублимированной лапши, какой-то японец сказал мне «Коннитива», на что я учтиво кивнул. Языковой барьер, который в случае со мной становится барьером в буквальном смысле, ибо рот мой за всю жизнь не произнес ни звука, не позволил мне завести знакомства с азиатами. Вместо этого я подружился с барменом по имени Сергей. Он примерно моего возраста, работает посменно в баре на первом этаже, где на стойке стоит фарфоровый белый кот, зажмурившийся и сжимающий лапкой муляж бутылки «Asahi». Серега называет его «рекламным пивным котиком». Мое общение с барменом началось, как и следовало ожидать, с листа бумаги, на котором я написал «джин со льдом», и плавно перетекло в его рассказ о последних новостях в городе у мыса Трепанга. Он поведал мне о некоем

Зеленом Угле, где можно приобрести поддержанную родную японскую иномарку. Например, его подружка недавно купила себе Toyota Cresta. Я крайне воодушевился.

Забыл сказать, что здесь практически у всех японские машины с правым рулем. И большинство из них – белого цвета. Мне показалось очень гармоничным это сочетание сверкающих белых автомобилей, морской и небесной синевы вкупе с крепко сбитыми белоснежными облаками. Гуляя по Океанскому проспекту понимаешь, что пробка на дороге движется лишь в двух направлениях: в море или в небо. Что ж, оба направления мне одинаково симпатичны, значит, это мой город. И я не должен терять время, а как можно скорее обзавестись собственным транспортом (давнишняя мечта наконец-то приобретает реальные очертания). А как услаждают слух названия возможных вариантов: Тойота... Мицубиси... Сузуки... Хонда... Мазда... Надо заняться этим буквально на днях.

Из неприятного: приключения моих эдаких-разэдаких стираных предметов гардероба не закончились. Они продолжают, но, увы, уже без моего участия. Потому что я умудрился взять чужой чемодан, являющийся абсолютной копией моего. Едва начав расстегивать такую непривычно податливую молнию, я уже почувствовал неладное. А обнаружив внутри туфли на шпильках и множество кожанно-джинсовых вещей микроскопического размера, понял, что багаж в этом путешествии – мое проклятие. Тем не менее, я пишу дневник, а бумага всё стерпит, скажу, что не собираюсь ничего предпринимать, так как позвонить в аэропорт и поделиться своими неприятностями человек немой физически не может, а вновь ехать в Артем и в аэропорт у меня попросту не было желания.

К тому же, порывшись в чужих вещах как следует, я выудил на свет божий новехонькую зубную щетку и приличную чистую расческу. Эти вещи мне вполне могут пригодиться уже в самое ближайшее время. А одежду приобрету себе новую, благо гостиница моя располагается в центре города, а магазинов тут пруд пруди.

И еще кое-что интересное нашел я в чемодане-близнеце. Диктофон с чужими записями. Насколько я могу судить, это разговоры пациентки (приятный голос, интересная дикция, но иногда будто жует слова) с врачом-психотерапевтом. Из ответов девушки, которые напоминают просто поток сознания, можно сделать вывод, что врач использует гипноз в качестве одного из методов лечения. Я пишу личный дневник, а бумага всё стерпит, поэтому такой наглец, как ваш покорный слуга, собирается с нескрываемым любопытством прослушать все сеансы и переписать их в свой блокнот. Нужно заметить, что некоторые записи из тех, что я успел прослушать, представляют собой большую ценность для моих скромных путевых очерков. Пожалуй, я прямо сейчас это и проиллюстрирую.

« - Что значит Владивосток для вас? Почему вы говорите о нем как о единственной родной стихии?

- Нет ничего, никогда ничего и не было, never no. О черт, это выносит мне мозг! Боже мой, почему же слова получаются такими плоскими? В них нет жизни, в них нет ни миллилитра воды, везде, где есть вода, там жизнь. Моя стихия. Это было, когда мы с Лёхой сидели, болтали, он спросил, какой сон был у меня самым эротическим, я ответила, тот сон, где мы с одним моим другом топили друг друга в озере, по берегам которого росли желтые цветы, один из нас то и дело оказывался под водой.

Черт возьми, еще был случай, когда вечерело, родители уходили в гости, я ревела океанами, когда во Владивостоке наступал вечер. А еще был случай, я сидела за одной партией с парнем, который, да. Я сидела с ним и рисовала в тетради картинки, я нарисовала саму себя без лица, за моей спиной была несокрушимая армия рыб, к моим ботинкам пристали водоросли. Вот какой я рисовала себя в шестнадцать лет и тот парень, он звал меня волшебницей морей.

А еще был случай, мой брат, святые хрены, это выносит мне мозг, дайте мне силы написать об этом повесть. Мой брат в желтой рубашке, с волосами меня и моего отца,

мне встретился во сне на площади города моей родины, там шахты, вскинул руку и сказал: «вот это встреча!». О да, о черт, мой брат живет под морем, он всегда жил где-то под горьким морем, в Подморье.

Мы с Лёхой полетели в Подморье, и его мобильник тоже упал под море рыбам на потеху. Я никогда не боялась утонуть. Выбирала синее, голубое, изумрудное, зеленое, всё для ублажения повелителей глубин, стражей терпких морей... Еще по течению памяти: мать с отцом стояли на пирсе возле огромных музейных якорей, чугуновых и соленых. Мира рядом со мной, я козырнула при ней, вытащила огромную ракушку, приложила к уху, Мира смотрела своими русалочьими глазками, глаза полны воды, глаза полны жизни: «Что ты слышишь, Аня, там, внутри ракушки?» Я слышу музыку утонувшего пианино, его клавиши пьяные, они деревянные и разбухли, от воды всё пьянеет... Вы видели, как идет корабль? Он качается, все корабли навечно пьяны, все пьяные корабли ходят, шатаясь, им это надо для вальяжности, им ведь предстоит долгий путь до земли. А в озере, например, опьянение не то, ибо они глубокие и темные, как могилы, сверху поросли водяными лилиями, по вечерам на них льется лазурь, небесное good night...

Блин, я другое хотела сказать, чертова мысль. Дерьмовая мысль. Мы никогда не захлебнемся, разве только от рыданий. Мой мертворожденный брат лежит на дне морском, весь в жемчуге и перламутре, а меня выкинуло на берег огромной волной. Она зовется существование. Это цунами зовется жизнь, и я лежу на песке, слепая от света, а к ботинкам моим действительно пристали водоросли. И я задыхаюсь, и я шепчу: «water, water, water». Или как я знаю немного по-немецки: «wasser bitte gib mich wasser»⁷. Но жизнь оставляет меня умирать тут, в мире под солнцем и луной. Однажды рыбаки упакут меня в свои обветренные сети, чтобы я не пугала их детей. Они отвезут меня к сердцу воды, и я упаду лицом вниз.»

Дыхание перехватывало, пока я это переписывал. Еще она то и дело обзывает Владивосток морским чудовищем, и в то же время рвется всеми силами в этот город, где можно, как одеялом, укрыться солеными волнами, дающими жизнь и умиротворение. Аня, как она сама себя именует в обращениях от третьего лица, что-то упоминает о компакт-дисках с записями шума морского прибоя, которые погружают ее в кошмары, но заодно избавляют от бессонницы. Несладкий выбор – кошмары или бессонница. Чего только не бывает в чужих головах.

Так написал, будто сам абсолютно вменяем. Меня определенно зацепила эта исповедь. Наверное, у душевных врачей в запасе много захватывающих историй. Но эта мне кажется непохожей на остальные. Ряд образов неуклонно тянул меня к чему-то знакомому, такому очень хорошо известному... Сейчас вспомню. Точно! Привет, Артур Рембо:

*«И стал купаться я в светящемся настое,
В поэзии волны, – я жрал, упрям и груб,
Зелёную лазурь, где, как бревно сплавное,
Задумчиво плывёт скитающийся труп.»⁸*

Вот это я, и это Владивосток с его неподъемными якорями на кусочках мостовой, это то, о чем говорила девушка в диктофон. Откуда же столько упадничества? Я только что говорил о белых автомобилях и чуть не забыл сказать о белых чайках на площадях – так откуда же взялись утопленники с морской капустой на подошвах? Мне не удастся соединить две перспективы в одну, причем каждую из них я чувствую предельно остро. Круг замыкается на каких-то невнятных антропологических мыслишках, что, дескать, все

⁷ нем. «Воды, дайте мне, пожалуйста, воды»

⁸ А.Рембо. «Пьяный корабль».

мы вышли из воды, и Рембо, как привязчивая песенка по радио, продолжает петь в ухо: «Цветущая волна была мне колыбелью...».

Надо сменить тему... Лучше я пока напишу про геральдику. Я писал про ревущего тигра на гербе. Так вот, 16 марта 1863 года Александр III утвердил герб Владивостока, на котором было изображено следующее: «В зеленом щите золотой тигр, подымающийся по серебряной скале, с червлеными глазами и языком, в вольной части влево - герб Приморской области. Щит украшен золотою башенною короною о трех зубцах, за щитом два золотых якоря, накрест положенных и соединенных Александровскою лентою»⁹. С течением времени герб претерпевал изменения, вполне характерные для сменяющихся эпох. Так, во времена советской власти к двум адмиралтейским якорям, амурскому тигру и башенной короне добавился серп и молот, и вся композиция перевилась гвардейской лентой. А в начале двадцать первого века страсть к минимализму одержала верх, и царь тайги остался в одиночестве, без якорей, башен и всего остального... За полученную информацию скажу спасибо опять-таки интернету, потому что за эти два дня ни в центральный краеведческий музей, ни во Владивостокскую крепость я сходить не удосужился, но постараюсь скоро наверстать упущенное.

Листаю купленный атлас автомобильных дорог и карту Приморского края, нахожу другую забавную деталь: бухты названы в честь древнегреческих героев. Уже насчитал троих: Улисс, Патрокл, Диомид. И, не смогу промолчать, на Русском острове (на карте кажется, что он совсем недалеко отсюда) есть бухта Аякс! Мне просто необходимо там побывать. Бывают ли более удачные совпадения?..

Телефон мой постоянно включен, но никто не написал мне за все время, что я здесь. Марина, конечно, обиделась, а отцу, видать, все равно в принципе, как я живу и где. А я живу замечательно. Тут нельзя оставлять чипсы на столе – за день они могут отсыреть, но зато можно дышать морем, смотреть на море и гордиться маленькой частью моря, которая носит твоё имя.

Моё имя только что назвали за дверью и постучали. Это Серега. Он должен объяснить мне, как добраться до Зеленого Угла, и как попасть на пляж, где можно было бы купаться. С этим есть небольшая проблема, так как, когда я показываю в сторону Спортивной набережной возле гостиницы и делаю руками плавательные движения, прохожие строят ужасные физиономии и всеми силами отговаривают меня окунаться в те воды. А погода стоит прекрасная, надо ловить момент. Говорят, в черте города вообще лучше не купаться. В принципе, логичное суждение.

В дверь опять постучали. Наверное, я поступаю плохо, сидя за столом и продолжая писать, вместо того, чтобы встать и впустить своего единственного знакомого. Но я не расположен к какому бы то ни было общению сейчас. Да и можно ли вообще назвать мои манипуляции с тетрадью и карандашом общением? Лучше вечером спрошу у него в баре все, что меня интересует. Тогда хотя бы будет много народа, не будет мерзкой тишины, на которую всегда обречен любой мой собеседник... Будет много народу и я смогу оставаться собой.

Серега отошел от моего номера. Шаги стихли. Прозвенел колокольчик, оповещающий о прибытии лифта на этаж. Китайцы заголосили на своем языке. У соседей громко работал телевизор. Каналы у меня лучше всего показывают, разумеется, японские и китайские. Но они и самые интересные, даже если не знаешь языка... Я читал, что вплоть до тридцатых годов двадцатого столетия во Владивостоке были достаточно крупные японские, корейские и китайские общины. К 1939 году все они прекратили свое существование... Но, несмотря на вывески с иероглифами, китайские барахолки и архитектурные экзерсисы типа «беседок», впрочем, не очень часто встречающихся, я бы не смог назвать город азиатским. Кто-то сказал, что Владивосток – это что-то среднее между Санкт-

⁹ П.Винклер. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи

Петербургом, Одессой, Сан-Франциско и Стамбулом, плюс исключительный местный колорит.

Я включил диктофон и приготовился к новому путешествию на тихоокеанское побережье, заранее сменив стержень в шариковой ручке и открыв чистую страницу.

« - Почему Вы хотите убить Миру? »

"Владивосток раскинул свои щупальца

во все стороны..."

Глава 4. «Г» – Географические названия

Населенные пункты

Старое название - Новое название – Расположение

Вангоу - Чистоводное - Лазовский р-н
Иман - Дальнереченск
Кхуцин - Максимовка - Тернейский р-н
Лаулю - Дерсу - Красноармейский р-н
Лифудзин - Рудный - Кавалеровский р-н
Нахтахе - Крепостная нежил. - Тернейский р-н
Пхусун (Пфусунг) - Моряк-Рыболов - Ольгинский р-н
Сидатун - Мельничное - Красноармейский р-н
Судзухе - Заповедный - Лазовский р-н
Сучан - Партизанск
Тетюхе - Дальнегорск
ст.Хунхуз - Буйневич - Пожарский р-н
Янмутьхоуза - Тополевый - Чугуевский р-н

Реки

Старое название - Новое название – Расположение

Бейцухе – Маревка - Красноармейский, Пожарский р-ны
Даубихе - Арсеньевка - Анучинский, Яковлевский р-ны
Йодзыхе - Джигитовка - Тернейский р-н
Лефу(Лефа) – Илистая - Михайловский, Хорольский, Черниговский р-ны
Лянчихе - Богатая - г.Владивосток
Майхе - Артемовка - Шкотовский р-н
Монгугай - Барабашовка - Хасанский р-н
Пакшекори - Карасик - Хасанский р-н
Сандагоу - Уссури - Чугуевский р-н
Седанка - Бол.Пионерская - г.Владивосток
Суйфун – Раздольная - Надеждинский, Октябрьский, Уссурийский р-ны
Сяо-Нанца - Приточная - Красноармейский р-н
Фудзин - Павловка (вп.в Улахе) - Кавалеровский, Чугуевский р-ны
Хандагоу - Террасная - Пожарский р-н
Яндзыгоу - Павлиновка - Уссурийский р-н

Озера

Старое название - Новое название - Расположение

Амбабоза – Черепашье - г.Артём
Дороцини - Лотос - Хасанский р-н
Канчени - Мал.Мраморное - Хасанский р-н
Лебехе - Тростниковое - Хорольский р-н
Нюндыпты - Родниковое - Хасанский р-н
Сакпау - Заречное - Хасанский р-н
Синчени - Бол.Мраморное - Хасанский р-н

Бухты

Старое название - Новое название - Расположение

Ланчасы - Рифовая
Лафулэ(Тадуши) - Зеркальная - Кавалеровский р-н
Манжур - Баклан - Хасанский р-н
Сяухе - Соколовская - Лазовский р-н
Тазгоу - Спокойная - г.Находка
Хунтами - Голубичная - Тернейский р-н
Чадауджа - Новицкого
Шамора - Лазурная
Шитау-Уай - Дунай
Юзгоу - Краковка - Партизанский р-н

Горы

Старое название - Новое название - Расположение

хр. Дадян-Шань - Горы Пржевальского - Уссурийский, Михайловский, Шкотовский р-ны, г.Партизанск
хр. Тачин-Гуан - хр.Партизанский - Партизанский, Лазовский р-ны
г.Иммудынза - г.Мокруша - Лазовский р-н
г.Малаза (1533 м) - г.Поперечная - Лазовский р-н
г.Пидан (1333м) - г.Ливадийская - Партизанский р-н
г.Сихотэ - г.Соболинка - Пожарский р-н
г.Танчалаза - г.Заоблачная - Дальнереченский р-н
г.Фалаза - г.Открытая - Ольгинский р-н
г. Цхамо-Дынза - г.Голец - Чугуевский р-н
г. Чин-Чин (927м) - г.Бурундук - Ольгинский р-н
пер.Дадяншань - пер.Пржевальского - Михайловский р-н
мыс Тавайза - мыс Муравьиный – Уссурийский залив
коса Чурхадо - коса Назимова - зал.Посьета
мыс Шанца - мыс Маячный - Тернейский р-н
мыс Янчихэ - мыс Дельта - Хасанский р-н, бх.Экспедиции

Я могу зваться Александр, могу – Алексей, а то и вовсе Аким... Потому что, понятное дело, я не грек. К счастью или к сожалению, но – не грек. Я не отдавал обратно в паспортный стол бумажонки с обыденным своим именем, я лишь слегка подкорректировал это имя, немного видоизменил его. Известно двое героев, участвовавших в осаде Трои – Малый Аякс Оилид и Великий Аякс Теламоноид. На Русском острове есть две бухты, а не одна, как я думал раньше: Большой и Малый Аякс.

В «Илиаде» Гомера оба Аякса зачастую сражаются вместе, с той лишь разницей, что Малый уступает по силе Великому. И один, и другой обороняют корабли, борются за тело Патрокла. Аякс Малый примечателен, помимо прочего, всяческими злодеяниями и проступками, такими, как, например, насилие над Кассандрой, нарушение клятвы, богохульства. По воле великих олимпийцев Афины и Посейдона Аякс гибнет в пучине морской. Неподалеку от Кафереиских скал грозная Афина кидает молнию в Аяксов корабль, однако, наш герой спасается, схватившись за Гирейскую скалу. Тут уже

Посейдон добывает его, расколов трезубцем скалу. В «Одиссее» же роль Афины не столь значительна: Посейдон и топит корабли, и кидает Аякса в море, разбив скалу.

*«...Смерти б он так и избёг, хоть и был ненавистен Афине,
Если б в большом ослепленьи хвастливого слова не бросил,
Что, и богам вопреки, он спасся из гибельной бездны.
Дерзкую эту его похвальбу Посейдаон услышал.
Вспыхнувши гневом, трезубец в могучие руки схватил он
И по Гирейской ударил скале, и скала раскололась.
Часть на месте осталась, обломок же в море свалился,
Тот, находясь на котором, Аякс погрешил так жестоко.»¹⁰*

На какой-то праздник, день рождения, Новый год, или что-то в этом роде, Марина подарила мне серебряную вилочку, на крохотной рукоятке которой ажурными буквами было выгравировано: «Сберегу Аякса от трезубца Посейдона». Видать, когда я буду на Русском острове, и окажусь-таки на бухте-тёзке, то должен буду воткнуть вилку в глаз Посейдону до того, как он воткнет трезубец в мой паром. Хотя я-то вроде не злил морских божеств, более того, сменил место жительства и сейчас обитаю практически в их владениях.

За окном нет ничего, кроме моря. Всякие автомобильные дороги, многоэтажки... где-то на уровне бокового зрения, не привлекают внимание. Амурский залив в солнечный день по цвету практически не отличим от неба. Ужели проживающие здесь люди не ведают, что вид из их окон тождественен пейзажам южных курортов? Я устал фотографировать. Это надо видеть самому, а не вздыхать над снимками «как же мне хочется там побывать».

Мой треклятый отец в незапамятные времена, разбираясь в скарбе покойного дедушки, нашел занимательную книжку – «Словарь китайских топонимов на территории Советского Дальнего востока». Год издания –1975. Составитель – Соловьев Ф.В. Во введении говорится о том, что географические названия являются больной темой на Дальнем Востоке, так как дают пищу бесконечным спорам о том, кому принадлежат эти земли – России или Китаю.

Треклятый отец мой хранил словарь как истинную реликвию, не давая мне даже отсканировать страницы. Приехав во Владивосток, я в один день решил давнюю проблему: бармен Серега перекинул мне всю книгу на электронный ящик в формате .pdf, и уже через пару часов я покинул интернет-кафе на Алеутской улице, держа в папке горячие свежееотпечатанные сто с лишним листов.

Теперь я вернусь к предпоследнему от этого места абзацу и приведу пример. Серёгина девушка предложила нам втроем на выходных «поехать на Черепашек». На каких таких черепашек? «На Амбавозы», - уточнил Сергей. Раскрыв свой драгоценный словарь, я нашел следующее:

«Амбабоза (Черепашье) – озеро на северо-западном побережье Уссурийского залива в Приморском крае. Название китайского происхождения, образовано компонентами: ванн – князь; ба – восемь; по – озеро; цзы – суффикс. Ванбапозцы означает Черепашье озеро. Гидроним впервые появился на карте в 1879 г. и писался Увамбабоза. К концу XIX в. первая часть названия (Вамба) была переосмыслена в Амба, что на тунгусо-маньчжурском означает Тигр. Амбапозцы означает Тигровое озеро.»¹¹

¹⁰ Гомер. Одиссея. пер. В.Вересаева.

¹¹ Ф.В.Соловьев. Словарь китайских и китаизированных топонимов на территории Советского Дальнего Востока.

Так все-таки черепашки? Или тигры? Как бы то ни было, неудобное для русскоязычных граждан название «Ванбапоцзы» постепенно трансформировалось в то, что произнес мой знакомец: «Амбавозы». Хотя словарь дает весьма странное толкование – с чего это восемь князей или князь восьми стали черепахами? Или же сочетание слов «князь» и «восемь» превращаются в слово «черепаха», подобно тому, как у нас грузный рогатый вол и черно-желтые кусачие осы превращаются в слово совершенно иного значения – «волосы»? Честно говоря, Тигровое озеро кажется мне более похожим на правду. Тем более, это и не озеро вовсе, а морская бухта. Отчего ее окрестили озером – не ведаю.

Но и на этом я не могу закончить. Услышал разговор двух продавщиц хозяйственного магазина. «На Шаморе холодно купаться», - сказала первая. «А вы бы лучше поехали на БОМБОВОЗЫ», - ответила ей коллега. Образованное из двух ну очень хорошо знакомых русскому уху корней, название Бомбовозы и произносится легче Амбавоз, и звучит куда внушительнее, чем какие-то там Черепашки. Однако, для молодежи, а частности, для представительниц прекрасного пола, помимо Черепашек, имеется и другой вариант – «Бомбики».

Я был на Амбавозах, там достаточно высокие волны, как после сильного шторма, хотя вода была очень теплая. Совсем рядом с бухтой рядами стоят дачные домики, здесь находится дача Серёги. Пока он и его подруга устраивали во дворе подобие костра для шашлыков, я вышел прогуляться и осмотреться вокруг. Я предупредил остальных, чтобы раньше, чем через пару часов меня не ждали. Не потому, что в дачном поселке было много чего интересного, вовсе нет. Дорога шла в гору, на вершине ее заканчивались дома и начинался лес. Черная стена деревьев. Стоя к ней спиной, можно было рассмотреть море с правой стороны и дорогу, по которой мы приехали сюда – с левой. Я пошел наверх от Серегоиной дачи, разглядывая сливовые деревья и пиная камешки под ногами.

Мерзким пятном высился огромный сгоревший дом, мимо которого было жутко даже пройти. Он стоял на металлических сваях, так, что можно было забраться под самое дно строения. Что я и сделал. Там было так же мерзко и страшно. Ползая на коленях по зарослям полыни под домом, я только изранил ладони осколками битых стекол. То и дело я наткался на самые что ни на есть странные предметы: сломанная расческа с клоком чьей-то шевелюры, ржавая губная гармошка, мотки засвеченной пленки. Помимо полыни, там росло несметное количество поганок. Апогей готического ужаса, Замок Отранто в миниатюре. Выбравшись оттуда, я обошел сгоревший дом против часовой стрелки. Разыгравшееся воображение рисовало то, что могло быть за мутными окнами и искусно резными ставнями трехэтажной махины.

Вечерело, кукушкина песня наводила еще большее уныние. Я вернулся на тропинку, ведущую на вершину сопки. Перед самым лесом стоял другой заслуживающий отдельного разговора дом. Правильнее было бы назвать его коттедж. Стены были покрыты оргалитом, расписанным всякой фантазмагорией: царевна-лягушка, тигрята, бабочки... Наверное, в семье было много детей. Только одно портило картину – оргалит прибивали гвоздями, которые после многих дождей заржавели и в некоторых местах покрыли тигрят-лягушат оранжевыми подтеками. Такая вот ложка ржавого дегтя в детской медовой сказке.

Я сел на опушке леса, скрестил ноги по-турецки и достал диктофон. Я поберег ответ на вопрос «Почему Вы хотите убить Миру?» на десерт, специально подыскивая подходящий антураж. Мне хотелось чего-то захватывающего, чтобы кровь стыла в жилах, чтобы кукушки куковали, а сгоревшее поместье с привидениями пугало меня своими обломками старых расчесок. Итак, поехали...

«Иногда она может зваться Мирабель, может – Мирослава, а то и вовсе Мирра, с двумя раскатистыми «Р», как растение. Но мне проще называть ее в четыре буквы, которые были прищиплены когда-то до нашей эры, до рождества Христова, на нашем

автомобиле. Он назывался *Mira Daihatsu*, был синего цвета, о трех дверях, и крайне маленьких размеров. Тачка разбилась к чертовой матери. Мира же, будучи крайне маленького роста, короткими ручонками своими давала мне подзатыльники, когда я училась водить. Хлопала меня по плечу, подзадоривала: «Рули, мой юный пианист». Да, имен- но так. Или «веди машину, юный пианист».

Она грохнула всех, кто посмел меня обидеть. Да-да, вот так взяла, приехала и прямо в упор. Но об этом я вам не расскажу. Миру бесит, что я не ем. Ей-то хорошо, она же азиатка. У них своя история, у нас – своя. Как можно жрать, зная о ленинградской блокаде. Черт, да я недостойна того, чтобы есть. Я даже представить не могу себе эту чертову жратву. Мы должны отдавать дань памяти, жертвовать. Только почему-то мало кто разделяет мои взгляды. О да, это выносит мне мозг.

Я не злюсь только при Мире, иначе, когда я злюсь, она зажимает мне рот, тащит в ванную, ставит под ледяную воду. Родители никогда бы такого себе не позволили. А я сама попросила Миру об этом. Потому что, если я буду злиться, это добром не кончится. Я так уже танцевала на кухне сутки без перерыва под всякие рок-н-роллы. Чак Берри, знаете ли. Или тот же Элвис. Мира тогда уехала в командировку, и мне приходилось со всем справляться самой. А это тяжело, ох как тяжело... Мира – контроль. За это я ее обожаю. И ненавижу, разумеется. Она регулярно выносит мне мозг с призывами больше питаться, иначе умру от истощения. Другие ссоры тоже, конечно, бывают.

Поэтому я думаю, что единственный способ вырасти – избавиться от Миры. Не надо ей больше подниматься по ступенькам и гаркать на меня: «А ну марш в машину!». Я-то знаю, что она там будет делать. Она до сих пор считает, что мне рано видеть трупы и кровь. Но я все равно это вижу. Когда кладу ее линзы в специальные маленькие контейнеры, я вижу отраженные лица тех, кого она того. Когда отстирываю ее платье от брызг чужой крови... Я все знаю. Я знаю, что она красит волосы в рыжий цвет для того, чтобы кровь убитых ею была не так заметна до тех пор, пока она не доберется до душевой кабинки. Там она поет. Она поет под душем Милен Фармер или Патрисию Каас. Мне не особо нравится, если честно. Я больше тяжелую музыку люблю. Знаете, чтобы энергией заряжаться. У меня настроение улучшается от тяжелой музыки. Реально тяжелая музыка – это чертовски охрененно.

Однажды Мира подарила мне ожерелье из ракушек и голубых бусинок. Она чмокнула меня и сказала: «Анюта, моя русалочка». Ожерелье она купила в Париже, с Жан-Батистом. Мне на тот день рождения ничего больше не нравилось, ни куклы, ни сладости – ничего не могло сравниться с подарком Миры.

Еще она подарила мне губную гармошку *Hohner*. Тогда мне очень нравился блюз. Мадди Уотерс, знаете ли? Я люблю чертов старый блюз. Мира так взбесилась, что дала мне пощечину, когда я уронила гармошку в бочку с водой на нашей даче, это было на....»

Я остановил запись. Я просто встал и ушел. Стараясь идти как можно быстрее. Вниз, по пригорку, вприпрыжку.

Глава 5.

«Д» - Де-Фриз

Английский граф, предприниматель, выходец с острова Гельголанд, Джеймс Корнелиус Де-Фриз (по другой версии его зовут Джон, а не Джеймс), прибыл в 1865 году во Владивосток с намерением открыть торговлю и завести хозяйство, поселившись в гавани. Местом жительства себе Джеймс Корнелиус выбрал полуостров, вдающийся в Амурский залив. Так полуостров и получил свое имя – Де-Фриз (в народе произносящееся, скорее, как «дифрис»).

Много легенд ходит об этом месте, считающемся аномальной зоной. Существуют две легенды о трагической гибели молодой дочери графа. Первая гласит о том, что она утопилась из-за неразделенной любви, и безутешный отец посадил в своих владениях «Аллею любви», чтобы почтить память покойной дочери. Вторая легенда повествует о тяжелых условиях для преодоления небольших расстояний. В те времена приходилось пересекать море на лодке, чтобы добраться от Де-Фриза до Сад-Города. Однажды лодка перевернулась, и все ее пассажиры, в числе которых была дочь графа, утонули. В наши дни на полуострове в районе кладбища находится Мыс Утонувших, что может указывать на то, что легенда под номером два вполне может оказаться реальной историей.

(источников было много, скомпоновал их сам)

Умеет ли кто сохранять твердость духа и ясность разума, когда все происходящее вокруг неожиданно сплетается в паутину мистических совпадений и закономерностей? Чем руководствоваться, анализируя подобную ситуацию – рациональным началом или чувствительным?

Я попытаюсь рассказать по порядку то, что случилось со мной за недолгое время пребывания в Приморье. Иногда я буду сбиваться, пускаться в крайности или во все тяжкие, отступать от сути дела и сыпать ненужными деталями.

Я живу в центральной гостинице, из окна день за днем вижу бескрайний Амурский Залив. Я обрел душевное равновесие, или, по крайней мере, надеюсь его обрести, ведь психологи, да и молва людская, то и дело повторяют, что, лишь окружив себя оттенками синего цвета, станешь спокойным и мудрым. В моем номере наличествуют: двуспальная кровать, телевизор с множеством кабельных азиатских каналов, стол, за которым я пишу это и не только это, холодильник и пепельница. Разумеется, еще есть ванная и туалет в одной комнате. В платяном шкафу на верхней полке свернуто толстое и теплое одеяло, так что я вполне могу прямо тут и перезимовать. Если останутся деньги, конечно же. Если не останется – сниму квартиру на Маяке. Это мой любимый район во Владивостоке.

Маяк или Эгершельд: там заканчиваются автобусные маршруты, там же куча стальных нитями впившихся в землю рельсов держат на себе пустые составы, которым больше некуда ехать, разве только в волны морские всей тяжестью вагонов на дно... На Маяке заканчивается Владивосток, Россия, весь материк... Дальше отступать уже некуда.

В аэропорту я перепутал свой чемодан с чужим, довез его до отеля, и только тогда открыл. Счел слишком обременительным возвращаться и отдавать чемодан владельцу (точнее, владелице). А потом еще, сволочь эдакая, покопался в содержимом чужого багажа. Я нашел диктофон, на котором записаны сеансы Ани (очевидно, нынешней хозяйки моего чемодана) у психолога. Она говорит то сбивчиво, то протянуто, иногда это интересно слушать. Например, мне очень нравится этот отрывок:

«Владивосток раскинул свои щупальца во все стороны, кроме северной. На севере тигровой лапой его давит тайга. Владения Морского Чудовища заканчиваются. Владивосток боится кедров и диких кабанов. Он вычерчивается цифровыми

фотографиями бутиков на Светланской, пробок, транспортных развязок, и изредка – своим милитаризмом: бравыми морячками, зеленой подводной лодкой, фортами... Я хочу его мысленно покинуть, хоть ненадолго, но он не дает. Я доезжаю до Маяка, до самого края, как южная цупальца Владивостока хватает меня и тащит обратно. Гигантский осьминог с глазами-прожекторами, светящийся в темноте не фосфором, но электрическим освещением домов и уличных фонарей, он не дает мне судить объективно. Он говорит: «Посиди, не торопись, скушай крабика». Потому что он знает, какую опасность я представляю. Потому что горожане видят и принимают, наслаждаются и ругают.

И только тот, кто однажды потерял свой Владивосток, столкнулся с Морским Чудовищем. Я покинула Город у мыса трепанга, и голубой трепанг забрал мою удачу. На моей руке не видно линии везения. Мне это все гадалки говорили. Мои руки гладкие и скользкие, всегда холодные, а на подушечках пальцев кожа помята так, будто я сутками не вылезая из воды. Я стараюсь есть очень мало, и родители таскают меня по больницам, в надежде вылечить от анорексии. О черт, это выносит мне мозг, да.

Дагон, Кракен или кто угодно – он не хочет, чтобы я рассказывала о нем остальным. Он напускает густой туман, когда я хочу сфотографировать высокие сопки. Он плещется водой в подземных переходах. Один раз он даже утопил мое пианино, и пусть мне кто докажет, что это всего лишь совпадение. Да-да, кому ни скажу, все вспоминают этот фильм с Холи Хантер, где пианино утонуло... А героиня сама по себе немая, у нее на шее висит блокнот с карандашом постоянно... Помните это кино?»

Может быть, я нахожу связь там, где ее не может быть. Я и сам стараюсь так думать. Со стороны другой, многое меня раздражает. Например, при любом упоминании о пианино, я вспоминаю своего отца, будь он трижды проклят. А она знай себе ноет и ноет про это пианино чуть ли не в каждой записи. Еще она все время повторяет, что необходимо убить Миру.

Мира, насколько я понял – то ли старшая сестра, то ли гувернантка, то ли вообще не пойми кто. Она всех крушит и убивает. Причем Миру надо приструнить не с целью положить конец кровавой резне, а для того, чтобы – внимание! – духовно освободиться.

У каждого свои тараканы в голове, а у некоторых они по размерам не уступают мадагаскарским, наверное, это как раз случай моей Ани. Но вот что интересно – у нее ведь моя сумка, с моими записями и тетрадями. Читает ли она их? Вникает ли в то, что там излагается с таким же вниманием, как я слушаю ее надиктовки и перевожу их в рукописи? Чего только в жизни не случается: два незнакомых человека сначала порылись в, pardon, белье друг друга, а потом препарируют («выносят») мозги друг друга, по-прежнему не встретившись и не имея даже визуального представления о своем оппоненте.

У меня дурное предчувствие. И оно сбудется в ближайшее время. Потому что иначе никому не будет любопытно. Потому что если тебя угораздило вляпаться в историю с претензией на овечьи бестселлеры Харуки Мураками, то, будь добр, ляпайся дальше, подогревай интерес аудитории, не будь скептиком – это скучно. Лучше торжественно подытожь в конце, что эта диктофонная Аня – твоя единственная и последняя любовь, и ты пустишься на поиски Ани, пережив гряду невероятных приключений. Публика прослезится от умиления. Аплодисменты стоя. Букер, Оскар, Грэмми, награды телеканала MTV. Нобелевская премия. Перевод на 16 языков. Экранизация. Мы должны соответствовать сюжету. Я должен толкать пламенные речи. Жечь глаголом сердца людей. Но не в состоянии. Иногда я задаюсь вопросом, на кой черт у меня во рту есть язык. Вкусовые рецепторы? Природа-Творец посчитала, что различать соусы карри и барбекю важнее, чем взять телефонную трубку и сказать: «Алло». Важнее, чем позвать на помощь. Крикнуть: «пожар!». Спеть песню.

Какое убожество.

Аня говорит, что ей подарили однажды некую вещь, которую она потеряла еще в детстве. Причем, она дала очень точные координаты. Пару дней назад я, волею рока оказавшись в тех краях, на даче у моих новых знакомых, совершенно случайно обнаружил эту утерянную штуку буквально в тридцати метрах от указанной в записи локации. Это губная гармошка. Она лежит на столе, за которым я пишу это и не только это, вся покрытая ржавчиной. Аня говорит, что случайно уронила подарок в бочку с водой и больше никогда не видела.

Я подобрал губную гармошку и со всей силы выдохнул в нее. И появился звук. Мой рот за всю жизнь не вымолвил и слова, но я могу прибегнуть и к другим средствам (помимо карандаша и бумаги) для того, чтобы выразиться. Например, музыкальные инструменты – чем плохо? Хотя музыка всегда передает настроение, а не информацию. А в том, чтобы делиться своим практически всегда одинаковым настроением, я не испытываю ни желания, ни потребности.

Возможно, я от нечего делать придумываю сам себе всякую ерунду. Я придумаю её еще больше. Например, мы ездили на Де-Фриз, поставили там палатки, отдыхали на берегу моря. А ночью я уснул, изрядно выпив до этого, и мне приснился сон. В моем сне Марина пришла ко мне туда, в палатку, села и смотрит на меня. Я поднялся, прищурился в темноте и подумал: «Как здорово. Ко мне Марина приехала». Она смотрит и молчит, потом рядом ложится, я обнимаю ее. Как жаль, что в темноте ничего не напишешь, не спросишь, думаю я, обидно, да и она всё молчит. Затем вдруг начинает странный монолог. О том, что залив на первый взгляд мелкий, а на самом деле там ох как глубоко. О том, как холодна вода там, внизу. Короче говоря, я думаю, что это вовсе и не Марина была, а утонувшая дочка графа Де-Фриза. Имя «Марина» означает «морская». Какие сложные и вместе с тем примитивные параллели меня окружают и преследуют. И параллели эти надо развивать. Это как поставить напротив друг друга два зеркала – неизвестно, что в них можно будет увидеть. Например, ее лицо, которое я тысячу раз держал в своих ладонях, тысячу раз целовал – оно было изъедено рыбами, белое и распухшее от долгого пребывания в воде. Пи Джей Харви пела: «Little fish, big fish, swimming in the water, come back here and bring me my daughter». Они не вернут Корнелиусу дочку, там было не так мелко, как все привыкли считать.

Марина Де-Фриз – звучит совершенно по-французски. Я так же неповоротлив и обглодан прожорливыми рыбами, когда вспоминаю о ней. Наверное, многое хотелось бы сделать и многое сделалось бы, имей я хоть капельку веры. Есть слова, которые не хочется употреблять из-за их вычурности. «Любовь», например. Любовь, перевозносимая поэтами, раскладываемая на компоненты «нежность» и «уважение», любовь кровососущая – я не верил в нее и не смог бы поверить даже ради драгоценного восхищенного взгляда Марины.

В этом моя самая большая проблема. Мне никогда не удавалось сделать что-то хорошее для нее. Я вскакивал с кровати, возмущенно курил, и страдал. Не потому, что я ее любил. А потому, что сомневался, плел интриги и расставлял капканы, в которые сам же и попадался. И мне бы хотелось написать ей такими курчавыми завитушками, красной гелевой ручкой: «Марина, я тебя люблю».

Но я бессилен, и ветер, дующий с моря, уносит мои письма ей со стола на пол в коридор, я не хочу быть лжецом прежде всего перед собой, потому что я ни во что не верю. И я буду страдать, мучиться, курить среди ночи, выпуская дым в окно с Амурским заливом. Но на этот раз в одиночестве. И ее тревожить не буду, покой не нарушу.

Глава 6. «Е» - Емар

«...Вспоминали счастливые времена студенчества, когда гурьбой ходили в туристические походы по Краю, пели под гитару у костра, кормили комаров и жарились дикарями на песочке бухты Емар, которую называли Юмора, в отличие - от Шаморы или бухты Фельдгаузена...»

(В.К. Каринберг «Город на полуострове Муравьева-Амурского»)

«...Теперь Кристина жила ожиданием Валеркиных каникул. О лете буквально грезил. Так и мечтала, как они вдвоем поедут отдыхать куда-нибудь на Шамору, или в бухту «Три поросенка», или на Емар, в простонародье Юмора - шикарные пляжи в бухтах Шамора и Юмора, наследие японского пребывания в Приморье...»

(Т.В. Туренко «Когда меня ты позовешь»)

Сегодня ночью убили Миру.

Или не Миру. Согласитесь, когда кого-то убивают за стенкой от вашего гостиничного номера, вы волей-неволей вспоминаете события последних криминальных хроник по телевидению или недавно прочитанный детектив. А я за последние дни столько наслушался о том, что, равно как Карфаген должен быть разрушен, Мира должна быть убита, что меня даже не особо впечатлили снующие туда-сюда по коридорам врачи, люди в форме и перепуганные китайцы, высунувшие на шум головы из своих комнат.

Говоря откровенно, я даже ждал чего-то подобного. Я проснулся среди ночи, разнервничался и курил в форточку, как и обещал в своей эпистоле Марине. Мне приснился сон за пять минут до этого. Во сне я и Марина сидим на кровати в этом же номере, все окна открыты настежь, смотрим на Амурский залив, оттуда веет холодом и потусторонним злом. Аня бы сказала по этому поводу: «Морские чудовища Владивостока оживают по ночам». Большой пассажирский автобус стоит на волнах – как же он там оказался? – и прямо на наших глазах начинает уходить под воду. Автобус желтого цвета, внутри пустой. Даже водителя нет, никто не паникует и не выдавливает стекла в надежде выбраться за борт тонущего автобуса. Он слегка качается, кренится из стороны в сторону, и вот уже не видно колес, фар, он идет и идет вниз. Марина дергает меня за руку, кричит: «Ну ты же видишь, что он тонет! Сделай же что-нибудь!»

На этом сон прерывается, я встаю с кровати и иду закрывать окно. Оставляю небольшую щель, чтобы дым не оставался в комнате. Упираюсь руками в подоконник и изо всех сил напрягаю зрение, буравлю глазами дырки в ночном чернильном море за окном. Однажды моя бабушка рассказывала мне о том, как она так же среди ночи встала, подошла к окошку и просто смотрела в темное небо. «Самое удивительное, что со мной никогда прежде ничего похожего не происходило, - добавила она, - конечно, бывают люди, которые так делают... Но я обычно иду на кухню попить чаю, успокоиться... Я не подхожу к окну в три часа утра». Оказалось, что той ночью, когда бабушка смотрела ночью из окна, произошло землетрясение. Совсем мало баллов было, несильные толчки, но все дверцы шкафов открылись и посуда из сервантов падала на пол. То землетрясение не было страшным и разрушительным, говорила бабушка. Но она его предчувствовала на каком-то подсознательном уровне.

То же примерно случилось и со мной. С моря прямо-таки веяло чем-то inferнальным. Я курил и курил. Ждал маленького землетрясения. «This little earthquake doesn't take much to rip us into pieces»¹²

¹² Строчка из песни Тори Эймс «Little earthquake».

...Я таращился в темноту, в морские чернила, ждал желтого автобуса. Еще чего-то ждал. Маринино «Сделай же что-нибудь!». Я хотел, чтобы она нарушила тишину. Её здесь не было. Это был сон.

Время остановилось. На моих часах нет секундной стрелки, поэтому я не мог в этом убедиться. Отсчитывал секунды сам. Осталось семнадцать, я отсчитал сто восемьдесят. В конце концов, я услышал этот чертов хлопок. Он нарушил тишину.

Я смог выдохнуть, потусторонние силы зла отступили, море закишело волнами, включился холодильник. Через стену от меня убили Миру. Или еще кого-то. Тогда я этого еще не знал. Не требуйте от меня описания оглушительной перестрелки. Мне вообще показалось, что в соседнем номере упала тяжелая книга. «Стены из картона», - такой была моя первая мысль. Я затушил четвертый подряд окурок и лег спать.

По всем канонам жанра с утра меня разбудил оглушительный крик горничной. Спустя полчаса по коридору затопало несколько десятков ног. Представители закона заглянули и ко мне на огонек, дабы выпросить, не довелось ли мне ночью увидеть что-то подозрительное. О да, товарищ старший лейтенант, как насчет застывшего на несколько минут океана?! Это я и попытался донести собеседнику, выписывая шикарные кренделя своими пальцами и беззвучно раскрывая рот, словно рыба, хватаящая пузырьки воздуха. «А, он глухонемой», - махнул на меня рукой человек в погонах. Глухонемой в моем случае приносило гораздо больше выгоды, чем просто немой. Можно косить под дурачка, в данной ситуации это должно сработать. Я приклеился к дверному глазку на добрые полчаса.

Китайцы испуганно галдели на своем языке. Прокуратура и милиция обшаривали злосчастный 912 номер на предмет улик и всяких других интересностей. Наконец, врачи повезли прочь с постоялого двора носилки, на которых лежал хладный труп, еще вчера бывший моим соседом или соседкой. Нацепив на лицо выражение юродивости, достойное Юшки (привет, Платонов!), я выглянул в коридор.

За долю секунды я нашел два доказательства своей притянутой за уши теории. Во-первых, из-под целлофановой пленки, в которую медики завернули тело, свесилась вниз и беспомощно раскачивалась в воздухе по ходу движения носилок женская рука. Значит, это была соседка. Во-вторых, пленка закрыла лицо убитой, но не всю голову. Почему так вышло и должно ли так быть – не ко мне вопрос. Я скажу лишь о том, что увидел прядь спутавшихся и свалывшихся рыжих волос. Ставлю свою собственную жизнь на то, что это была Мира! Больше там быть некому. Я вернулся к себе в комнату и стал выжидать благополучный момент.

Я сел на ковер. «Ковровое покрытие». Обычно это называют так. Взял визитку гостиницы, которая лежала с самого начала на прикроватной тумбочке. Написал на ней: «25 июня. Ночь. Время остановилось. В номере 912 убили Миру». Я положил визитку себе в портмоне, спрятал ее между кредитной карточкой и водительскими правами. Мне никто и никогда не поверит. Я нашел диктофон. Аня сказала, что хочет убить рыжеволосую Миру. Ночью убили мою рыжеволосую соседку. Что тут может быть непонятно? Или неправдоподобного?

Я нашел ржавую губную гармошку, которую Мира подарила Ане тысячу лет назад. Вернувшись в город, я очистил инструмент от ржавчины и прочитал выгравированную на нем надпись: «Protege Anna du silence des bois»¹³. Я прикрепил гармошку рядом с давним подарком Марины мне. «Сберегу Аякса от трезубца Посейдона»...

Я тоже часть всей этой паутины. Хотя бы на этом основании я могу знать, что убитую звали Мира, и что это наша Мира из наших рассказов. Да-да, наших, потому что я переписал большую их часть на слух от руки. И это значит, что моя Мира умерла прошлой ночью, я это предчувствовал, я встал с кровати и выкурил несколько сигарет. Даже море затаило дыхание, заинтригованное тем, убьют ли нашу Миру или нет. Я влез в

¹³ фр. «Сберегу Анну от лесной тишины»

чужую историю. Расхлебываю чужую кашу и пытаюсь выглядеть всезнайкой. Но ведь каким-то образом, по неведомым мистическим законам, диктофон оказался именно у меня. Что же следующим окажется у меня?

Библия. Книга книг.

...Я –юродивый Юшка, с расстегнутым и перекрученным воротником, хлопающий глазами и брызжащий слюной с уголков рта, безобидный глухонемой придурок, вышел в коридор еще раз, спустя несколько часов, прихватив резиновые перчатки.

«Помещение опечатано». Опечатано, а внутри никого нет. И на этаже никого нет. Ни один китаец не тащит свои пожитки на колесиках, ни один японец не идет заваривать лапшу. Пусть прибой за окном вновь утихнет и даст мне проскочить незаметным. А выскочу заметным – так, да это же немой инвалид всего-навсего перепутал циферки и ошибся дверью! Разве можно ругать за такое ущербного и обиженного самой природой человека, а тем более арестовывать его?

В 912 номере не осталось ничего. Напрасно я искал рыжие волосы на подушке. Напрасно двигал мебель, опасаясь порвать перчатки и наследить своими пальцами. Я не нашел ничего, за что можно было бы зацепиться. Из чего можно было бы развить еще более гротескные теории сопричастности всего и вся. Напоследок я вспомнил о теплом зимнем одеяле, которое хранилось на верхней полке шифоньера в каждом номере, и только там меня ожидала удача. Я выудил из недр шкафа на свет божий тяжелую Библию в строгой черной обложке. Пожалуй, для правоохранительных органов Священное Писание не представляло никакого интереса. В отличие от меня, мигом просекшего фишку и еще больше испугавшегося после этого.

Что же скрывалось под черным переплетом с золотым крестом посередине? Нет, никаких писем и дневников, пусть это все же остается моей прерогативой. Так что же я обнаружил, открыв великую книгу? Только буквы и строки. Такие, например: «Au commencement, Dieu cré le ciel et la terre»¹⁴. Именно так, небо и землю. Затем Бог дозрел до того, чтобы сотворить благословенный город Владивосток на берегу Японского моря. И сколько женщин обитало в этом городе жарким июньским месяцем этого года? Примерно половина всего населения. Которые из этих женщин носят длинные рыжие волосы? Две трети вычеркиваем сразу. Наконец, которые из этих женщин владеют французским языком? Так, чтобы и Библию почитать, и губные гармошки порасписывать? Пусть теперь кто попробует доказать, что убитая была не Мира.

Кто-то подошел к двери 912 номера. У меня чуть сердце не остановилось. Разумеется, я залез под кровать за считанные секунды и уже прикидывал, что я поведаю сурдопереводчику в ближайшем отделении милиции. Тень встала на пороге и не заходила внутрь, словно ожидала чего-то. Всё смахивало на ужастик, я уже представил как Тень или Некто проходит сквозь дверь и склоняется ко мне. Да уж, если Миру убили сегодня ночью в этой кровати, чего хорошего вообще ожидать от этого места? Какой черт дернул меня сюда идти? Любопытство. Поиски истины. Это вообще смешно звучит. Я летел на самолете десять тысяч километров, прибыл в край невиданных красот, по соседству от меня убили женщину, я тайком залез в ее опечатанную комнату и теперь кто-то жуткий пришел по мою душу. Вот где истина.

Ушел. Тень исчезла. Я высунул голову из-под кровати, шестым чувством опасаясь, что сверхлегкий бесшумный невидимка, тихонько забравшийся на кровать за этот временной промежуток, вот-вот схватит меня за волосы и заорет в ухо: «Ага! Попался!». Пожалуй, в этом случае я умру от инфаркта и, по крайней мере, никому не придется ничего объяснять. Но Тень больше не стояла за дверью. Она ушла. Я вслушивался в уходящий шаг Тени. Я хотел успокоиться. Цок-цок. Коняшка. Цок-цок, действительно уходит. Ага, каблучки! Получается, еще одна таинственная незнакомка. Знакомка. Мой Бог, какой же я

¹⁴ фр. «Вначале сотворил Бог небо и землю» Книга Бытия, глава 1.

идиот. Кто сюда мог прийти, кроме нее?!? Какой же я настоящий юродивый болван, почему невозможно было догадаться раньше?

Каблуки дошли до холла и вызвали лифт. Сначала я хотел выскочить вслед за ней, догнать, порисовать слова пальцами в воздухе и отдать её диктофон и остальные вещи. Потом я представил, как это будет выглядеть, и решил оставить всё как есть. Я встал, отряхнулся, пытался дышать ровно, стоя в проклятом месте и обеими руками прижимая к груди французскую Библию. Захватывающая картина.

Она оставила мне подарок. Пока я боялся и трясся под кроватью. Она просунула под дверь фотографию. Старую-престарую, черно-белую, с потрепанными углами, выцветшую от времени. На фотографии группа молодых людей расположилась возле скалы на морском берегу. Двое юношей ставят палатку, три девушки улыбаются в объектив. Парни одеты по-походному: свитера, спортивные брюки, кроссовки. На одной девушке, что выглядит старше остальных, летнее платье в цветок, на другой – вязаная кофта и джинсы, на третьей (самой младшей) длинный плащ. Та, что в вязаной кофте, обнимает еще одного молодого человека, который держит в руке гитару, завернутую не в чехол, а в полиэтиленовый пакет. В общем, самый что ни на есть обычный кадр из молодежного похода. Я перевернул фото. На обратной стороне карандашом была подпись: «L'Émar – L'Humour – La Humora. 1979.»

Рядом с фотографией был небольшой сверток, состоящий из нескольких листов. Я развернул сверток и обомлел. Японские иероглифы. Только этого мне не хватало для полного счастья. Я учил японский самостоятельно, и мог переводить тексты... Но здесь у меня не было ни словаря, ничего... Великолепно. Для разгадки этого комедийного триллера им был нужен ни кто иной, как немой полиглот. Час от часу не легче. Я покинул номер Миры, бережно сложив один трофей в другой: фото подростков и сверток с «японской грамотой» я спрятал между страниц Библии. Подойдя к своей двери, я достал было ключ, как внезапно меня вновь охватил дикий страх. Что, а главное, кто уже мог побывать и в моем номере? Какие-то странные штуки тут творятся. Как бы то ни было, я не хотел возвращаться к себе. Только не сейчас. Только не сейчас.

Я спустился в бар, и Серега налил мне Кровавой Мэри. По мере телесного опьянения, разум мой все более и более трезвел, страх постепенно уступал место настороженности. Кто-то играет в странные игры. Потому что уже один человек мертв. Значит, игра недобрая. Немного помедлив, я показал фотографию Сергею. Он повертел ее в руках, чуток порассматривал, а потом вернул мне.

- Да это же Юмора, - сказал он, протягивая мне старое измятое фото, - это Юмора.

* * *

Бухта Юмора в лучах заходящего солнца – великолепное зрелище. Я забрался на скалу и смотрел, как зеленые волны кидаются на острые камни и разбиваются вдребезги. Где-то я уже писал о том, что вечером море похоже на мятное желе. Юмора (официально «Емар») – замечательное место для походов, палаток и шашлыков. Здесь все так и дышит свободой.

Я дышал свободой, стоя на вершине отвесной скалы, и ветер дул мне прямо в лицо, я закрыл глаза и вдыхал свободу во все легкие, туда, где еще есть место, свободное от детективных головоломок и сеансов психотерапии. Это место пока что вакантно, продуваемо океанским бризом, распахнуто настежь. Это ли место для сердца? Я должен всего-навсего приложить правую ладонь к губам, а потом – к сердцу: вот и вся любовь на моем языке. Плюс десять букв письменного признания. И что взамен таких незначительных трудов? Нежность, забота и ласка, песенки-стишочки, запах волос на заколке, огромная пицца с сыром и ветчиной, турагентства, исключенная возможность быть белой вороной или потерять лицо.

Я же остаюсь.

Мои любимые с детства герои, асоциальные и суровые... Хикклиф, держащий в ежовых рукавицах весь Грозовой перевал – даже к нему можно было найти подход, он не злой, это просто жизнь такая... Хикклиф влюблен. Это обеляет его и оправдывает всю устроенную им жуть. Хикклиф стоит на горе, взор его устремлен куда-то далеко, за горизонт. Хикклиф бродит по вересковым пустошам и полы черного плаща его развеваются на ветру... И вся эта дешевая красота. Башни с заточенными принцессами и маги в колпаках со звездами.

Пожалуй, в черно-белом кино с трескающейся озвучкой, Аякс стоял на вершине скалы на Емаре и сизые тучи сгущались над бедной его головой. События безумного дня не давали покоя его мыслям.

Аякс вздрогнул. Ветер усилился. Море, которое прошлой ночью неожиданно замерло, сейчас злилось и буквально закипало – так уж эти высокие волны выглядели сверху. Кипящее мятное желе где-то там, внизу... Мятная Юмора. Старая Юмора на пожелтевшей фотографии.

Аякс вытащил из кармана мобильный телефон, который молчал все дни его пребывания в Приморском крае. Одно входящее сообщение. Он так картинно прикрыл глаза – нам ведь нужна настоящая трагедия! – и нажал на кнопку «читать». Нет-нет-нет. Это не было сообщение на французском языке. Это не имело никакого отношения к сегодняшним заботам. Все оказалось куда проще. «КУДА ТЫ ПРОПАЛ? ВЕРНИСЬ ДОМОЙ, СЫНОК».

У меня во рту пересохло. Погода портилась. Очередная волна разбилась с оглушительным грохотом. Мой отец всегда умел подбирать слова. Когда я жил в интернате, он писал мне письма на листах, вырванных из деловых ежедневников. Он писал: «Одевайся теплее, на улице уже ледок». И я думал, только бы прилюдно не разрыдаться на слове «ледок». Я выходил зимой во внутренний двор и перечитывал стопку огрызков из отцовского органайзера. Ледок. Сынок. Как трогательно.

Только эти слова ничего не значили для самого отца. Он просто знал эффективность фразы «Тянешься к книгам, бедолага», когда в библиотеке интерната не оказалось интересующего меня фолианта. Папа меня жалеет, подумал я. И, как всегда, просчитался. Потому что все книги я купил себе сам. Впоследствии. Он не мог даже отсканировать несколько страниц. Я купил все свои книги себе сам, когда я стал работать письменным переводчиком. И мой отец пел на каждом углу о моих переводческих талантах, которые приносят неплохие деньги.

А до этого он привозил мне в интернат подарки на день рождения. Он дарил мне ручки Parker, чтобы «от моего немного спиногрыза была хоть какая-то творческая польза. На пользу материальную мне рассчитывать, увы, не приходится».

Давным-давно, когда еще деревья были большими, я грохнулся с какого-то гребаного карниза и расшиб себе все, что можно, на внешней стороне запястья остался отвратительный кривой шрам. Мой отец не соизволил привезти мне леденцы с апельсинами. Он не мог даже брякнуть что-то из серии «шрамы украшают мужчину». Ни черта подобного. Он просто скорчился, отвернулся и сказал: «Я не могу смотреть на это уродство. Тебе стоит носить часы с широким ремешком, чтобы никто не заметил такую гадость».

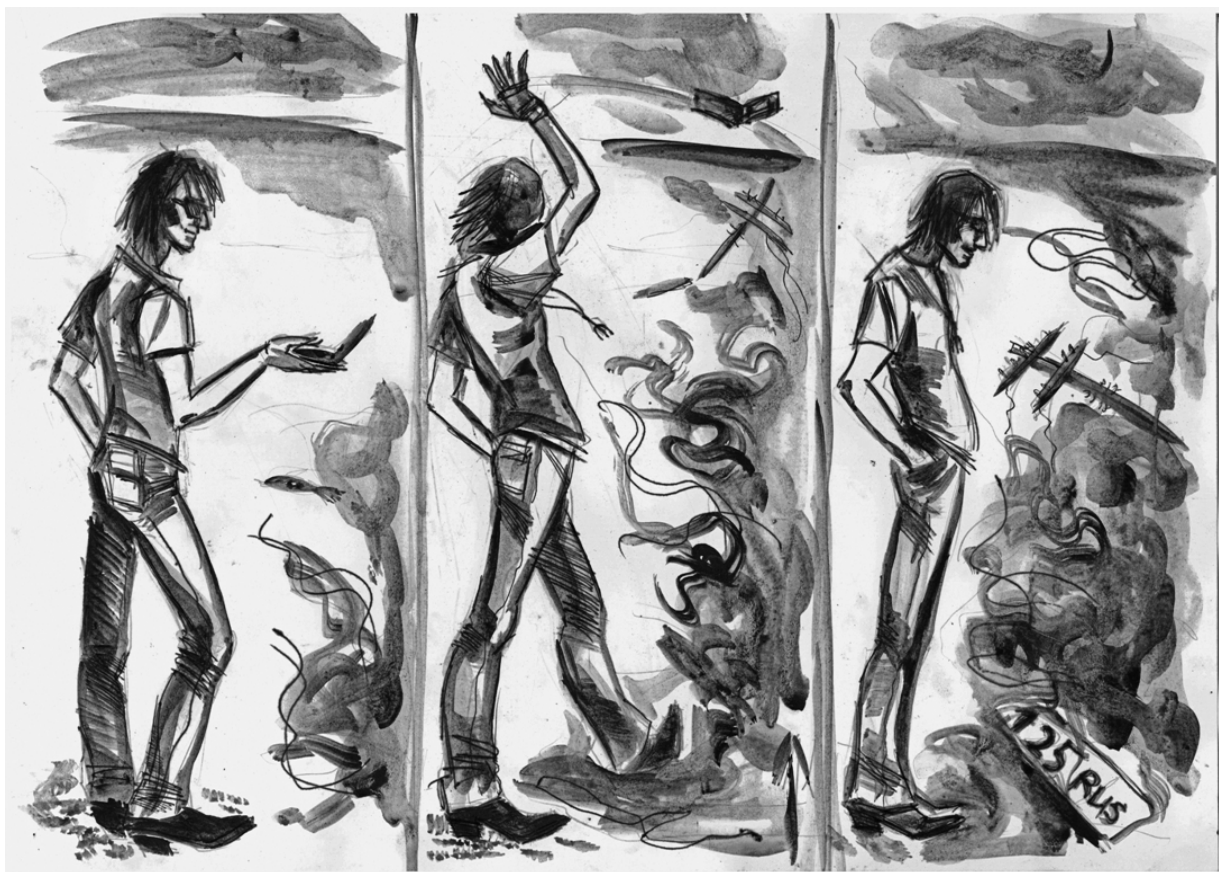
А сейчас он хочет сынка обратно. Блудного сынка, наверное. Он же не мог выгнать меня из собственного дома, вы что, столь уважаемый в народе господин просто так не может поступить... Барин у нас интеллигентный, увлекается эпохой Наполеона и играет на фортепьянах. Он играл на фортепиано, когда я навсегда покинул свой дом – я видел его силуэт в окне – и я ненавидел этот музыкальный инструмент. Я бы выкинул эту деревянную махину в море прямо вот с этой скалы. Пусть оно утонет ко всем чертям! Пусть все его клавиши отвалятся, и пусть прибой вынесет их на берег, чтобы люди, которые отдыхают на пляже или пошли в поход на бухту Емар, спотыкались об эти деревяшки и недоумевали: «Что за рухлядь из воды принесло?». Тогда мой отец не

сможет ничем прикрываться. И ему останется только молчать. Тогда мы будем в равном положении. А если он не будет молчать, он сможет только вопить, как в мой последний вечер в его доме: «Ты тут никто! И ничто!»

И на этом ходе в игре мрачный и одинокий Аякс смог максимально вжиться в свою роль. Он начал делать типично экранные жесты... Забавная девушка, эта Марина, она вычитала где-то, что признаться в своих чувствах глухому, немому или вовсе глухонемому человеку можно, нарисовав большими пальцами обеих рук сердечко. Господи, лучше бы она сказала это вслух, так я бы скорее понял ее. А нарисовать пальцами сердечко я и сам могу.

Я не хотел сердечек. Никогда. Я хотел сжигать мосты экранными жестами. Как Гарольд. Как Хитклиф. Аякс, стоя на вершине отвесной скалы не по-летнему холодным вечером, долгое время был погружен в свои думы, которые были под стать погоде – все местные СМИ объявили штормовое предупреждение. Затем Аякс размахнулся и выкинул свой телефон в море.

Рассвирепевшее от ветра морское йодисто-мятное желе в один миг поглотило ненавистную трубку. Аякс чувствовал красоту и значимость этого поступка. Аякс чувствовал себя героем книг и фильмов. Он был обижен, разочарован, одинок, зол. Он был погружен в черную меланхолию. И вновь привет, Гофман. Аякс был свободен. Осознание этого должно было перевесить все плохое на противоположной чаше весов. Аякс верил в лучшее и старался ко всему относиться с юмором. Да-да, avec l'humour¹⁵.

¹⁵ фр. «с юмором»

Глава 7. «Ж» – Женьшень

«Только чистый, непорочный человек может найти пан-цуй (женьшень); это недоступно для человека, ведшего ранее жизнь безнравственную, это недоступно для того, кто постоянно причинял людям зло и обиды. В мгновение ока растение исчезнет, корень глубоко уйдет в землю, гора, где рос женьшень, начнет стонать и колебаться, и из зарослей выходит грозный хранитель лесов – тигр. Завидев женьшень, манза-искатель кидает в сторону от себя палку и, закрыв глаза рукою, с криком бросается ниц на землю: «Пан-цуй, не уходи, - кричит он громким голосом. – Я чистый человек, я душу освободил от грехов, сердце мое открыто и нет худых помышлений». Только после этих слов китаец решает открыть глаза и посмотреть на растение.»

(источник: В.К.Арсеньев «Китайцы в Уссурийском крае»)

Бескупюрное житие преподобной Миры

Level I. Аня.

(ЗАПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ДИКТОФОНЕ АНИ):

«Я сегодня расскажу вам первый уровень Бескупюрного Жития Преподобной Миры. Это что-то вроде ее мемуаров. Она пишет их своими чертовыми иероглифами, которые я не понимаю. И не могу прочитать. Меня это бесит! Однажды я к ней прицепилась, Мира, а что ты там пишешь, в этих сверточках? Она говорит – житие. Блин, можно подумать, она святая, ха! Потом она сказала, что ее житие – что-то типа компьютерной игры. И что я могу рассказывать другим людям о ней всё, что захочу – и всё это будет разными уровня-ми ее жития.

Усекли? Черт, я тоже нет. Надо типа просто говорить, и всё. Так давайте я буду говорить... Черт! Это меня раздражает! Окей, сейчас начну... с чего-то отвлеченного... Мне всегда было жалко чаек. Казалось бы, блаженно зажмурься, да ложись на песочек, слушай морской прибой и крики чаек... Меня это сочетание – шум волн и вечно пищащие чайки, приводило в ужас. В панику даже. Конечно же, это всего лишь мое восприятие, но мне слышалось там отчаяние... какая-то тупая боль. Плюс еще этот стишок... Ну, не знаю я автора. Стих уже давно стал народным достоянием – люди копируют текст, отсылают друг другу... Стишок начинался так: «Скажи, а чайки тоже плачут, когда их море предает?». Какие вирши последовали дальше, я не помню, но подобного интро хватило для того, чтобы я навсегда усвоила – чайки не кричат, они плачут. Потом этот репортаж из зоопарка в Ростове, где какие-то живодеры убили двух чаек... И мои бедные чайки всегда рыдали, наворачивали круги по воздуху, когда я карабкалась вверх по Океанскому проспекту, путаясь в собственных волосах, тщетно пытаюсь раскрыть зонтик. Чайки плакали, когда на Тавайзе я поранила ногу ракушкой, и Мира вытащила осколок из кожи, я и чайки плакали хором, плакали в унисон, когда Мира схватила мою щиколотку, рывкнула так грубо: «Да не дергайся ты!» и просто взяла и вытащила этот острый осколок ракушки. А потом приложила к ране ватку, смоченную в настойке женьшеня.

Чертова Мира. Вы хотите услышать все по порядку? Это вряд ли получится, потому что чего-чего, а порядка там и в помине не было. Keine Ordnung. Представляете, я еще помню немецкий? Так что вас интересует? Как она оказалась у нас? Ну и вопросыки...

Знаете, что она еще воспитывала мою маму, и мою тетушку? А то и бабулю... И мою немую прабабушку. У меня есть доказательства.

В школьные годы свои мамочка и тетя ходили с друзьями-подружками в походы на море. На Шамору. И на Юмору. В походы, короче. На море. Так вот, Мира ходила с ними. Это абсолютно достоверная информация. Одна заковырка мне покоя не дает: раньше думала, что Мира как мама, потом я выросла, вымахала за метр семьдесят, так, что вот уже Мира, крохотная, как куколка, в своих босоножках на платформе, которые она носит, чтобы казаться выше, стоит рядом со мной, и я взрослая уже вроде как, а она все та же. И мама уже старше на пятнадцать лет, и тетушка, а Мира стоит и стоит на своих платформах и не меняется. Я спросила еще тогда, когда я едва умела читать по слогам, когда мы отмечали Новый год в Арсеньеве: «Мира, сколько тебе лет?». Она ответила: «Тридцать два».

Позже гораздо, она как-то приехала ко мне в университет, я стою возле кофейного автомата, курю. Она как выдернет у меня сигарету прямо изо рта! При всех! Давай меня лечить: «Тебе сколько лет, чтобы курить!». Ну, я разозлилась, понятное дело, давай огрызаться: «Мне-то всего восемнадцать, а тебе сколько лет, чтобы при всех на меня кидаться?». Тут она так медленно повернулась, прямо в глаза смотрит и чуть ли не шипит от злости: «Мне, между прочим, уже тридцать два года! Поживи с моё, тогда будешь дерзить старшим». Подумаешь, какая фифа! Вот у меня и засела идея дожить до собственных тридцати двух, а потом показать ей, где раки зимуют. О да, я ей все мозги вынесу! Только самое смешное то, что, когда мне будет хоть пятьдесят лет, Мира останется тридцатидвухлетней. Это я вам точно заявляю. Не верите, спросите у мамы или тётки. Они через это сами прошли. Они знают.

А сейчас между нами разница в десять лет, я совершеннолетняя уже по всем европейским, российским и американским меркам. Но ей наплевать. Например, мы едем покупать патроны или еще что-то в этом роде. Едем в оружейный магазин. Мира у нас охотница. Только на охоту она не в тайгу с ружьем ходит, а в город с пистолетом. Это меня не касается. Вас тоже. Короче говоря, приезжаем с ней в магазин, я говорю: «Мир, давай я в машине останусь, а?». Она тащит, и тащит меня туда, хоть я и не хочу. Вот заходим в помещение, я стою в дверном проеме, такая высоченная и тощая, как каланча. Уши заткну плеером. А Мира вся из себя такая кокетка, одну ножку на другую закинет, пухленькая, улыбочивая, рыжую прядочку на пальчик накрутит и смеется, улыбается.

Продавец как ее издали приметит, тут же самые лучшие патроны из подсобки притащит, распушится от гордости, весь пунцовый прямо, да нахваливает свой товар. Такое убогое зрелище эти двое представляли, скажу я вам по секрету. Я скорчу физиономию и стою в углу этой лавки, музыку в наушниках слушаю, делаю вид, будто мне глубоко фиолетово на всё. Только одно мне непонятно – ну хочешь ты похихикать с оружейным торгошом, ну меня-то зачем с собой брать? Мне больше удовольствия доставит в машине на большой громкости музыку послушать. А Мира будет ворчать: «Мало ли что с тобой случится», и опять потащит меня на привязи по своим делам.

Она постоянно заставляет меня есть и после того, как я поем, запирает туалет и ванную на два часа, чтобы я не сблеванула. Думает меня перехитрить. Мира ничего не знает о причине моей голодовки. Она никогда меня не поймет, она слишком узко мыслит для этого. Еще она не выпустит меня из дома осенью без шарфа-шапки-перчаток и прочих шерстяных колготок. Она заставляет меня каждый день съедать по ложке женьшеневого меда. Говорит, что женьшень – панацея от всех болезней.

Они созвучны, эти слова – «пан-цуй» и «панацея»... У женьшеня много других названий, как говорит Мира. Среди них «корень жизни», «удар бессмертия» и «чудо мира». Мира постоянно повторяет, что женьшень – одна из причин, постоянно возвращающих ее в Приморский край. Здесь он растет в тайге в диком виде, а те же китайцы и корейцы его культивируют... Так вот, дома у меня всегда был корень женьшеня, стоявший в банке липового меда. Мира заказала два корня у дяди Володи из

Арсеньева. Второй она опустила в маленькую бутылку с водкой, и, спустя некоторое время, от водки там не осталось и следа, вместо нее получилась какая-то панцирная настойка, которой можно один раз протереть рану, и на следующий день рана затянется, а то и вовсе исчезнет...

У Миры был муж, Жан-Батист. Только он к нам приезжал очень редко. Помню, что он всегда хромал на левую ногу. Говорили, что у него протез вместо ноги. Он громохал. Я имею в виду протез. Такой звук был, будто эта искусственная нога из железа сделана. Скорее всего, он был на войне... Где же он еще мог потерять ногу? Они с Мирой не из тех людей, которым поезда отрезают конечности. Они же страшные милитаристы, ходили всю жизнь и гремели своими пушками.

Они частенько созванивались, когда Мира была у нас. Чтобы связь не пропадала, она поднималась с трубкой радиотелефона на пятый этаж в подъезде и там говорила с мужем. Обычно это было часов в одиннадцать вечера. Однажды она вернулась в нашу квартиру после такого телефонного разговора, села в кресло и в никуда выдохнула: «Merde!» Я рассмеялась, потому что уж это слово знала точно. А потом выяснилось, что ей позвонили сообщить о смерти Жан-Батиста. Причем он как-то не сказать что с миром упокоился: то ли злоумышленники взорвали офис Жан-Батиста, то ли он сам куда-то поехал и там подорвался... Разлетелся на миллион кусочков и лоскутков. Тут даже самый большой в мире корень женшенья не склеил бы несчастного обратно.

Мои это все обсуждали за закрытыми дверьми, предварительно уложив меня спать, так что я не знаю ни фактов, ни деталей, увы. Я знаю, что он торговал оружием. Не как тот елейный продавец, нет. У Мириного мужа была целая корпорация своя... И вообще, он был связан с мафией... С бандитами там всякими. Французскими бандитами, разумеется. Еще я знаю, что французская мафия связана с японской мафией. Может, и с якудзой. Их что-то объединяет. Только я не знаю что, да и не особо хочу знать.

Она родилась в Ниигате. У Миры маленькие раскосые карие глаза, каким бы клеем она ни распахивала свои веки, и какие бы изумрудные-бирюзовые линзы туда не засовывала. Как-то раз Жан-Батист подарил мне футболку. Он привез три футболки. Мне досталась детская, маленькая, небесно-голубого цвета с надписью ROMANTISM. Классно, вот почему латиница всегда воспринимается на ура, вне зависимости от того, что написано. Эффект «импортной вещи»? Наверное, так... Вторая футболка была белая, где-то сорок четвертого размера, на ней было написано REALISM. Ее забрала то ли мамуля, то ли тетушка. Вроде бы до сих пор порезанными лоскутками той «реалистической» тишотки я дома пыль вытираю... Мама или тётя – кто-то из них красил волосы в этой футболке.

А вот третья досталась Мире. Розовая. Ничего особенного. Надпись, отличная от наших – POSTMODERNISM. Она нечасто ее надевала. Она всегда носила одно и то же. Это ситцевое платье в цветочек. Если Мира – горец фасона Дункан Маклауд, и действительно тысячелетиями живет в возрасте тридцати двух лет, то каким же мистическим образом ее платье всегда выглядит как новое? Я много раз видела, что она его стирает и гладит... но его абсолютно не берет время. Как так может быть, ткань ведь изнашивается? Мира стоит в этом самом платье на фотке из маминого школьного похода на Юмору! Меня тогда даже на свете не было, вы представляете?! Как ей это удастся? А футболка «Постмодернизм» буквально за год растянулась, краска поблекла, нитки полезли. Цветочкино платье же по-прежнему оставалось свеженьким и накрахмаленным.

Мира исполняет все желания. Когда люди плохо со мной поступали, она их убивала. Так просто. Я спрашивала, а вдруг полиция найдет убийцу, Мира, тебя ведь посадят в тюрьму? Она только смеялась в ответ. Ее смех и оптимизм здорово мне руки развязал, что тут говорить. Стоило мне разозлиться, Мира тут же крушила всех направо и налево.

После смерти мужа она практически переселилась к нам. В Париж летала крайне редко. Она пробовала научить меня французскому, я только кривилась. С японским была та же история. Черта с два я буду учить то, что она мне навязывает! Назло Мире в университете я выбрала себе немецкий язык. Просто чтобы не быть такой, какой она хочет меня видеть.

Кстати, почему-то Миру видит очень мало людей. Живые не видят Миру. По крайней мере, у меня постоянно такое ощущение.

В детстве Мира пела мне одну и ту же колыбельную, слова которой я выучила наизусть. Вот такая песенка была:

*Посмотри на это небо:
Оно вечно-безгранично,
Ему нет конца и края,
Нет конца его краям.
Нет предела и не будет,
Его не было и раньше,
Его видел только ветер,
Что бродил по небесам.
Ветер в марте птиц гоняет
Прямо с крыши военкомата.
Мое небо исчезает,
Моя ты не виновата.
Ты – любимая свобода,
Нет предела и не будет,
На задворках небосвода
Ранней утренней весной.*

Может быть, она сама ее сочинила... Только каждые выходные родители мои ехали по магазинам в центр города, и солнце заливало широкие трассы, солнце освещало Проспект Столетия, солнечные зайчики бегали по морю, по красивым автомобилям, по величественным кораблям... Я с детства носила солнцезащитные очки, да и родители мои тоже.

То были моменты счастья и безмятежности. Детство в машине в темных очках под слепящим солнцем, под голубым небом, обветриваемым соленым океанским ветром. Мамина золотая помада, всё белоснежное, золотое... и лазурь. Густая, как гуашь. Насыщенная, плотная, как важный раздувающийся парус, осязаемая лазурь, разлившаяся по безграничному своду небесному, лазурь, змеями опоясавшая наш гордый город, лазурь, целующая стекла моих темных очков золотой пылью маминой помады...

Мира пела мне колыбельную, сотканную из самых радостных мгновений. И там, темными ночами, в головокружительном пожаре под шерстяным одеялом, в красном угаре дымовой завесы подушек, укутанная по Мириной методе «спящим – перекрыть кислород», я вновь проваливалась через твердолобый асфальт и рисованные самой судьбой рамки времени в нежный и наглый позолоченный бирюзовый весенний полдень, подпирала башмаками военные корабли и пассажирские круизные лайнеры, подпирала башмаками блестящие автомобили, смотрела на небо и позволяла солнечным лучам с хрустальным хихиканьем ломаться о черные стекла моих очков... О прошлое... Я могу говорить об этом бесконечно. Оно выносит мне мозг, о черт, о да.

Напоследок, наверное, надо сказать, о том, что у Миры есть любовник. Он японец, но всю жизнь живет тут, на Эгершельде. Он работает на маяке. В смысле, не остановка «Маяк», а на самом маяке. Включает его он, что ли... Он похож на одного моряка Чарли Блэка из книжки «Урфин Джюс и его деревянные солдаты», помните такого? Вот, тот тоже носит тельняшку. Всю засаленную и грязную. Я вообще не понимаю, как

Мира после красавца а-ля Гамлет Жан-Батиста может встречаться с этим стариком. У него за душой ни гроша. Он повернут на тачках. Каждые выходные он приходит на Зеленый угол и начинает донимать покупателей своими советами, сравнениями и рассказами о том, какая машина лучше, и какую брать не стоит, за что его ненавидят торгаши. Правда, если он подходит к неуверенному покупателю и в итоге машина переходит к новому хозяину, то продавец платит Мириному любовнику кой-какие денежки. За то, что подсобил, так сказать. Мириного матроса-маячника зовут Кано. По-японски это имя значит «Бог воды». Да уж, такой бог, скажу я вам... Он живет в гараже. Он мечтает о машине, то и дело покупает всякие диски, колодки, шины, даже гараж построил... А тачку себе купить не может. Станный человек. Такой же странный, как и Мира. Как-то ночью мы заехали к Кано, Мира опять потащила меня с собой. Я сидела в этой лачуге, пока они что-то оживленно обсуждали на японском языке, родном для обоих, но забытом за ненадобностью. Потом Кано притащил из погреба какие-то мутные банки, они грузили их в нашу машину... Господи, ну и бред, думала я. Оказалось, этот мужик привозил Мире женьшень. Настойки, корни... Вот что было в банках.

Потом Мира как-то раз сказала:

- Не стоит его недооценивать, Аня. Хотя бы потому, что он – мой земляк. И он знает, за что ваши земли ценятся выше всего. Чем тут промышляли китайцы не так давно... Что за сокровища зарыты в Уссурийской тайге. Он хороший человек, потому что плохим людям не дано найти пан-цуй. Поэтому знай, хоть ты и считаешь меня убийцей, я не совершаю зла, ибо тем, кто совершает зло, не дано использовать пан-цуй. Когда ты станешь старше, то поймешь это... Девочка моя, сколько раз меня подстреливали, резали, травили – человеку такое и представить не под силу. И я все равно жива. И ничего меня не возьмет, куда со мной пан-цуй. Пока есть женьшень, я всемогуща. Жан-Батист недооценивал пан-цуй, думал, что я наслушалась сказок или увлекаюсь нетрадиционной медициной. Конечно, ему тоже было интересно, какого я года рождения, но объяснять что-либо я уже долгое время считаю бесполезным занятием. Это просто будет борьбой с людским скептицизмом. А в жизни и так полно борьбы. Мы боремся со смертью, с болезнями... И у меня есть мощное оружие для этих целей. Нет, я не про пистолеты – они помогают бороться с врагами, да и всё на этом. Бороться же с сюрпризами природы из серии «осень, жатва, старость» мне помогает только одно. Женьшень.»

"Веди машину,
юный пианист."

Глава 8. «З» - Зеленый угол

«Зеленый угол или Зелёнка. Самый большой рынок подержанных японских автомобилей на Дальнем Востоке.»

(источник: wikimapia.org)

Проведя уже достаточно длительный для туриста временной отрезок в Приморском крае, я принял решение хоть чуть-чуть, да пустить корни, обосноваться попрочнее и поувереннее, нежели просто визитер без обратного билета.

Первым шагом в данном направлении стала моя покупка автомобиля. Теперь уже моего собственного, безо всяких вписываний в страховки и требований вернуться к десяти вечера. Я приобрел себе микроавтобус Nissan Largo.

В интернете мою машину характеризуют так: «Largo – это минивэн высокого класса (иногда его называют «полтора кузова»), созданный по образу и подобию Nissan Serena, но с гораздо более широким и комфортным салоном. Он был выпущен в 1993 году. В салоне могут разместиться 7 или 8 человек; сиденья расположены в три ряда. Largo комплектуется только 4-ступенчатой АКПП. Привод может быть задним или полным. Тогда как при взгляде на Serena создается мягкое впечатление, основанное на линии изгиба, которая начинается с решетки радиатора и передней оптики и достигает задней части кузова, передняя часть кузова Largo благодаря широкой решетке, сходной с решетками седанов, и несколько приподнятым фарами сильно отличается среди других минивэнов японского производства, салон которых оснащен сидениями в три ряда. Особенную популярность завоевала модификация Highway Star, «одетая» в тюнинг-запчасти и создающая чувство некой спортивности. Индивидуальной чертой также является белое оформление внутреннего и внешнего оснащения. Среди моделей-одноклассников она отличается отличными ходовыми характеристиками и отменной устойчивостью на высокоскоростных дорогах. В 1996 году Largo подвергли косметическим изменениям. Появились новые модификации: Highway Star Touring, отличительной особенностью которой являются четыре круглые фары, и Highway Star II, имеющая характерную решетку радиатора.»¹⁶

Устав постоянно ходить пешком вниз-вверх по крутым сопкам внутри и немножко вне городской черты, а также ловить попутки или кататься на рейсовых автобусах, несколько дней назад я заглянул на Зеленый угол. Со своим выбором типа машины я определился уже давно. Во-первых, седан исключил практически сразу, так как Владивосток я уже успел как следует обойти на своих двоих, и душа моя рвалась за пределы города, в горы, в тайгу... Для этих целей седан или малолитражка вряд ли бы сгодились. Во-вторых, кто знает, что произойдет завтра и где гарантия, что мой кошелек не упадет в море и меня, безденежного, не выпрут из отеля. В таком случае я просто-напросто поселюсь в своем автомобиле. С другой стороны, я могу и сам уехать путешествовать куда-нибудь на южные побережья Приморья, например в морской заповедник (между прочим, единственный в стране!). В этом плане микроавтобус просто незаменим, так как места там – вагон, а у меня, спасибо интернату, хроническая непереносимость тесноты. Хватит и на сумки-пакеты, и на более-менее средний запас продовольствия, и на то, чтобы разложить все три ряда сидений и растянуться спать в условиях не хуже обычной двуспальной кровати... В джипе, к примеру, это было бы не так комфортно, как в тачке на 8 человек. И машина должна быть в первую очередь проходимая... В принципе, этими доводами я и руководствовался, когда подошел к месту на рынке, отведенному под микроавтобусы.

¹⁶ <http://nissan.drom.ru/largo/>

Обойдя несколько раз предложенный ассортимент, я оказался между двух огней: Toyota Hiace или Nissan Largo.

Начались стандартные проверки... Мне нужны были как минимум полный привод и усиленная подвеска. Послушал двигатель – не шумят ли клапаны. Залез под машину, посмотрел, что к чему. Проверил, мягкая ли коробка передач. Колеса большие, все ведущие. Покатался на обеих машинах – разницы нет, обе в отличном состоянии. Вроде все подходило. Но выбрать что-то одно из двух устраивающих меня во всем вариантов было сложно. Я отошел в сторону подумать. В тишине и одиночестве, потому что продавцы наперебой расхваливали именно свой товар, что и немудрено. Только в моем лице они не замечали человека безмолвствующего, но видели человека сомневающегося, и посему начинали говорить громче и настойчивее, каждый на свой лад, но с одинаковой напористостью.

Мальчик-подросток в обрезанных джинсах сидел на пустой шине неподалеку. Он стрельнул у меня сигарету. Смотрел на бесконечные ряды транспортных средств на любой вкус с видом знатока, смотрел так, как смотрят на закат или на огонь в камине. То и дело сплевывал на землю. Юный герой рабочего класса. Он все о чем-то напряженно думал, рассуждал, вздыхал и хмурился. Наконец, паренек встал, шина с глухим звуком упала, вокруг нее поднялась пыль. «Тойота лучше», - сказал он мне. Я пожал плечами. Мальчик развернулся и ушел куда-то далеко-далеко, за горизонт, туда, где продавались грузовики и пикапы.

Не успело и минуты пройти, как непонятно откуда нарисовался старик с длинными волосами и обветренным лицом. Прямо архетип мудреца-отшельника. «Не слушай его», - махнул он в сторону уходящего мальчика, - «он не разбирается. Вон ту бери». И жестом указал на бордовый, вишневый, винный Ларго.

Странно это должно было выглядеть со стороны: на задворках гигантского автомобильного рынка я стою в замешательстве, тогда как молодой выходец из спальных районов советует мне одно, а морщинистый скиталец – другое. Кому довериться? Я выбрал предсказуемый вариант и купил Nissan Largo.

Я получил транзитный номер с числом 332.

Наконец, я выехал с Зеленого угла на своем собственном автомобиле, руля справа, но смотря внимательно по всем сторонам без исключения. Я слегка недооценил свое знание города, в частности, транспортных развязок. На парковке я остался в салоне на какое-то время. Открыл люк (он занимал чуть ли не весь здоровенный потолок и открывался автоматически, выезжая назад после нажатия кнопки водителем). В машине пахло старым ментоловым японским ароматизатором. Под сиденьем я нашел бумажный веер. Это был какой-то одноразовый веер, но очень аутентичный, словно те веера, что на картинках держали в руках гейши. Только ручка у моей находки была пластмассовая, а сам веер – картонный, желтого цвета и на нем были иероглифы.

В машине пахло морем, ветер доносил запах моря со Спортивной набережной через открытые окна и люк (его размерам я просто не мог нарадоваться). Пожалуй, это был очень-очень счастливый момент. И такая классная погода. Солнце, все залито золотом, от моря – свежесть, от автомобиля – уют. Я совсем потерялся в днях, но, кажется, это был выходной.

Глава 9. «И» - Икра

«Детальное описание товара:

Продается ИКРА красная, среднесоленая (Магадан). (3,6-4,0%)

Икра находится во Владивостоке!

Икра красивая, вкусная!

Цены:

от 1 кг — 800 руб.

от 10 кг. — 750 руб.

от 25 кг (1 куботейнер (не расфасов.) — 700 руб.

от 100 кг — 690 руб.

от 300 кг — 670 руб.

Доставка по Чуркину бесплатно!

От 5 кг доставка по городу бесплатно!

Есть также сильно соленая, кетовая икра

Цена:

от 1 кг — 670 руб.

от 1 куботейнера — 660 руб.

Мясо краба камчатского!

фаланга — 1150 руб.

салатный — 650 руб.

Доставка по городу от 5 кг — бесплатно!

Гребешок Южно-Курильский, крупный! (5-8 см)

цена — 450 руб/кг

от 5 кг доставка по городу бесплатна!

Информация для заказа

•Цена: 670 руб./кг

•Минимальный объем заказа: 1 кг

•Способ упаковки: Икра — 0,5 кг; 1 кг; куботейнер.

Гребешок —1 кг. Мясо краба, фаланга, салатный —1 кг.»

(источник: частные объявления)

Четвертое утро завтракаю бутербродами с красной икрой, две трехлитровые банки которой притащил мне Серега, получивший ее, в свою очередь, от закадычного друга то ли с Сахалина, то ли с Камчатки. Любимый кадр типичного дальневосточника: ложка зачерпнула «с горкой» икры, рот открыт, а глаза выражают такое обреченное «и сколько же ее еще можно есть?…» Мой набор одноразовой пластмассовой посуды, которую я мою в раковине своей по-гостиничному лаконичной ванной комнаты, постепенно приходит в негодность. У меня есть швейцарский раскладной нож с кучей опций, но я берегу его для краеведческих исследовательских поездок с палаткой и котелком, с магнитофоном, подключенным к автомобильному аккумулятору и с гелем от комаров. Мне жаль тупить лезвие о батоны белого хлеба, возлежащие на белой пластиковой тарелке из супермаркета на моем многофункциональном столе, покрытые толстым слоем икры, покуда я шурю на дивный позолоченный океанский полдень, покуда я лениво смотрю сквозь обманчиво легкие шторы. Какая же там погода? Какой ветер дует с моря сегодня? Как там мой микроавтобус на парковке?

Нет, швейцарские ножи не выдерживают такого эпикурейства, они выковываются и прокаливаются для настоящих героев боевиков и вестернов, для персонажей храбрых, львиносердечных, чей гранитный подбородок подпирает небесный свод, когда солнце в зените.

А мне – перо в руку и картонные чашки с кофеём. Взять кофе и пойти с утра на пляж. Спуститься к Спортивной (минут пять ходьбы), сесть на берегу, и смотреть во все глаза. Хлебать веками, бровями, ресницами, всеми зрительными мышцами и нервами соленую воду. Зачерпывать. Вгрызаться в дно. Дистанционно, с берега, сухим без воды. Горячим и отглаженным, как то, что пришло сегодня из прачечной. Я обживаюсь.

Волосы отросли. Покупая в автомагазине новые свечи, получил в подарок по какой-то акции футболку Mitsubishi. Она белого цвета, а сам логотип – красный, и надпись красная. Красный логотип «три бриллианта», они же «три водяных ореха» по-японски, мне всегда казались больше похожими на клевер. Странно носить футболку «Мицубиси» и ездить на «Нисане». Сегодня из прачечной мне вернули чистые и душистые джинсы мои, заботливо сложенные. Бахрома вытершихся от трения с асфальтом и беспощадного хода времени ниток была аккуратно подрезана. Могли бы и подлатать – тогда бы я точно не выдержал и выкинулся в окно прямо с девятого этажа в огромное море от этой доброты и заботы.

Иногда подобное было дома у Марины, но у Марины не было моря под окном, у нее под окном была дорога, что даже надежнее для падения, но я все равно не осмеливался.

Когда она предложила поставить мебель по моему усмотрению, переделать... Боже, дай мне подходящих слов... дизайн интерьера. Бывало, я оставался у нее дома денно и ночью. И чувствовал себя в тюрьме. Вот уж не знаю почему. У нее была неплохая просторная квартира, да и сама она мне нравилась. Но что-то там меня угнетало. Больше всего меня угнетала жалость к Марине. Да-да, именно жалость. Она сама никогда не была жалкой, но своей открытостью и добродушием вызывала, по крайней мере, у меня, именно такие эмоции. Мы купили аквариум с рыбками. Они ели своих детей. Свою же икру. Что это – естественный отбор или здравый смысл? Я спросил Марину, сколько времени живет одна рыбка. Она сказала, что как ухаживать, так долго и жить будет. И потом прибавила: «Животное, если за ним не ухаживать, может и на следующий день погибнуть».

Эта фраза застряла у меня в памяти, как острое лезвие швейцарского ножа, который я однажды как-то не так раскрыл, которое срезало мне половину ногтя на большом пальце. Марина такая добрая. Наверняка она тоже отремонтировала бы обтрепавшиеся края моих джинсов. Она грела меня холодными вечерами. Она ухаживала за животными, чтобы те не погибли от отсутствия нежности. А я хотел всеми силами вырваться из ее дома, я смотрел, как рыба ест свое потомство и думал что-то вроде: «Ну ни черта себе!».

Она всегда заставляла меня чувствовать себя предателем. Потому что я ни разу не сделал ничего красивого. Не мог нарисовать солнышко фломастерами. Да что там не мог – не хотел. И мне всегда было ее жаль. Даже когда у меня искры сыпались из глаз от ее пощечин в моменты особо острых перепалок (я уже упоминал о том, что мое молчание зачастую только усиливает злость оппонента). Даже когда она, уперев руки в боки, бесилась: «Да кому нужен такой долбаный инвалид, как ты?». Мне было жаль ее, мне не хотелось отдавать ее на растерзание этому жестокому, жестокому миру, где никто не умиляется черепашке, грызущей помидорку черри, и старым мультфильмам, где никто больше не грустит после демонстрации парада Победы, где никто и никогда не уступит дорогу на перекрестке, где никто и никогда не станет человечнее относиться к моей такой живой, такой импульсивной и заботливой Марине. Видишь, Марина, это я для тебя всё написал. Это не прошлые мои письма-сухари. Это искренне. Бедный мой зайчик, как же ты там без меня.

Однажды я осматривал Маринины книжные полки на предмет почитать чего интересного. Это было время отдыха от сестер Бронте и поразительного фиаско в дочитывании романа Ладислава Фукса «Мыши Наталии Моосгабр». Я крутил и вертел «Мышей» в руках еще с самого первого курса и за эти долгие годы стойко выдержал сотню с лишним страниц, причем, как это ни смешно, мне нравился и стиль повествования, и сюжет, но я по каким-то метафизическим причинам не мог дочитать эту чертову книгу. И до сих пор не смог.

Так вот, смотрю я на книжные корешки и думаю, что бы такого себе выбрать. И тут Марина говорит: «Вот эту бери» (старикан с Зеленого угла указал на мой микроавтобус примерно с таким же авторитетным видом) и протягивает мне четвертое издание «Говорят погибшие герои». Это сборник посланий, оставленных солдатами в сороковые двадцатого, и найденных в самых неожиданных местах: это и нацарапанные на фляжке «умираю за Родину, но не сдаюсь», и чудовищные в своей выразительности дневники детей, и стихи, сочиненные в застенках концлагерей, спрятанные на тридцать лет вперед с величайшей осторожностью и с еще более великой надеждой¹⁷. Я двое суток не отлипал от книги и потом еще неделю пришибленный ходил. Все казалось таким мелочным, я тогда и написал где-то про «отвратительную обывательскую жижу».

И как раз тогда хотелось плакать, глядя на облака. Или блевать кровью. Уж не знаю, что является более уместным в таком состоянии. Но партизанские «пытки невыносимы, прощай, Родина» как-то уж слишком сильно на меня повлияли. Цель составителей книги была достигнута, буржуй и урод Аякс ходил в университет, потом на работу, спускался в метро или поворачивал ключ зажигания – он неотрывно думал о собственной никчемности. Я не мог спать, есть, переворачивался с боку на бок, дергая Марину: а что, что ты сделала для мира, в котором ты живешь? Она успокаивала меня: иди ко мне, дай я тебя обниму, дай я тебя убаюкаю, буду холить и лелеять, засыпай. Тогда у меня и появилась идея изучить далекие края, в которых жили мои предки. Вернуться к истокам, так сказать. В общем, это во многом определило маршрут моего бегства.

Я дергал отца, чтобы он дал мне книги об истории Приморского края, отец в ответ одергивал меня. Чем все закончилось, тоже всем известно. Но я вспомнил об отце, потому что его мне тоже всегда было жаль, как и Марину. Его, при всем его лицемерии, так сильно злоупотреблявшего уменьшительно-ласкательными суффиксами. На слове «ледок» из его писем я весь изошел кровавыми рвотными массами, но лишь в своем воображении, но и об этом я уже тоже писал. Вообще мое определение настроения – «кровавая блевотина» – сложно для интерпретации. Оно исходит от доброты, на которую я сам не способен ответить (как в случае с Мариной) или от доброты искусственной и показушной (как в случае с отцом). В обоих случаях я оказываюсь в затруднительном положении, потому что любая моя реакция кажется: а) неадекватной б) неискренней, мне несвойственной.

Мой отец – рыба, которая жрет своих детей. Я – контрабандная икра, которая спрятана в водах Тихого океана, которая вырастает в морское чудовище, в новую кисту города Владивостока, которая схватит однажды свою диктофонную подругу Аню и утащит вниз под воду, заплести ей в волосы водоросли. Я начинаю фанатеть от ее записей. У меня появилась мысль переписать от руки все ее сеансы и издать книгу. Это будет роман, написанный в жанре «потока сознания». Не ново, но мне бы доставил удовольствие сам процесс перевода голоса на бумагу, я бы нажимал на паузу так неожиданно, чтобы тормозить Анины несостыковки некоторых одновременных согласных, между которыми гуляет ветер и сквозняк, на которые тратится драгоценное дыхание, как например, когда она вставляет слова на немецком. Не сказать, что как-то сильно коверкает слова, но, сравнивая с прилежной ученицей Мариной, старательно выговаривающей еще в начальной школе «ауф видерзейн», Аня глушила окончания напрочь, расшатывала литые слоги, с беспрерывно грассирующим «р», она вдыхала в выражение столько воздуха, что то разваливалось до «ахфидэрхзэхэ...». «Н» подразумевалась уже при закрытом рте. У нее были интонации, характерные при асфиксии. Если бы мог выразиться точнее... Смог бы я передать это текстом? Смог бы текст передать ее и меня в трехмерном измерении? Боюсь, что нет.

¹⁷ В этом месте Аякс обыгрывает название романа австрийской писательницы Ильзы Айхенгер «Самая великая надежда» («Die grössere Hoffnung»), в котором повествуется о повседневной жизни ребенка в оккупированной фашистами стране.

Поэтому многоголосые мои записи разваливаются на клочки по закоулочкам, на мои дневники, на чужие гипнотические откровения, на мои письма и на письма не мне. Погибшие герои. Сборник их писем. Погибшие герои не говорят, Аякс. Ты похож на них, только заметки твои поприменнее будут. Мы смотрим на подвиги погибших героев с огромного расстояния в несколько световых лет. А я почему-то остаюсь. И продолжаю эти рисунки, эту безумную графику, эти черные птицы на телеграфных проводах, эти жирные точки-ноты на тонких линейках, эти буквы, эти слова, эти сентенции. Я не расстрелян, не измучен, не умираю, но и не сдаюсь (просто вид сладких облаков разрывает мое сердце, а в остальном все в порядке), я просто продолжаю – непонятно зачем, с какой целью и где конечный пункт, о, я мечтал бы стать погибшим героем.

Как я любил героев с перерезанным горлом, отвергнутых и промокших под дождем (гром и молния, и побольше всего театрального), так и восхищался теми, кто говорил под запись свои последние слова числа этак восьмого мая одного всем известного года... Погибшие герои говорят громче и дольше живых, да и сами по себе монологи их, выкрики и всхлипы по природе своей созидательны, обращены в будущее. И вот я вновь плачу в облака, да сызнава кроваво я блюю в немом своем восхищении. Погибшие герои отдавали себя на растерзание во имя дня завтрашнего. Это не рыба, что ест своих детей. Вчера я поехал на пляж на маяке и долго там купался. Только что прикончил очередную порцию красноикорных бутербродов. Мне вернули джинсы из прачечной и я купил футболку «Мицубиси». Вот оно, житие Аякса. Какие могут быть сложности. Деньги – их осталось более чем достаточно. Нет, машина просто отличная, зря волнуетесь. И с погодой повезло.

Вот бы встретиться с Аней. И отдать ей диктофон. Я выйду на улицу, и ослеплюсь светом, его в два раза больше, ведь он еще и от воды отражается. Закурю сигарету, сделаю пару шагов, посмотрю вперед – там океан. На океане заканчивается Транссиб, на океане заканчиваются и мои рассуждения-размышления. По крайней мере, сегодня. Вот даже сейчас. Поднял глаза выше блокнота – а там океан.

Глава 10.

«К» – Китай

«Вот мы и опять у границ России. Станция Пограничная – большая и нарядная, с террасами, словно увеселительное заведение. Сначала мы еще проехали конец по высотам пограничного кряжа Ляо-ю-лина, но скоро переправились через границу. Небесная империя осталась позади, и мы стали медленно спускаться к равнине при реке Суй-фун, впадающий в Амурский залив, часть залива Петра Великого. Места вокруг пошли с виду более плодородные, но наступил мрак, и мало что можно было разглядеть, кроме огней в тех местах, где жгли траву.»

(Ф.Нансен «В страну будущего»)

«Суйфэньхэ́ (кит. 绥芬河市, пиньинь SuífēnhéShì — городской уезд в городском округе Муданьцзян на юго-востоке провинции Хэйлуцзян (КНР). Город получил своё название по реке Суйфэнь (Раздольная), которая протекает по городу.

Суйфэньхэ располагается в нескольких километрах от российско-китайской границы. В настоящее время город получил импульс к развитию, связанный с большим объёмом приграничной торговли между Китаем и Приморским краем Российской Федерации. Город является важным транспортным узлом. В городе существует авто и железнодорожный вокзал. Из города на автобусе можно добраться до Харбина, Владивостока и Уссурийска, Хабаровска, Бикина, Комсомольска-на-Амуре, Лесозаводска (через города Мишань, Дунин). Железнодорожный транспорт связывает Суйфэньхэ с крупными городами северо-востока Китая, а также Приморского края.»

(источник: ru.wikipedia.org)

Забрался еще дальше, за самую российскую границу, за вспаханную полосу, таможенную и живую очередь торговцев-челночников, снующих туда-сюда, перепрыгивающих через реку Суйфун, в Поднебесную Империю и обратно, в нашу достославную patria, где они продают китайские товары. Все в мире произведено здесь, всё, что окружает нас, помечено натершим глаза и ставшим почти родным клеймом «made in China».

Ранним утром я добрался до поселка Пограничный, затем сел на поезд и уже через полчаса был в Китае. Городом под замысловатым названием Суйфэньхэ жителей Приморья (да и Дальнего Востока в целом) не удивишь - они приезжают в «Суньку» просто на выходные, чтобы поесть местной кухни и пройтись по магазинам. Да, уж чего-чего, а магазинов тут навалом. В торговых центрах, занимающих, на первый взгляд, большую часть площади города, можно хоть самого чёрта купить. Поток русских туристов, приехавших сюда в так называемые шоп-туры вполне может конкурировать с плотностью китайского населения на планете хотя бы в чисто визуальном соотношении. В городе есть даже русская церковь – настолько важна для китайской экономики дружба наших народов.

Я продолжаю бежать от своего отца. От дома своего отца. Я пролетел десять тысяч километров на восток, чтобы мой отец не смог меня догнать, но это не более чем игра воображения - он не догонял меня, он просто кричал мне вслед: «Убирайся отсюда, Аякс!» По ночам в гостинице во Владивостоке, на берегу Тихого океана, Японского моря, Амурского залива - вы слышали эти названия уже тысячу раз, - мой отец приходил ко мне во сне, я отвечал ему во сне, вслух, губами, способными на звуки, и я бил его, наотмашь, руками и ногами, одной темной ночью даже насовсем прикончил его. А с наступлением следующей полуночи был другой чудовищный кошмар: отец приехал во Владивосток, хотел отвезти меня на сопку Орлиное гнездо, с которой открывается великолепная панорама, но подъем был проложен внутри самой сопки, такой подземный лифт. И вот мы

оба на вершине, вечный соленый ветер и солнышко облизывает затылки и стекла очков, я снимаю очки, протираю линзы рукавом, и тут мой отец толкает меня в спину. Ясно дело, я лечу вниз с Орлиного гнезда не птицей, а камнем. Еще полсекунды и грохнусь в море. Прямо рядом с буйками в помесь солянки и морской воды, у причала имени суровых не гражданских, но военных судов. Чайки встрепенутся от всплеска, потом меня вынесет и они выжрут мои глаза.

Почему именно в этот момент мне приспичило протереть очки? Так бы хоть утонул с защищенными глазами, был бы хоть просто немым покойником, а теперь чайки выключают мои белки и радужку, и я плюс ко всему еще и ослепну. Спасибо, папа. Ты ни на миг не снимаешь очки, солнцезащитные переобуваешь в те, что с диоптриями, как только стемнеет, чему и меня всегда учил. Эх, подгадал минутку. Аякс, вы - самое слабое звено. Прощайте.

Подобные видения заканчиваются тем, что спящий падает на пол с кровати, потащив за собой одеяло. Еще не очнувшись после падения-погружения, одеяло было первой морской волной, накрывшей меня с головой, и я стал судорожно хватать жабрами последний кислород. Хохот моего прародителя на вершине горы. Повелитель Владивостока, теперь он добрался и сюда, теперь он выпрет меня и из Приморья.

Моя невидимая Аня сидит на буйке, обхватив руками колени. Она кормит ржаными хлебцами бедных чаек и ждет, когда ее мертворожденный брат, живущий на дне морском, увешанный жемчугами и могущий себе позволить суши и сашими каждый день (у него там, под морем, все в порядке с финансами), высунет голову из воды и поможет ей советами. Сестрица Аленушка и братец Иванушка. Только в той сказке наоборот, девчонка под водой, а не парень. «Аленушка, сестрица моя! Выплывь, выплывь на бережок!» Господи, она и так несчастна: торчит у психиатра, не ест, бредит во встроенный микрофон, а тут еще я свалился с неба. Выплыл. Футболка с логотипом Mitsubishi веселой тряпкой качается на воде. Аня на меня один долгий разочарованный взгляд кидает: «А... так это всего лишь ты... Верни мне мой диктофон, а?» Я бью плавниками по воде, шепелявлю: «Сестрица Аннушка... багаж перепутали! а в день Убийства Миры я боялся тебя узреть, ибо думаю, что ты ее убила, так и меня уколошишь за диктофон и твои раскрытые секреты». Аннушка мне отвечает: «Да как же я тебя убью, тебя и так уже вон с какой верхатуры спихнули! Отдай диктофон!»... «Трижды права, ты, Анечка! Батюшка мой всюду за мною охотится... Огни горят горючие, // Котлы кипят кипучие, // Ножи точат булатные, // Хотят меня зарезать!» А ну кыш! - разогнала она всех чаек, ладошки рупором сложила и кричит мне, пока меня тянет все глубже, а ее буюк уносит все дальше: «Поезжай в Китай! В Суньку! Там схоронишься от гнева батюшки!»

Тем же утром купил путевку на три дня в Суйфэньхэ. Остановился в гостинице «Лунда». Ел суп из черепахи. Большущая кастрюля с наваристым супцом, на поверхности плавают твердый королевский панцирь. В мою чашку плеснули целую лапу. По вкусу - обычное мясо, только коготки жестковаты. И еще пекинский салат - три порции за один раз. На улице можно купить фастфудный кальмар на шпажке – услужливый китаец берет маленькую тушку кальмара, кладет ее на решетку и режет по краям на тонкие полосочки, которые завиваются и кудрявятся от пламенной жарильни. Сверху кальмар усердно посыпается специями, перчится и шипит, после чего накаливается на деревянный шампурчик и вручается покупателю. Очень рекомендую.

До Харбина я не добрался, так как на это надо отводить минимум неделю. Здесь же, в Суньке граждан Российской Федерации едва ли не больше чем коренного населения Китая. Россияне отрываются по полной, к вашим услугам: сауна, массаж, татуаж бровей, лечебно-оздоровительные процедуры, можно пойти позориться в караоке-бары. Меня это, честно говоря, не особо всё прельщало, особенно караоке, поэтому я просто шатался по улицам.

Моя вербальная несостоятельность в Китае осложняла положение в весьма ощутимой степени - теперь я не мог написать таксисту пункт назначения, ибо не знал китайских

иероглифов (только ключи). А местные, хоть и знают русский устный почти как свой родной, в письме все-таки не настолько сильны. Указательным и средним пальцами изобразил человечка, шагающего по направлению к приборной доске, водитель все схватывал на лету, отвез меня на окраину города, на берег полувысохшей реки. Наверное, реки Суйфун, какой же еще. На берегу валялась куча мертвой рыбы. Природа тут была равно что Приморская - в конце концов, расстояние между двумя государствами столь мизерно, что различия в ландшафте отсутствовали напрочь. На высокой сопке правда, стоит не телевышка, как в большинстве обитаемых земель нашей стороны, а беседка в типичном восточном стиле, с крышей, как на открытках, изображающих азиатские строения. Буддийская беседка для размышлений. На нее похож и суньковский храм Гуаньлинь. Жалел об отсутствии фотоаппарата, но быстро исправил ситуацию, купив в ближайшей лавочке новый.

Слишком тут все суматошно, даже за несколько дней не удастся привыкнуть к бешеному ритму города. Эти милые вывески магазинов, кириллицей написанные и умело переведенные, как то: «Чай и секс-шоп» (по индивидуальным предпочтениям, так сказать), «Джинсы для соблазна: здесь классные шмотки» (китайцы - прирожденные мастера рекламных слоганов!) или «Массаж слепого» (прямо завораживает).

Когда-то дедушка Генрих, живший в Приморье большую часть своей жизни, рассказывал мне о том, как они видели китайцев, будучи на химических работах. Генрих был летчиком, гражданским, но раз в год, по заданию, они раскидывали с самолетов на рисовые и соевые поля всякие удобрения. Это и называлось химработы. Дело было на Турге, что неподалеку от Хасана. Китайцы занимались посевами и сбором урожая. Их было около шести тысяч человек, и ютились они все в трех бараках. Китайцы всегда брали своим умением адаптироваться к любым условиям.

Гостиница «Лун-да» не преподнесла мне никаких сюрпризов, к счастью. Никаких блокнотов, трупов и неприятных сновидений. На каждом этаже дежурит девушка, которую все русские кличут «Куня» (на ломанном китайском то значит «девочка»). Ей нужно сдавать и отдавать ключи. У Куни есть своя крохотная спальенка, и поэтому, каждый раз, когда руссо туристо возвращается после обильных возлияний большой компахой в три часа ночи, дежурная куня просыпается, недовольно гремит фанерной пластинкой, на которую крепятся ключи от номеров, жмурит глаза, но особо не ропщет на столь поздний приход постояльцев, ибо славянские нравы тут уже давно выучены назубок.

В последний вечер в моем номере отрубил электричество. Тут уж я сам постарался - экономии ради за гроши купил чайник, да не мог поверить, что он стоит так дешево. Разумеется, купил я его на каких-то развалах, дабы вкусить весь спектр уличной торговли. Вкусил. В номере мигом выбило пробки и сгорел пакетник. Пришлось плестись к несчастной спящей куне и на пальцах объяснять что к чему. Конечно, мороки я им обеспечил по полной программе. А хранительница ключей, неплохой знаток русского, вернулась ко мне в холл, ее заспанные раскосые глаза казались совсем усталыми и, наверное, она думала, что указывает мне на коридор других номеров, произнося с неповторимым китайским нежнѐхоньким акцентом: «Вам нужно найти себе новую комнату». Или что-то в этом роде. Но, вместо этого, она сонно улыбнулась мне, начинающему параноику, махнула рукой по неопределенному вектору, сквозь окно указывающему на центральную площадь, на реку Суйфун, мертвую рыбу, лежащую на берегу, рельсы и шпалы КВЖД, и полуотчетливо промурлыкала тонким голоском: «Вам нужно найти себе новое убежище».

Глава 11.
«Л» - Ли-Фудзин

«Дерсу удивительно приспособился к жизни в тайге. Место для своего ночлега он выбрал где-нибудь под деревом между двумя корнями, так что дупло защищало его от ветра; под себя он подстилал кору пробкового дерева, на сучок где-нибудь вешал унты так, чтобы их не спалило огнем. Винтовка тоже была рядом с ним, но она не лежала на земле, а покоилась на двух коротеньких сошках. Дрова у него всегда горели лучше, чем у нас. Они не бросали искр, и дым от костра относил в сторону. Если ветер начинал меняться, он с подветренной стороны ставил заслон. Все у него было к месту и под рукой.

По отношению к человеку природа безжалостна. После короткой ласки она вдруг нападает и как будто нарочно старается подчеркнуть его беспомощность. Путешественнику постоянно приходится иметь дело со стихиями: дождь, ветер, наводнение, гнус, болота, холод, снег и т. д. Даже самый лес представляет собой стихию. Дерсу не находился под влиянием природы. Он скорее был в соответствии с окружающей его обстановкой.»

(В.К.Арсеньев «По Уссурийскому краю»)

Долина реки Кандагоу – это вам не Владивосток, подсвеченный ночными огнями и лунными дорожками на воде, это не Суйфэньхе, с его бесконечными торговыми рядами. Нет, здесь меня никто никогда не достанет. Мимо Спасска-Дальнего, мимо Дальнегорска... Черные скалы. Густые леса. Мечта и простор для работы всем «зеленым». Простите выхлопную трубу моего микроавтобуса, лифудзинская флорофауна. Я не нарочно. Прости мою никотиновую зависимость, чистое небо-вместилище драгоценного озонового слоя. Мои соседи опасны и сильны, в Кавалеровском районе обитают все звезды таежного бомонда, как, например, снежный леопард, гималайский медведь или благородный олень. Ну и куда же нам без примадонны – царя тайги великого и ужасного сэра Уссурийского Тигра.

Прогулка по подъемам и спускам Владивостока, заботливо усыпанного лесенками, вверх-вниз, вверх-вниз, качай мышцы на ногах – ничто по сравнению с пешим (да и с автомобильным тоже) передвижением по горному хребту Сихотэ-Алинь. Еще одна хвала Всевышнему за то, что тот перстом старца указал мне на мой автомобиль. «Ниссан» зарекомендовал себя с самой лучшей стороны за все время моих вылазок за пределы городского округа. По суровым дорогам, прорубленным, проложенным вдоль густых кедровых, пихтовых, лиственничных, еловых и многих других зарослей, по суровым дорогам, рассекающим негостеприимную тайгу, я ехал, он вез меня послушно, не увязая в ямах, не хрипя, взбираясь на крутые сопки.

Я упоенно читал сочинения Владимира Арсеньева. Медитативные и созерцательные романы «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» под одним переплетом. Краткое либретто перед каждой главой. Путешественник Арсеньев, неутомимый исследователь, этнограф...

Сидя на возвышенности, но будучи в надежном укрытии от отца (кедровые лапы выстроились в оборонительную линию совсем как в друидической «Битве деревьев»), я положил перед собой диктофон, поставил его на запись и принялся читать вслух отрывок из романа «По Уссурийскому краю», который, как мне казалось, понравился бы Ане больше всего. Диктофон уловил и запечатлел порывы ветра, птичьи перепевы, лесные шорохи – в общем, всё, кроме моих слов. Что и ожидалось. Но я хотел бы прочитать ей вслух, умей я это сделать, замечательный эпизод с ловлей китайцами осьминога. Ручаюсь, Аня была бы в восторге. Я читал ей и перечитывал вновь:

«...Животное, с которым боролись китайцы, оказалось большим осьминогом. Своими сильными щупальцами он цеплялся за камни, иногда махал ими по воздуху, затем вдруг стремительно бросался в одну какую-нибудь сторону с намерением прорваться к открытому морю. В это время на помощь прибежали еще три китайца.

Огромный осьминог был настолько близок к берегу, что я мог его хорошо рассмотреть. Я затрудняюсь ответить, какого цвета он был. Окраска его постоянно менялась: то она была синеватая, то красная, то ярко-зеленая, то серая и даже желтоватая. Чем ближе китайцы подвигали моллюска на мель, тем беспомощнее он становился. Наконец они вытащили его на берег. Это был огромный мешок с головой, от которой отходили длинные щупальца, унизанный множеством присосков. Когда он поднимал вверх сразу два-три из них, можно было видеть его большой черный клюв. Иногда этот клюв сильно выдвигался вперед, иногда совсем втягивался внутрь, и на его месте оставалось только небольшое отверстие. Особенно интересны были его глаза. Трудно найти другое животное, у которого глаза так напоминали бы человеческие»¹⁸.

Отжав кнопку записи, я сразу мог услышать Анин ответ мне:

«Эй, доктор, а как вы относитесь к монотеизму? Бог един, о да, черт возьми, это выносит мне мозг. Конечно же, Боженька – абсолют, он един. Но не думаете ли вы уж, что ему заняться больше нечем, кроме как следить за нами круглосуточно? Посему я делаю ставку на пантеон исполняющих обязанности. Что? О черт! Ну как вам это объяснить... Вот, например, есть четыре стихии и четыре стороны света. Восток-воздух, юг-огонь, запад-вода, север-земля. Ферштейн? Лорд Абсолют назначил четырех богов, отвечающих за эти стихии, помогающих человечеству в разных отраслях... Я называю их телеграфные боги. Просто мне нравится слово «телеграфный». Язычество под каблуком босса Единого Бога – оу йес, вот это мне нравится. У меня, знаете ли, сложно обстоит с религией. Бабушка всегда переживала по этому поводу. У бабушки в сумке всегда были конфетки на случай, если мне захочется сладенького в дороге. То были невероятно солнечные дни. Бабушка была врачом. Она видела Андрея, моего брата, которого я не видела никогда. Я любила бабулю, она умерла, когда мне было тринадцать лет.

Так вот, телеграфные повелители стихий... Тьфу черт... Короче, так. Воздух. Это Иисус Христос. Небо. Да что вы так смотрите на меня, это же просто мое воображение! Я тащусь по Иисусу. Он был таким великодушным, жертвенным и суперзнаменитым. Всё, чем я восхищаюсь, в одном флаконе. Он повелевает ангелами и другими крылатыми созданиями. Журавли-журавушки. Бабочки. Огромные гражданские и военные самолеты. Стюардессы и пилоты – вот истинные монахи ордена Христа. Про космонавтов я вообще молчу. Иисус благословил Юрия Гагарина. А так как Джизус – сын божий, то различие совсем явно. Люди не умеют летать. Только дети во сне. Кстати, мне недавно снилось, что я лечу, что это значит, доктор? Неужто до сих пор расту, ха-ха? О черт, о да, так и есть.

Второе: земля. Ее хранитель – Дерсу Узала. Вы что, Арсеньева не читали? А кино хоть смотрели? Да, Акира Куросава режиссер... Так вот! Дерсу – воплощение самого духа тайги. Лес, соболи, женшень... Он маленького роста, голд. Помните гномов, добывающих драгоценные камни и золото? Вот и я о том же. Гномы – подчиненные мистера Узала. Владимир Арсеньев, «капитан» - тоже верховный жрец самой стихии. Вы считаете его романы очерками путешественника? Как вы все недалевидны! Да это же летопись таежной жизни.

Вода. Тут я неоригинальна. Пусть будет Посейдон. Ну люблю я греков, ничего не поделаешь. У Посейдона в услужении чудища-кальмары, гигантских размеров, могут потопить любой корабль... Так как моря по планете до черта, он назначает некоторых

¹⁸ В. Арсеньев. По Уссурийскому краю.

приближенных эдакими начальниками отделов. Вот, мой брат – администратор Японского моря. Там он живет и работает, под морем. Брату повезло, мы к тому же часто видимся, но по разную сторону волн...

А кто управляет огнем? Ну... Тут я слегка смущаюсь. Мне всегда казалось, что это Мира. Ружья, патроны, все дела... Миру легко встретить на выжженных солнцем полях, на расплавленном асфальте проселочных шоссе, на пылающей летним жаром и пылью грунтовой дороге. Мира невероятно добрая, но если вы – злой человек, тогда все закончится плохо. И у нее нет подчиненных. О да, черт возьми... Она часто выносит мне мозг, но я все равно люблю Миру».

Получается, что я сегодня гостил в лесных шатрах, благословенных Дерсу Узала, телеграфным богом-хранителем стихии земли. Однажды его повстречал в тайге Владимир Клавдиевич во время своего похода, и они стали добрыми друзьями. Акира Куросава снял фильм, посвященный дружбе этнографа-путешественника и маленького гольда-охотника, фильм срубил «Оскар». Снимали неподалеку от Арсеньева.

Арсеньев – город-тезка исследователя. На тамошней высокой сопке стоит памятник Владимиру Клавдиевичу – каменный, он держит в руке свои заметки и с гордостью взирает с высоты на раскинувшийся в долине город. Рядом с этим памятником красуется и другой, куда более экспрессивный – из гранитной глыбы четкими редкими линиями вырезан лик Дерсу, природного человека, безошибочно определявшего погоду на завтра по приметам и знавшего повадки всего живущего поблизости зверья.

Будучи душой таёжной до мозга костей, Узала обладал сугубо практичным взглядом на вещи. Услышав «Сказку о рыбаке и рыбке», гольд расстроился: «Шибко жалко старика. Его был смирный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи, наверно, совсем стоптал свои унты»¹⁹. Сам Владимир Арсеньев, уроженец Санкт-Петербурга, бредивший Дальним Востоком, был нраву куда более романтического. Отсканированные и найденные мной во всемирной паутине его записи как нельзя лучше демонстрировали это: «Ты мой учитель, мой утешитель и друг – ты мой храм и моя родина – шумящий, шелестящий и тихий лес!»

Закончилось все грустно: Владимир Клавдиевич перевез постепенно терявшего зрение Дерсу к себе в город, к своей семье в Хабаровск (туда Арсеньева перевели после Владивостока), однако, «телеграфный хранитель стихии земли» не смог приспособиться к городскому ритму и, в конце концов, попросил «капитана» отпустить его в сопки. Спустя пару недель после ухода Дерсу пришла весть о том, что он найден убитым неподалеку от станции Корфовская, что с южной стороны хребта Хехцир. Грабители не нашли у гольда денег и забрали винтовку, убив Дерсу.

А вот что написал в своем завещании Арсеньев: «Просьба! Убедительно и горячо прошу похоронить меня не на кладбище, а в лесу и сделать следующую надмогильную надпись: «Я шел по стопам исследователей в Приамурском крае. Они все давно уже находятся по ту сторону смерти. Пришел и мой черед. Путник! Остановись, присядь здесь и отдохни. Не бойся меня. Я так же уставал, как и ты. Теперь для меня наступил вечный и абсолютный покой» В.Арсеньев.»

Последняя воля писателя-исследователя не была выполнена. Сначала он был похоронен на старом Эгершельдском кладбище, неподалеку от его дома, а затем прах перенесли на Морское кладбище во Владивостоке.

¹⁹ В.Арсеньев. Дерсу Узала.

Глава 12.

«М» - Маньчжур

«В марте 1860 года в связи с изменившейся обстановкой Н.Н. Муравьев-Амурский дополнительно предписывал П.В. Казакевичу, что «занятие с моря пункта в заливе Анива должно быть отложено до благоприятнейшего времени». Чтобы не задерживать исполнение вышестоящего ответственного поручения, Казакевич решил направлять корабли на выполнение заданий по мере их готовности. Первым среди них оказался транспорт «Маньчжур». Командиром его, как уже упоминалось, был капитан-лейтенант Алексей Карлович Шефнер.

Этот военный транспорт был построен в США, в Бостоне. Корабль трехмачтовый, машина скоростью 370 л.с.; он был оснащен 14-весельным баркасом, 12-весельным вельботом, 6-весельной гичкой и 4-весельным спасательным ботом. Транспорт имел современное по тем временам оборудование, офицеры – самые последние карты и навигационные пособия для плавания в Японском море.»

(А.Алексеев «Якоря помалу травить!... Так начинался Владивосток»)

Новичкам везет. Я был первопроходцем на ржавых списанных кораблях. Их прячут подальше от функционирующих судов – дабы избежать деморализации. Тем, молодым, долгие мили и узлы. А ржавые сушатся в бухте престарелых. Никому не нужные. Я утешал их как мог. Был капитаном мертвых посудин. Сидел в капитанской рубке и читал Гомера. «Илиаду», как обычно. Там – то же самое. Только корабли живые, на всех парусах вперед.

В них не было тесноты. Просторная палуба, чугунные якоря. Я с детства страдал контролируемой клаустрофобией. Терпеть не мог стоять в очередях – это послевкусие годов, проведенных в интернате. И на дух не переносил тесные салоны автомобилей.

Мамочка уехала за границу, когда я был совсем маленьким. Отец после этого периодически встречался с разными подругами. Снимал квартиры алкоголичкам – так он чувствовал себя великим благодетелем, помогающим выходцам из неблагополучной среды. Хотя он, не моргнув глазом, запихивал меня в эту самую неблагополучную среду.

В столовой мои локти упирались в других недосироток. Мы если синхронно, спали синхронно, желторотой толпой мы впервые затягивались сигаретой за гаражами. Я искал книги в интернатской библиотеке. Отец хлопнул меня по плечу в машине. «Тянешься к книгам, бедолага». Я прокручиваю эту сцену в своих мыслях ежедневно и еженощно. Солнце садилось. Пыль поднималась. Тянешься к книгам, бедолага.

Он сажал меня в авто и мы ездили по его делам. На работу. В кафе – пообедать. Кафе тряслось от проезжающих мимо трамваев. Картошка-фри и жареные сосиски, на которых было вырезано «ура!». Отец чувствовал свою вину за то, что сбавил меня в интернат. Иногда чувствовал, нечасто. Когда такие припадки случались с ним, мы ехали на книжные развалы, где я выбирал себе чтиво. Однажды попросил книжку по буддизму. Папа вспылел: «Вечно забиваешь себе голову всякой ерундой!», и за рукав оттащил меня от витрины. Себе он всегда покупал книги про Наполеона Бонапарта.

Отец просил меня ждать его в машине, когда он заехал к своей подруге и проторчал у нее два с половиной часа. Я сидел и смотрел в окно. Все это время я был пристегнут ремнем безопасности и ни разу не шелохнулся. Было очень тесно, не хватало воздуха. С того вечера я возненавидел замкнутые пространства еще сильнее.

Мой приятель Антон, мы родились в один год, только я в августе, а он – в декабре, он писал интересные стихи и рассказы. Пушечное мясо филологических факультетов. Я всегда завидовал его манере письма, емкой и нарочито простой. Антон как-то раз сказал нечто про «ностальгию по людям, которые меня не любили и не уважали». Похожее, если не идентичное, я испытывал по отношению к отцу.

Тот откупался от меня букинистическими отделами по праздникам. Тянешься к книгам, бедолага. Он хвастал перед своими знакомыми моими переводческими работами. Мне сводило скулы от отвращения. Отец тасовал карты так, что на его руках оказывалась самая выгодная масть. По самым старшим козырям и картам. Я продолжал его любить, моего единственного родного человека, кровь от крови. Любовь была безответной.

В нелепой своей поэзии я обожал использовать образ Франца Кафки, сидящего в одиночестве на трухлявом заборе, закутанного в тяжелое пальто. Теперь и не вспомнить, откуда я вытащил сию картинку, но упорно ассоциировал себя с Кафкой в своих самых смелых литературных амбициях. Уж больно славно у него рисовалась особая, столь понятная многим ипостась «тысячеликого героя» - отвергнутый одиночка, гоголевский «маленький человек» в разрезе, с червяками в мозгах, с больной душой... в тяжелом пальто.

Уже находясь здесь, я перечитывал «Письмо отцу» и опрокидывал рюмки коньяка «Пять звездочек» одну за одной: «...Я с давних пор прятался от Тебя – в свою комнату, в книги, в сумасбродные идеи, у полоумных друзей.»²⁰ Иные отрывки я хотел и вовсе переписать от руки, а потом заучивать наизусть, царапать их на собственной коже – до того меня впечатляло сходство событий и эмоций:

«Непосредственно мне вспоминается лишь одно происшествие детских лет. Может быть, Ты тоже помнишь его. Как-то ночью я все время скулил, прося пить, наверняка не потому, что хотел пить, а, вероятно, отчасти чтобы позлить вас, а отчасти – чтобы развлечься. После того как сильные угрозы не помогли, Ты вынул меня из постели, вынес на балкон и оставил там на некоторое время одного, в рубашке, перед запертой дверью. Я не хочу сказать, что это было неправильно, возможно, другим путем тогда, среди ночи, нельзя было добиться покоя, — я только хочу этим охарактеризовать Твои методы воспитания и их действие на меня. Тогда я, конечно, сразу затих, но мне был причинен глубокий вред. По своему складу я так и не смог установить взаимосвязи между совершенно понятной для меня, пусть и бессмысленной, просьбой дать попить и неопишущим ужасом, испытанным при выдворении из комнаты. Спустя годы я все еще страдал от мучительного представления, как огромный мужчина, мой отец, высшая инстанция, почти без всякой причины — ночью может подойти ко мне, вытащить из постели и вынести на балкон, — вот значит, каким ничтожеством я был для него.»²¹

Под такими текстами, задолго до моего рождения написанными пророчествами, я и впрямь превращался в реинкарнацию достославного скриптора Франца, но в реинкарнацию особую, начисто лишенную писательского таланта (хоть и предъявлявшую большие претензии на этот счет), и способную лишь проходить сквозь заранее предначертанные круги отцово-детского ада, бесконечно анализировать и страдать, страдать, страдать, прямой трансляцией выжимая из себя буквенные слезы и кровь, пролитые на мои никогда не кончающиеся дневники.

«Это было намеренно оттягиваемое прощание с тобой»²², писал Кафка отцу о литературном творчестве. Тянулся к книгам. Бедолага.

Аякс, Грегор Замза, отвратительное огромное насекомое²³, позор почитаемой в высоких кругах фамилии, безмолвная рыба под два метра ростом, бьющая хвостом – авось лишь этот звук да услышат, ломал очки, сжимая их в кулаке, потирая разбитые о стену костяшки (на обоях оставались забавные вмятинки), тщетно пытаюсь найти объяснение. На это уходили бесценные и безмозглые долгие годы. Глупая рыба. Я оставался на широких палубах ржавых кораблей, в отличие от меня, до сих пор помнивших, где их настоящий дом. Как и их прародители, корветы «Гридень» и «Америка», первые гости япономорских

²⁰ Ф.Кафка. Письмо отцу.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Герой повести Ф.Кафки «Превращение»

гаваней. Хотя, как пишет Алексеев, транспорт «Маньчжур» несколько раз и менял свое якорное место, то была лишь притирка перед окончательным переездом. Храбрые корабельные сердца принадлежали Владивостоку.

А у меня никогда не было дома, но мне бы хотелось, чтобы Город-Осьминог прописал меня на постоянное место жительства. Я мог бы стать его преданным немым капитаном списанных и истлевших, объединенных ржавчиной кораблей.

Сегодня я видел в музее Арсеньева пробковый спасательный круг на стене. Красно-белый, с надписью «Манджурь». Я сфотографировал его. Вечером я купил хороший словарь иероглифов для более детальной расшифровки следующего уровня Бескупюрного Жития. Занимаясь этим переводом, я ощущал себя Шерлоком Холмсом. Он повышал самооценку куда существеннее, чем жук-Замза.

Глава 13.
«Н» – Невельской

«НЕВЕЛЬСКОЙ Геннадий Иванович (1813-1876), известный исследователь Дальнего Востока, адмирал (с 1874). До 1846 служил на кораблях в Северном, Балтийском и Средиземном морях.

В 1849 Невельской, будучи командиром военно-транспортного корабля “Байкал”, прошел с грузом из Кронштадта вокруг мыса Горн в Петропавловск-Камчатский, исследовал и составил описание о. Сахалина, доказав, что Сахалин — остров, а не полуостров, как ранее считали; исследовал Сахалинский залив, Татарский пролив, низовья Амура и др. районы Дальнего Востока. Ему покровительствовал генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский.

В 1850 Невельской основал пост Николаевский (ныне г. Николаевск-на-Амуре).

В 1856 из-за трений с Адмиралтейством Невельской был отстранен от своей должности и отозван в Петербург; в 1857 назначен главой Ученого отдела Морского технического корпуса.

Именем Невельского названы пролив и залив на Дальнем Востоке и город на Сахалине.»

(В. А. Федоров)

Бескупюрное житие преподобной Миры.
(перевод с японского – Аякс)

Level II. Жан-Батист.

Впервые я увидела Жан-Батиста субботним утром в нашем издательстве. Мы оба там работали. В разных отделах, но в одном офисе. Дело было в Париже, осенью. Мне нравилась моя работа, я частенько задерживалась там и брала дополнительно задания на выходные.

То был год Европы, однозначно. Еще в Ниигате я изучала иностранные языки, а также историю и культуру Западной Европы. Потом мать, устав смотреть на то, как я увешиваю стены спальни плакатами с готическими замками, сказала отцу, что мне необходимо поехать на годик поучиться где-нибудь в Италии. Я стала сразу возмущаться, так как хотела не учиться, а работать. Стать тихой и неприметной служащей в совершенно незнакомой стране, где никто не знает, кто твои родители и каким количеством трупов они нажили себе состояние – таково было мое самое заветное желание тогда.

В последний вечер перед моим первым в жизни отъездом из Японии мы собрались в узком семейном кругу, чтобы обсудить планы на будущее. Говорили о всяких мелочах, мать боялась, что я стану проституткой (как прозаично!) и дала мне энный запас денег, чтобы «продержаться первый годик, не работая вообще». Отец положил на стол пистолет ZF-645. «Мира, всегда носи его с собой, но никому не показывай», - напутствовал он меня. Да, что тут сказать, воспитание в моем доме было жестким. Чего стоит махание самурайскими мечами «для красоты», все виды единоборств, известные человечеству, стрельба на поражение – элитные курсы от якудзовских сэнсеев – но чуток позже, когда мне исполнилось тринадцать лет. Немудрено, что у меня до сих пор плохо с математикой – для того, чтобы посещать обычную школу часто не хватало даже не времени, а сил. Зато тому, как прикончить человека за минимальный промежуток времени – хотя бы теоретически – я обучалась с самого нежного возраста.

И вдруг – на тебе! – работаю секретарем на ресепшен одного крохотного парижского издательства. Вокруг тишь, гладь да божья благодать. Гуляю себе в одиночестве, посылаю

раз в неделю домой открытки с Эйфелевой башней. Начальник мой оказался человеком очень дружелюбным и сопереживающим: поверив в грустную историю бедной японской студентки (правда, я была уже старовата для студентки, но всегда можно было соврать про желание докторской степени), оставшейся без покровительства семьи и без каких бы то ни было средств к существованию, он разрешил мне работать еще и по субботам.

И дал мне ключи от издательства. Теперь я торчала там круглосуточно, а в унылую комнатенку, которую я за гроши снимала на окраине Парижа, я возвращалась только для того, чтобы поспать да переодеться. Со стороны я казалась себе настоящей француженкой: изящная, невысокая, рыжеволосая – конечно, я была всего лишь азиаткой, усердно старавшейся казаться европейкой, но во всех магазинных витринах отражалась другая я, парижанка Мирабель. Так я иногда представлялась новым знакомым.

Однажды я обратила внимание на нашего верстальщика. Его звали Жан-Батист. Я увидела его возле огромного копировального аппарата, и мой взгляд задержался на Жан-Батисте дольше, чем обычно. Ну что я могу сказать о человеке, который стал моей самой большой любовью? Во-первых, это был самый уравновешенный и воспитанный сотрудник. Или даже европеец... На Западе мне иногда казалось, что людям достаточно один вечер прогуляться вместе, чтобы переспать. Дескать, вот и познакомились. Я не беру на себя ответственность судить об упадке морали как о последствии сексуальной революции, но для подобных приключений я всегда была слишком консервативна, чем и разочаровывала своих редких французских друзей. Жан-Батист был совсем другим. Даже здороваясь, он всегда учтиво кивал головой. Во-вторых, он был образован, начитан, культурно развит – в общем, полный список достоинств. Что я могу сказать внешне о своем ныне покойном муже? Невероятно высокого роста, под два метра, не меньше, он прихрамывал на левую ногу, совсем как его тезка Жан-Батист Эммануэль Зорг из фильма Люка Бессона «Пятый элемент». Это не случайное сравнение, тот киношный злодей тоже занимался оружием... Так же, как и мы потом... Мой дорогой друг одевался скромно и неприметно, ничего кричащего, яркого, за исключением разве что одного зеленого шарфика, но и тот смотрелся очень стильно.

В ноябре у нас на работе была вечеринка, я открыла ему дверь: он стоял, весь замерзший, с коробкой, в которой было шесть бутылок вина Божоле Нуво, держал ее ледяными тонкими пальцами, его шапка сползла набок, закрыла половину лица, и только один темно-карий глаз, заиндеветший на ноябрьском уличном холоде, сверкал из-под грубо и крупно связанной шерстяной ткани.

Нет, мы были едва знакомы. Ни слова друг другу, кроме повседневного «Bonjour!» возле кофе-машины в полдень, не говорили. По характеру я очень стеснительная, да и не пристало порядочной девушке первой заговаривать с мужчиной. Жан-Батист тоже не делал никаких шагов в мою сторону, поэтому всё обстояло тихо и без лишних эмоциональных всплесков, чего, к сожалению нельзя было сказать о моих отношениях с коллегами, резко ухудшившихся.

Наверное, то была какая-то психологическая неприязнь. Или они на подсознательном уровне чувствовали, что у меня на самом деле есть деньги и власть, и завидовали. Не буду ничего утверждать. Начальник повысил меня до должности управляющей отделом. Пока была секретаршей, коллеги женского пола дружно звали меня пить с ними кофе-чай и хрумкать шоколадки. А когда я стала занимать пост, равный им по значимости, мигом возник страх, ненависть и ужас. Начался психологический прессинг, по-детски нелепый, вроде как со мной перестали здороваться, хихикали за спиной, и все время красноречиво вздыхали, дескать, как жестока судьба их наказала – чертовски трудно сидеть в одном кабинете с этой «сраной япошкой», которая не реагирует на провокации. Мне было легко с ними: выстроенной стратегии их бойкотирования и смешки не имели, а я всегда знала, что лежит во внутреннем кармане моей сумочки, и привыкла сохранять невозмутимость. Полезный навык, между прочим. Когда тебя обижает в школе сосед по парте и ты в слезах говоришь об этом маме за ужином, а на следующий день обидчика и всю его семью

стройной шеренгой увозят в морг: тут поневоле станешь спокойным человеком. Просто из одного осознания собственной силы. И безнаказанности, да простит Господь мою семейку. Если бы я срывалась на каждый косой взгляд в метро, половины населения планеты уже бы давно не существовало. Ну, половины населения Японии точно. Поэтому я и стараюсь всегда оставаться беспристрастной и хладнокровной. Потому что не зря ведь было заповедовано нам уметь прощать.

Только поняла я это, увы, слишком поздно. Два месяца держала спину прямо, подбородок высоко, приходила на работу и покидала ее, мысленно рисуя вокруг себя защитные круги, стеклянные купола, магические щиты. Что только подливало масла в огонь армии моих ненавистников. Разумеется, они ждали другого. Хотели, чтобы я расплакалась в туалете, а потом вышла и проблеяла «ребята, ну давайте жить дружно». Проклятие кота Леопольда – смотрела этот мультик с маленькой Аней. Эх, мы все ведь пацифисты... Но именно тогда мне не хотелось прогибаться. В первую очередь потому, что эти люди были никем для меня, и, положив руку на сердце, проблемы были не у меня, а у них. Поэтому я продолжала учить язык, читать Флобера и... молчать.

Нападки усилились. Когда со стороны любой человек мог наблюдать следующую картину – моя напарница Мари Б. стоит на столе, хлопает себя по крутым бокам и орет в мой адрес что-то крайне грубое и оскорбительное, а я сижу за соседним столом и, как ни в чем ни бывало, печатаю отчет, смотря только в монитор, я решила, что с меня хватит. Не гонений и оскорблений, а психоза и гротескных сцен. Поэтому чудесным снежным утром двадцать пятого декабря я достала отцовский пистолет, и убила всех, кто сидел со мной в одном кабинете.

Никогда не забуду это ощущение первого живого выстрела по живому. Отдача в руку была, кажется, во много раз сильнее, чем на тренировках с учителем и неодушевленными деревяшками. Раз – и пергидрольные локоны Катрин И. становятся насквозь мокрыми и клейкими из-за томатного сока, который почему-то тоже зовется кровью; ее лицо стекает вниз долю секунды, расслабляется, а потом и голова, такая легкая головушка, костяшки-черепушки с высоты падают на стол. Будто девочка рыдает. Только ее плечи не содрогаются. Она вообще обездвижена. Слава Богу. Наконец-то. Потом другая, Мари Б. Шмяканье упавшего толстого тела. Бух – и на пол. Третья. Пятая-десятая. Я никогда не забуду этой картины. Сколько же их там было. Обойма разрядилась полностью. В тишине любой шорох усиливается в тысячу раз, от моих выстрелов грохоту было столько, будто землетрясение стены сотрясало. Я закончила. Осталась одна в издательстве. Выдохнула. Опустила руку, та повисла безвольно, будто резиновая. Указательный палец успокоился, отпустил курок, пистолет упал на пол. Красиво, как в кино. Нет, его надо поднять – оставить пистолет с моими отпечатками было бы верхом глупости.

Прошло полминуты. Что я натворила. ЧТО-Я-НАДЕЛАЛА? Живые люди! Создания божьи, ты забрала у них то, на что не имела права – их жизнь. Мира! Мира – ты теперь такая же убийца, как и твои предки! Ты не стала исключением из правил твоей родословной, ты – только запоздалое подтверждение этих правил! Застрелила девушек, называвших тебя сраной япошкой с ресепшен – чем не повод для того, чтобы всадить пули в их незамутненные головки? Чем ты вообще думала? Ты не стала нормальным и обычным человеком, ты не стала такой как все, твой условный рефлекс на раздражитель – убивать, это заложено в тебе генетически, Мирамирамирамира!...

На негнущихся ногах я выбежала на улицу, резво с места преступления, через дорогу находилась церковь. Чтоб тебя, Мира, сегодня же рождество! Убийство произошло рождественским утром! Какая же ты богомерзкая и бесчеловечная, Мира! Я зашла в дом Божий – happy birthday Jesus. Месса, орган, хор – славьте людей во Христе, славьте жизнь во Христе... А мои руки пять минут назад сжимали ствол пистолета, мои пальцы нажимали курок, и не раз, а много раз, до полного уничтожения. Цель уничтожена, задание выполнено, Мира – надежный солдат. Добро пожаловать в наши ряды. Мы вас так давно ждали, мадемуазель. Мы возлагали на вас большие надежды, Мирабель, ведь ваши

родители... Вы целиком оправдали наши ожидания, вы приняты. Я направила дуло пистолета на фигуру Иисуса, пригвожденного к кресту. С днем рождения, с днем смерти - какая по сути разница? Удивительно, что люди вокруг не обращали на меня, готовящуюся прострелить муляж сына Господнего, никакого внимания. Будто меня и не существовало вовсе. Я сосчитала до десяти, собралась с мыслями и громким голосом сказала:

- Боже, если единственное, что я умею делать – это убивать, и если таков твой промысел, то, молю тебя, сделай меня орудием твоим! Пусть те, кто пал от руки моей, были действительно злыми и жестокими людьми. Пусть я буду уничтожать всё зло, материализованное в людях, пусть я буду пресекать жестокость и несправедливость... А какими методами, решать тебе. Если ты не согласен на это – я понимаю тебя, Боже. И в таком случае прошу лишить меня жизни прямо здесь и сейчас, забрать мою душу. Я не хочу быть убийцей! НЕ ХОЧУ! А если таков мой удел, то пусть от этого будет хоть какая-то польза.

Я прижала пистолет к собственному виску. Орган продолжал играть, прихожане – меня игнорировать. Я перекрестилась правой рукой, пальцы которой все так же были готовы в любой момент спустить курок...

- In nomine Patris et Filii ei Spiritus Sancti... Amen!

Раздался оглушительный выстрел. Но это была уже не я. Свод костела расплавился и рухнул, витражи рассыпались на горстки цветных стекол, я легла на пол, стараясь закрыть голову, и зажмурила глаза...

Очнулась я там же, в церкви. Поднявшись с пола, оглядела здание – все было в целости и сохранности. На улице вечерело. Около издательства стояли машины полиции и скорой помощи. Единственный выход – прикинуться дурочкой и спросить, что стряслось. Что я и сделала. Полицейский посмотрел сквозь меня и ничего не ответил. Я пошла к входной двери, и меня никто не остановил. Люди словно перестали меня видеть.

Там, внутри, заворачивали в черные пластиковые мешки моих бездыханных коллег. Но что меня удивило, так это то, что ни на одном трупе не оказалось следов от пуль! Чистенькие, будто только что из ванны. Да и врачи повторяют как скороговорку: «Обширный инфаркт».

В тот же вечер я села на самолет до Токио. Новый год в Париже пришлось отложить до лучших времен. Никаких снежных хлопьев на Елисейских полях, никаких аккордеонов и круассанов. Меня ждала моя родина, мой дом. Было необходимо лететь в Японию. Хотя бы для того, чтобы сменить мой ZF-645 на что-то более мощное.

Я вернулась обратно в Ниигату. Сказала, что буду продолжать дело моей семьи. Все вздохнули с облегчением, а отец даже так обрадовался, что заказал одному известному автоконцерну выпустить малолитражку, названную в честь меня. «Маленькую и компактную, как моя дочка». Хм-хм, папа. Так, в 1980 году в продажу поступил автомобиль Daihatsu Mira.

На одном мероприятии, устраиваемом моими родителями, собрался весь мафиозный бомонд Японии. Танака-сан, снабжающий всех огнестрелками последних моделей, высь раздутый от гордости, представил нам своего партнера из Европы. Им оказался Жан-Батист.

Как выяснилось позже, он писал книгу, и пробный экземпляр хотел распечатать на казенном принтере. Дождавшись вечера, когда все уйдут из офиса, он хотел забрать стопку страниц, лежащую в копировальном аппарате. Однако, зайдя в опечатанное полицией здание, он случайно обнаружил люк, спрятанный аккуратно под печатным агрегатом. Классика жанра – жандармы тот люк почему-то не заметили. То был тайный ход в оружейный склад, расположенный в подвале издательства. Какие за этим последовали перипетии, не знаю даже я, но год спустя вчерашний скромняга-верстальщик превратился в главного поставщика крупных партий оружия во все страны Европы, а затем и Азии...

«О, здравствуйте... Мне кажется, мы встречались где-то раньше...» И далее в этом духе. Он поцеловал меня в обе щеки по очереди. Он был настоящим французом. Я была настоящей японкой. Смутилась и зажмурила глаза. Про себя отметила: надо же какое костлявое лицо, со стороны не скажешь, а осязаешь совсем другое. Очень ощутимые скулы.

Спустя полгода мы поженились. Венчались в Париже, в небывалой красоты готическом соборе. Свадебным путешествием нам были бесконечные разъезды по делам. Я убивала будущих маньяков, наркодиллеров и террористов, еще не знавших свое будущее. Я расстреливала их в упор, всаживала в каждого по такому количеству пуль, что тела их после меня походили на решето – газеты пестрели заметками об участившихся случаях смертей от сердечного приступа. Для всех, кроме меня, их тела были нетронуты. Ну а меня никто и не видел. А инфаркт – не слишком сильное наказание за те злодеяния, что замыслили все эти убитые мной недоноски. Можно даже сказать, что Господь очень великодушно с ними обошелся.

А вот мой муж никого не убивал. Нет! Это была в высшей степени гуманная, развитая, благородная личность. Он был первооткрывателем, человеком науки, если такое сравнение уместно, преданным своей идее до фанатизма. Конечно же, он умел стрелять, в этом ему не было равных, даже я была не таким первоклассным стрелком, как он... Но он никогда не смог бы совершить убийство. Сначала моя миссия по очищению земли от злодеев была воспринята скептически, но, убедившись воочию, он поверил в меня, в солдата Христовой армии Миру, в меня – бесстрашную, нестигаемую участницу извечной битвы за мир во всем мире. И с тех пор всегда поддерживал меня.

Мы брали напрокат машины, складывали в багажник ружья, оптические прицелы, патроны, гранаты – чего там только не было! – Жан-Батист сидел за рулем, а я смотрела по карте, куда нам ехать. Мы всегда ехали вперед. Вдоль бесконечных шоссе со старыми телеграфными столбами, мы видели плохих людей и клубки перекасти-поля. Но телеграфные столбы мы видели гораздо чаще. Я думала об Иисусе, распятом на телеграфном столбе. Ему было 33. Возраст Христа. Мне так и оставалось 32, хотя с момента того злополучного рождества прошло уже восемь лет. Я не менялась внешне, не старела, только становилась, может быть, все более и более опытной. Даже платье, то светлое летнее платье в мелкий цветок, которое Жан-Батист купил мне сразу после свадьбы – я носила его постоянно, но оно оставалось на вид таким же, будто было приобретено вчера.

Одним августовским вечером любимый сфотографировал меня, стоящую на грунтовой дороге, по обе стороны которой простирались извечные широкие поля. Я была в цветочном платье, в красных туфельках на платформе, ветер растрепал мои рыжие пряди... Я смотрела в объектив, как в дуло пистолета но я не боялась того, что Жан-Батист убьет меня, потому что он это сделал бы только при угрозе чего-то более страшного, чем смерть. Облака неслись по небу с невероятной скоростью. Щелкнула кнопка на фотоаппарате, а потом муж посмотрел на меня, его карие глаза всегда излучали такую искреннюю доброту... Он сказал: «Je t'aime Mira». Позже, спустя десятилетия эту фотографию случайно нашла в заброшенном в полях почтовом ящике известная американская певица Тори Эймс, она даже стилизовала картинку под саму себя для обложки своего альбома «Scarlet's walk».

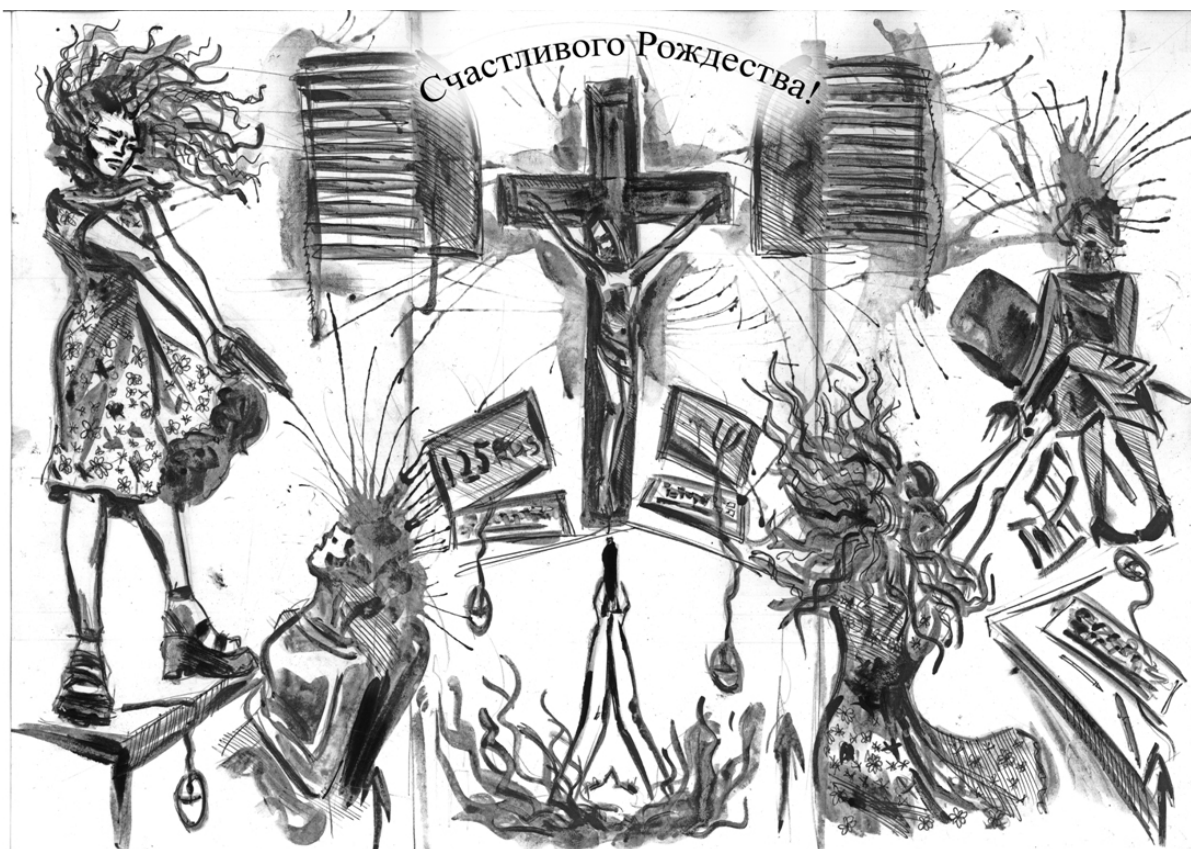
Жан-Батисту нравилась Япония. Из Ниигаты постоянно уходили суда во Владивосток, в Россию. Нам захотелось побывать и там. Я влюбилась во Владивосток с первого взгляда, и Жан-Батист назвал его красивым городом. Я познакомилась с замечательными девушками, двумя сестрами, мы стали друзьями на долгие годы. Потом у одной из них родилась дочка Аня, и я стала ее крестной матерью. Господь наказал мне оберегать и защищать от всякого зла мою крестницу. Я очень сильно к ней привязалась... Фактически став членом семьи, я часто жила дома у родителей Ани, и привезла ее отцу из Японии «именную» Mira Daihatsu, это была их первая иномарка.

Конечно же, мне часто приходилось мотаться по свету, но с годами мой маршрут все более и более сводился к трем пунктам: Париж –Ниигата –Владивосток. Аня подрастала, ее родители выросли, мой муж старел, а мне по-прежнему было тридцать два года. Анина мать списывала мою молодость на чудодейственную японскую косметику, которую заказывала мне привезти ей. Мои чемоданы с боеприпасами воспринимали как абсолютно нормальную вещь, лишних вопросов не задавали, а я и не стремилась откровенничать на эту тему.

В России тоже было много жестоких людей, так что я не сидела долго без работы. На родине у Жан-Батиста начались проблемы с бизнесом, он стал все чаще туда летать, я же не могла бросить Аню и оставалась во Владивостоке. С мужем мы все больше общались по телефону, виделись совсем редко.

В главном приморском аэропорту, расположенным рядом с городом Артемом, я провожала мою любовь на долгий рейс до Москвы, откуда он полетел в Париж. Мы сидели в зале ожидания, ели купленные в кафе сэндвичи с курицей и запивали растворимым кофе. Жан-Батист выглядел расстроенным, он всегда подозревал, что его подчиненные затевают что-то недоброе в его отсутствие, и в конечном итоге эти подозрения подтвердились. Его рейс объявили, мы обнялись. Я сказала «au revoir» с акцентом, как всегда, и он как всегда рассмеялся. Высокий, худощавый, кареглазый – это был все тот же француз из издательства, как и много лет назад... Больше я никогда не видела его живым.

Спустя пять дней мне сообщили, что он погиб в перестрелке где-то на юго-западе Франции, в Аквитании. Я присутствовала на опознании тела – и, о чудо, опознала. Это действительно был он, Жан-Батист, мой любимый муж, мой герой, свет жизни моей. Но я ни разу не плакала, даже на похоронах. Солдат Мира никогда не плачет. Я запрещала себе думать о его смерти. Говорила всем, что он просто уехал домой, во Францию и не вернулся. По сути дела это так и было. Жан-Батист умер для всех, кроме меня, я отказалась принимать это как данность, как неоспоримый факт, заключение патологоанатома. Потому что этот конопатый медик констатировал смерть в результате пулевого ранения в область сердца. Самая дорогая для меня кровь, неоцениваемая ни в йенах, ни в евро, ни в рублях, выливалась прочь, наверх, наружу, на свет божий, и с ней уходила жизнь моего Жан-Батиста. Но я не верю в это, потому что, где бы он ни был сейчас по мнению великих умов медицины, философии и теологии, он навсегда остался рядом со мной. Потому что на его груди, на его одежде я видела не кровь – то были капли молодого красного вина Божоле Нуво, с полных пульсирующей жизни виноградных лоз, с прогретых и умиротворенных сладкими летними вечерами полей, и теплых под уставшим солнцем проселочных шоссе, и телеграфных столбов на юго-западе Франции.

Глава 14.
«О» - Океан

*«Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь - и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.
То глас ее; он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,-
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.»*

(Ф.И.Тютчев)

* * *

(ЗАПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ДИКТОФОНЕ АНИ):

«Да никто и не удивится, что в детстве я была влюблена в Жан-Батиста. Высокий, стройный, темноглазый... Вот времена были... Сидим мы, бывало, вечером с мамой и папой, ужинаем, разговариваем... В общем, все как у людей. И вдруг в дверь звонят. Один из предков идет открывать, потом сразу шум, возня, восклицания «Мира!... Жан-Батист!...» И эта парочка к нам заваливается наперевес со своими огнеметами и гранатами. Двухкомнатная квартира идеальна для трех человек, но пять – это уже перебор. Мира с мужем как всегда с самолета, рейсы по сто пятьдесят часов с одного края света на другой. И как всегда без приглашения. Сколько раз папа предлагал их встретить в аэропорту – так нет, им это неудобно, не хочется нас стеснять и напрягать. А вот так ни с того ни с сего нагрянуть в ночи – это самое оно. Сумки раскрываются и разбираются по шкафам и полочкам, вино ставится на стол, распахивается окно и на подоконник водружается пепельница. Взрослые отмечают встречу. Теплая интернациональная дружба, подкрепленная забродившим виноградным соком и облойкой патронов. Русская бизнес-вуман, русский пианист, японская киллерша и, наконец, поставщик оружия из Франции.

О черт! Как он мне нравился, черт возьми. Они с Мирой были идеальной парой. Я бы никогда не стала его возлюбленной. Даже исходя из параметров внешности: уже тогда я ходила в школу с пацификом на шее, с ногтями, покрашенными черным лаком и с плеером, в котором играл извечный хард-рок. У меня были длинные черные волосы и фигура пленника Освенцима. Мне хотелось быть рок-звездой. Да я и есть рок-звезда, пусть и до сих пор потерянно-безымянная. А Жан-Батисту рок-звезды не нужны. Его жена была и остается воплощением всего того уюта и тепла, который зовется в журналах «женственность». Мира, сладко пахнущая кокосовым парфюмом, Мира, готовящая на кухне креветки в соусе терияки, Мира, всегда готовая меня обнять, погладить по голове и прошептать «бедный мой кролик, ну не расстраивайся» мне в ухо во время очередного приступа дурного настроения.

На один из праздников она и Жан-Батист подарили мне пластмассовые серьги в виде электрогитар. Это было прелестно. Я с каменной физиономией ковыряла вилкой салат и слушала «Led Zeppelin». Всегда мечтала стать Джимми Пэйджем. Мои родители были

как всегда крайне озабочены тем, что я ни черта не ем. А Жан-Батист поджал губы и сказал им: «Возраст у нее сейчас тяжелый, что поделать...».

Жан-Батист был моим святым покровителем, таким же опекуном, как и Мира, но только способным притвориться, будто действительно понимает, что я чувствую. Когда он в последний раз уезжал от нас, Мира оставалась. Она поехала провожать его в аэропорт. Жан-Батист попрощался с моими родителями, расцеловал меня в обе щеки и пошел к выходу. Мира ждала его в машине во дворе. Тогда-то я и поняла, что, если есть что сказать, то надо говорить. Я выбежала в коридор и крикнула: «Жан-Батист, можно тебя на секундочку?» Он улыбнулся, как всегда (как у него всегда получалось так по-доброму улыбаться?). «Да, Анюта, ты что-то хотела?» Тут я выдаю тираду: «Жан-Батист, я пишу роман и одного из героев списала с тебя, я хочу издать свою книгу, она будет про Владивосток и про меня саму, про моего мертворожденного братика Андрейку, про Миру и про тебя, о Жан-Батист!»

Он, разумеется, удивился. Спросил, как будет называться роман. Я ответила: «521 SUR. Это как код нашего региона на автомобильных номерах, только в зеркальном отражении». Жан-Батист посмотрел на меня таким непередаваемым взглядом, каким бы Иисус смотрел на ребенка-шизофреника, нападающего на собственную тень с ножом. Он был таким взрослым. И бесконечно добрым. Его глаза говорили за него сами – он меня жалел.

Бог мой, вот это маразм. Какой позор. Стыд и смерть! Стыд и смерть! Жан-Батист решил, видать, что я просто маленькая девочка-психичка, как жалко бедную чокнутую, подумал он. С нежностью, конечно же, подумал. Потому что Жан-Батист всегда был святым и великодушным. Он ни за что не стал бы смеяться над моим нелепым лепетом. Не стал бы злорадствовать и ржать вдвоем с Мирой. У него для этого было слишком большое сердце. Настолько большое, что за пару секунд оно до краев заполнилось жалостью ко мне. А еще десять секунд спустя эта жалость добралась до его глаз, и я ее увидела. Как саму себя в зеркальном отражении.

«Анюта, я так тронут. Наверное, у моего героя в твоей книге будет небольшая роль, да?» На этом вопросе я уже захотела, чтобы он поскорее ушел. Уставилась на обои в коридоре. Фиолетовые ромбики. В несколько рядов. Во множество рядов. Чертова куча рядов фиолетовых ромбиков – да кому в голову взбрела идея такого бредового рисунка на обои?

Я выдавила из себя какую-то совершенно кривую полуулыбку. Я сказала ему «до свидания». Он двести тысяч раз сказал мне спасибо и то, как он польщен. Я двести тысяч раз кивнула, так же криво улыбаясь и стараясь не поднимать на него свои глаза, полные первобытной паники и ужаса. Наконец, он ушел.

Из аэропорта Мира вернулась уже одна, и мои родители пригласили ее в клуб на ночь. Она была какая-то грустная последние месяцы. Я осталась дома. От нечего делать я позвонила одному школьному приятелю и позвала его к себе. Время было позднее, так что мне даже не пришлось ничего придумывать про интересный фильм, который так страшно смотреть в одиночестве, и прочую слюнявую чепуху. Никита был у меня через двадцать минут.

- Сейчас я тебе кое-что покажу! – подмигнула я, покуда он расстегивал пуговицы на своей рубашке и так сильно нервничал, что не справился еще и с двумя.

Предварительно я спрятала один из пистолетов Миры себе за ремень. Когда я навела на Ника холодный ствол, тот чуть не свалился с дивана. От страха и удивления одновременно.

- А ну-ка дай мне посмотреть, плиз! – заныл парень.

- Ни фига, - я хлопнула его по руке, - ты даже не представляешь, что это такое. Если из него выстрелить в человека, то он умрет, но не от пули, а от инфаркта. А кровь и раны моментально исчезают... Это выносит мне мозг каждый раз, когда я вижу Миру после задания! Черт, ты представь себе! Никаких доказательств убийства!

- Ань, что за бабкины сказки? – Ник был явно разочарован.
- Ты мне не веришь?
- Ни капельки!
- Возможно, ты хочешь испытать это на себе?

Юноша озадачился. Осторожность вступила в схватку с любопытством и, как это было характерно для нашего зеленого возраста, проиграла.

- Давай ты стрельнешь мне в ногу, а? – Нику казалось, что его задумка была гениальной, - если это то, о чем ты говоришь, то следов не останется и нога будет в порядке... Да, в ногу давай.

- Ты точно в этом уверен? – я испытующе посмотрела на него и выкинула главный козырь, - не боишься?

Получив отрицательный ответ, я отошла немного назад и прицелилась в колено Ника. Как Мира, должно быть, прикольно себя чувствует, расхаживая с такой штуковиной. Я мельком увидела в зеркале себя – невероятно крутая, высокая, худосочная, с черной пушкой в руках... Может попросить Миру научить меня стрелять? Кто знает, возможно, я стану профи в этом деле... Мой бог, как классно я смотрелась в своем отражении... И я выстрелила.

Никита заорал. Какое-то месиво ругательств и просто нечленораздельных воплей. Кровища, господи, сколько крови! Черт! Чертова коленка! Его нога повисла, как резиновый иланг, сам он не переставая вопил. Я побежала вызывать скорую, когда вернулась в комнату, Ник отключился. Кажется, это называют болевым шоком... Я дозвонилась до Миры, поднялся дикий переполох, мне было велено положить пистолет на место и дожидаться старших. Родители и Мира смогли как-то замять случившееся. Никиту увезли в больницу. Меня посадили под домашний арест и запретили слушать музыку (все знали, какое наказание будет для меня самым тяжелым). Я безвылазно торчала дома, по-прежнему не ела и представляла, будто живу в осажденном Ленинграде, где нельзя выйти на улицу, так как фашисты обстреливают город. По ночам я открывала окно и пыталась учуять воздух, долетавший с моря-океана. Ветер свободы.

Где-то в бескрайнем океане живет мой братик и ждет меня. Он родился на два года раньше меня и умер. Я случайно узнала об этом от Миры, потому что ни мама, ни папа сами мне об этом не рассказывали. Наверное, если бы мой братик был жив, мы вдвоем играли бы в блокадный Ленинград, и он приносил бы мне сухарики с кухни, и я бы ела их из его рук, такая слабая и измученная рок-гитаристка Аня Пэйдж. Мы бы с братиком тайком курили на балконе мамы сигареты, я бы ему первому играла свои новые песенки, а он бы советовал мне, какие книжки стоит прочитать... В принципе, все это я делала сама для себя, становясь чем старше, тем все более и более одинокой. Но, по крайней мере, единственный плюс был в том, что я всегда оставалась невероятно худой. Потому что не переставала надеяться на то, что братик Андрейка все же прорвет блокаду и по дороге жизни привезет мне со дна Тихого океана суши, сашими и водоросли-Чуку. Отсутствие Андрейки в моей реальной жизни постоянно терзало меня и выносило к чертям собачьим мои мозги.

Спустя неделю или около того после печального случая с Никитой, Мира перестала разговаривать. Она быстро покидала свои вещи в сумку и опять куда-то улетела. Мы долго ее не видели, но потом она вернулась и вела себя как ни в чем ни бывало. Я спросила у мамы, почему в моих руках пистолет Миры стрелял как обычный. Маме не хотелось возвращаться к этому происшествию, поэтому она отрезала: «Потому что ты – не Мира», тем самым намекая на то, что разговор окончен. Но я не унималась и решила поинтересоваться, почему сама Мира такая молчаливая была перед своим отъездом.

Тогда мама сказала мне, что Жан-Батист погиб в перестрелке где-то там у себя, далеко, в Аквитании».

Глава 15.

«П» - Подводная лодка

«Во Владивостоке собрана целая мемориальная флотилия знаменитых кораблей и судов — памятников воинской и трудовой славы. Ее базой стал музейный комплекс «Боевая слава Тихоокеанского флота», расположенный на Корабельной набережной, вдоль которой стоит выкрашенная в шаровый цвет длинная подводная лодка. Морской ветер развеивает на ее кормовом флагштоке военно-морской флаг. Это знаменитая С-56.»

(источник: shamora.info.ru)

В центре Владивостока, на Корабельной набережной, красуется Зеленая Подводная Лодка. Ныне она имеет статус мемориала, внутри обустроен музей, с настоящими торпедами и манекеном-радистом, сидящим в отдельной рубке в наушниках. Предоставлена возможность и посмотреть в настоящий перископ. Все туристы, приехавшие в приморскую столицу, обязательно фотографируются у С-56. Чаще всего это японцы. Но и русских ребят тоже достаточно.

В Великую отечественную войну С-56 потопила большое количество вражеских кораблей, вследствие чего стала самой результативной советской подводной лодкой. Также – но позже – стала первой советской подлодкой, совершившей кругосветный поход.

Лодка прошла два океана и девять морей (Японское, Охотское, Саргассово, Берингово, Карибское, Северное, Баренцево, Норвежское и Гренландское).

На нее было сброшено более трех тысяч глубинных бомб.

Но нашей красавице все было нипочем.

В 1944 за боевые заслуги ее наградили орденом Красного Знамени, а годом спустя, в победный 1945, удостоили Гвардейским званием.

Время шло, субмарину сначала разоружили, переформировав в плавучую зарядовую станцию, вывели из боевого состава, а потом и вовсе превратили в учебно-тренировочную подлодку. Но С-56 не переставала надеяться, что память людей кажется не столь короткой, и вот торжественный миг настал – в день тридцатилетия Великой Победы, в 1975 году возле здания штаба Тихоокеанского флота, на берегу бухты Золотой Рог, лодка была установлена в качестве мемориала на Корабельной набережной, где гордо стоит и по сей день.

Очаровательная история...

Что круче, море или небо? Оба шикарного цвета, оба – суть безграничная свобода. И форма классная, что у летчиков, что у моряков. Случись война, обязательно пошел бы либо в Морфлот, либо в авиацию... Но только не в пехоту. Романтично, конечно же, солдат и знамя красное над Рейхстагом, но лично меня всегда больше привлекали механизмы. Особенно механизмы, имеющие власть над стихией, победители стихий. Только что подумал, что, будь я военным летчиком или матросом на подводной лодке, то, даже не принеси я никакой пользы, вреда от меня точно не было бы – в плену от меня проку никакого, пытай хоть до смерти, ни единого слова от меня не услышишь. Хоть где-то немота сыграла бы на руку.

Вообрази, как ты сидишь внутри жесткой металлической посуды, герметичной и тяжелой. Погружение началось. Тебя так и плющит давлением. Кровь густеет, пузырьки кислорода становятся настоящим дефицитом. А ты спокоен, ты осматриваешь отсеки, все ли в порядке? Тебе есть чем гордиться, парень. Шесть торпедных аппаратов: четыре в носовой части и два в корме. Тебе есть чем гордиться. В энциклопедии подводных лодок рядом со многими номерами стоят крестики. Это значит «погибла». Помнишь, как играл с соседом по парте в морской бой? Крестик – это значит всё. Не холмик на могилке, нет, а там, на дне. «Bottom of the ocean she dwells», - как поет группа Interpol.

Да, парень, не все такие везучие. Рябь по воде. Мурашки по коже. Ты вспомни, как рвет снаряд там, где Нептун или Посейдон или как его еще, кидал трезубцем в подводные мины, и вспомни, что было после этого.

Определял время суток по записям в бортовом журнале. Солнце, ты где-то там, высоко и далеко. Безымянный матрос, имя вам – легион, стоял и курил, вдыхал во всю грудь воздух, в котором не было соли и воды, а только солнце и табак. Хотя солнце было по-прежнему далеко, табак был прокисшим, а вокруг если что и было, то только влажный соленый воздух, но то был воздух.

Море... ты было таким воздухонепроницаемым!..

Твое море не было сентиментальной синей лентой, русалками и сиренами, грозной штормовой движухой, мачтами и парусами, слегка окрашенными современностью... Нет, подводник. Твое море было соляной и ревущими залпами, только ты видел истинное лицо Посейдона – а те, кто плавают на поверхности, видели только высокие волны, когда он бил хвостом. Ты же видел всё, но в полной темноте. Консервная банка, она гнулась после взрывов, а взрывы были такие глухие.

Дизель и глухота – вот твоё море, парень. Мутные вспышки прожектора, да азбука Морзе. Все органы чувств приходят в негодность, но реакция и боевая готовность должны быть на высочайшем уровне. Слепой, глухой, нюх никакой, и сколько ни вопи, никто не услышит. Изъясняйся торпедами. Иди по цифрам. Победа над стихией. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Хочешь пуляться под водой – будь готов жить в герметичной пленке.

А вспомни К-19 в Атлантическом океане. Радиация варила тело заживо. S.O.S. Спасите наши корабли. Спасите наши души.

Я пошел гулять от музея С-56 дальше по Корабельной набережной. Причал номер такой-то. Расписание паромов. От размышлений и впрямь отучился дышать. Дыши, Аякс, пока стоишь на твердой земле. Свежесть. Свежесть взъерошила мне волосы. Вечная слава героям-подводникам. Я как всегда трус, я остаюсь на суше и гуляю в одиночестве.

Пожалуй, пора разделаться с этим. Хватит с меня рассказов про подводное царство и Миру с пулеметом. Ни к чему это не приводит и, видимо, уже не приведет. Пусть субмарины выбрасывают торпеды и с носа, и с кормы, я, сухопутный неандерталец, способен на подвиги куда более скромные и приватные. Бросаюсь телефонами и диктофонами. Да, я выкинул его. В море, с Корабелки, как и мобильник на Емаре. На Емаре все было куда помпезнее – стоя на высокой отвесной скале, шквальный ветер сыпал мне мокрую соль в глаза, я размахнулся и... Сегодня это случилось куда прозаичней, наверное, от того, что произошло в городской черте. Анин диктофон стал первой в истории Тихоокеанского флота субмариной карманного размера. Пусть глаголет на дне морском о дне морском.

Очередная гора упала с плеч, а легче все не становилось. Осталось выкинуть в воду еще и фотоаппарат, придумав какую-нибудь адскую зависимость от него. Между прочим, пластик тысячелетиями разлагается в природных условиях, а я только и делаю, что засоряю Мировой океан. Но куда деваться, когда собственная черепная коробка засорена до предела, больше уже не лезет? В воду, разумеется, в воду. Вода камень точит. Авось и справится с непомерным грузом Аниной депрессии.

Я капитулировал. Крест напротив моего имени в энциклопедии подводных лодок. Она меня подбила, добила, но я смог ее потопить. Или, наоборот, она меня ранила, а потом проворной рыбкой выскользнула из моих рук и уплыла прочь по Золотому Рогу? Оставила меня хлопать жабрами на поверхности.

Я пошел в тату-салон и сделал себе татуировку. «Аня» в сердечке. Вульгарно, пошло, но мне этого хотелось. Меня зовут Аякс, ее зовут Аня, и наши имена начинаются на одну и ту же букву. Я ее люблю, но некоторые ее откровения вселяли в меня ужас и определенного рода подозрения, шедшие вразрез со здравым смыслом.

Как, например, то, что мое настоящее, паспортное имя – Андрей.

Глава 16.

«Р» - Русский остров

«Русский — остров в Японском море, в нескольких километрах от Владивостока. Принадлежит Российской Федерации. Административно является частью Фрунзенского района Владивостока. Входит в архипелаг Императрицы Евгении. В 1890 году под руководством инженера-подполковника К.Чернокнижникова был разработан проект строительства Владивостокской крепости, в котором впервые обращается внимание на географические преимущества острова Русского для обороны Владивостока. В частности, согласно плану, следовало построить форт на горе Русских и прорыть канал через перешеек на севере острова.»

(источник: ru.wikipedia.org)

Паром увозит людей на закрытый до недавних времен Русский остров. Вода Владивостока отступает, ее сменяют чистые волны без примесей. Без инородных тел.

Маяк Басаргин, бело-красная будочка. Ярко светит маяк, корабельный факел, не заблудись в темном лесу, ориентируйся по звездам – маяк будет самой яркой из них. К маяку, стоящему на скале, с берега ведет подвесной мостик. Скалы выщерблены идеально с точки зрения геометрии.

На Русском острове нет моего отца. Сегодня я буду скрываться здесь. Ворошиловская батарея стережет мой покой. Стреляет метко и очень далеко. На расстоянии шести морских миль (что равно почти двенадцати километрам) с третьего выстрела была уничтожена швартовая бочка диаметром два метра, которую и разглядеть-то практически невозможно. С таким телохранителем ничего не страшно.

Бухты Большой и Малый Аякс. Аякс Оилид, он же Малый Аякс, был дурного нрава, и Посейдон, и Афина его терпеть не могли за нетипичную для простых смертных гордыню. О нем я уже писал. Великий Аякс тоже плохо кончил. Софокл посвящает этому свою одноименную трагедию «Аякс». Не получив наград, не получив доспехов поверженного Гектора, Эант (второе имя Аякса) сходит с ума, опять-таки, по воле божьей (Афина и тут отметилась), режет стадо баранов, принимая их за врагов своих, и в итоге совершает самоубийство.

Я втыкаю вилку в свежего гребешка. Съедаю его. Не обезумевший (пока что), не отождествляю дары моря с людьми. С Одиссеем. Он скучен. Я бы не стал его убивать. Вообще никого не стал бы убивать. Война – это трагедия. Но насколько величественным и прекрасным бывает оружие как таковое. Смертельное. Бьющее без промаха. Как, например, пушки Ворошиловской батареи.

Есть песня, от которой охватывает беспросветная печаль. Хотя песня вполне мажорная и ритмичная. Но печаль, плаканье при взгляде на облака, грусть пыльная и водянистая, холодными ладонями подпирает голову, глаза, уставившиеся в письменный стол, в тротуар, в небо, в волны за бортом – не все ли равно? – чувство полной потери всего. Это «Eye in the sky» группы «Alan Parson's Project». Она звучит так легко, и от этого становится еще хуже. Красивая песня.

Мы с отцом, знаете ли, бывало, тоже ездили на закат вдоль полей со столбами по бокам. В магнитоле часто звучал этот трек. Мне было очень мало лет. Такой возраст, когда шуришься, и луч солнца разбрызгивается всеми цветами радуги. Проект Алана Парсона играет и поет. Классная песня. Марина говорила, что она «в стиле Аякса». Но мне всегда становилось грустно, когда я находил ее по радио, или, редко-редко, в проигрывателях друзей. «I am the eye in the sky, // Looking at you, // I can read your mind».

Лет в пятнадцать, я, как и подобает асоциальному подростку-гуманитарию, увлекся творчеством Эдгара Аллана По. Отец увидел книгу По на моей прикроватной тумбочке, и спустя пару дней принес мне компакт-диск «Alan Parson's Project». Я никогда не

интересовался музыкой. Как мне позже объяснил папа, группа записала альбом под влиянием Эдгара.

По, используя какие-то темы из произведений в текстах песен. «Tales and imagination of Edgar Allan Poe». Бонусом на самопальном диске шла хитовая «Eye in the sky» с другой пластинки. Я не хотел искать резонанс готической литературы в прогрессивном роке, мне просто нравилось слушать. Потом я выходил на улицу, руки в брюки, протирал очки полрой рубашки, и запрокидывал голову, пытаюсь увидеть небесное око, преспокойно уверявшее меня: I can read your mind... I can read your mind... Облака меняли форму. Я любил нубуковые башмаки на ребристой подошве, они отлично шаркали по асфальту. Мне всегда становилось ужасно грустно в такие моменты.

А сейчас это был еще и намек на то, что я потерял всё, что было у меня прежде. Откуда ты узнал про Алана Парсона, Аякс? Эй, я ничего не могу изменить. Я не могу отвечать за поступки других. Не могу каждый раз придумывать удобные объяснения чужих вопиющих подчас безумств, и валить все на себя: вали все на меня, я нем, я не отвечаю... I AM THE EYE IN THE SKY! – Аякс, тебе нигде не скрыться от того, кто тебя породил, кто тебя и убьет... Как только я окажусь рядом, немедленно сброшу своего нерадивого сынка в море. Глаза бы мои тебя не видели, Аякс... LOOKING AT YOU, - я слежу за каждым твоим шагом, Аякс, ибо Аякс Оилид разгневал Посейдона, за что и поплатился, а ты туда же?... I CAN READ YOUR MIND! – ты думаешь, что бесконечные экскурсии в прошлое не заставят тебя изменить свое мнение? Аякс, ты все такой же несмышленный простак. Ты поменяешь точку зрения, даже не успев добраться до Русского острова.

Я сдернул очки, сел на палубу, закрыл руками голову. Вжал лицо в колени. Святые хрены, меня выворачивало от апатии и мелодичности, двух змей морских цветов: сопливого и изумрудного, переплетшихся именно на этой песне.

Когда горечь утраты, растаскивания иллюзии по кирпичикам, давила мне грудак кирпичным сапогом, я вцеплялся пальцами в волосы надо лбом, скрючившись за письменным столом, бюро, секретером, назовите как угодно эту штуковину – я цапал грошовой шариковой ручкой невесть что на очередной табула раса, и, бумага, как водится, терпела. Я падал башкой о стол. Раз за разом, тысячу раз подряд, надеясь вышибить мозги и разучиться реагировать и думать. Нырял в столешницу. Потом нырял в кровать. Кусал зубами подушку. Мат-перемат. Чудовищные ругательства. Я не мог сложить по кирпичикам хорошую картинку обратно.

Мы могли быть хорошей семьей. Каждый в своих широтах и терминологиях. Я вспоминаю отца каждый раз, когда слышу слова «партитура» или «Моцарт». Это его слова – сухопарые гордые шпили на башнях. Скрипичный ключ. Тоника. Терция. Кварта.

Божественная латынь для моего музыкального отче. Басовый ключ. Крещендо: еще, еще! Я был дома. Когда закончился ад-интернат, я готовился к очередной сессии, пытаюсь подружиться с Катуллом, Вергилием и Сафо, папа не хотел мешать мне и играл на электронном пианино в наушниках. Я распознавал по амплитуде ударов по клавишам композиции. Немые напевы. Я был дома, в окружении моих любимых книг. Еще раньше он пытался и из меня вылепить пианиста. Я не пошел дальше до-мажорной гаммы. У меня нет слуха. И заодно голоса. И права выбора. Он учил меня водить машину. Эти периоды совпадали. Мама уехала за границу. Мама нас оставила. Я смотрел на ее пустое трюмо, черное трюмо, в мутное зеркало. Отец приходил с работы, мы ехали на заброшенный аэродром, на старую взлетно-посадочную полосу, там он учил меня водить автомобиль. Говорил: «Drive on, little piano player». Я ненавидел пианино. Черно-белые зубы. Пасть на шесть октав. Клыки-клавиши цапали за пальцы. Отец хлопал меня по рукам: неправильная постановка. И однажды дал мне подзатыльник, когда на полигоне я перепутал тормоз и газ.

Схватив первую попавшуюся книгу, я с размаху ударил себя. Отец не любил меня. Он не хотел видеть меня в своем доме. Я спускал на тормозах его язвительные выпады, я, в пух и прах разорвавший все его ожидания, позор, позор на мои седины, Андрей! Лучше

бы ты не родился. Лучше бы ты умер, Андрей. Будь у нас другой ребенок, все было бы иначе. Лучше бы тебе и вовсе не появляться на свет, Андрей. Аякс. Что еще за дурацкие клички? Это мой дом, сказал он мне. Твоего тут ничего нет. Проваливай.

Я любил своего отца. Он обещал когда-нибудь свозить меня в Приморье, где жили бабушка с дедушкой. На пароме добраться до Русского острова, там есть бухта Аякс, тебе ведь нравится этот герой, сынок? Однажды мы с тобой обязательно туда поедem! Кстати, я привез тебе новую книжку – про Троянскую войну, тебе должно быть интересно. А еще на Русском острове стоит Ворошиловская батарея, Андрей. Она была принята на вооружение в 1934 году. Батарея состоит из двух башен, каждая из которых – с тремя орудиями. Башни венчают пятиэтажное бетонное сооружение глубиной 15 метров. Бетонный свод (3,5 метра толщиной) рассчитан на прямое попадание авиабомбы весом в тонну. А если посмотреть на то, как все устроено изнутри – это настоящее чудо техники. В погребе хранилось около 600 снарядов, они передавались вверх по монорельсу. На глубине 25 метров башни были соединены подземным ходом – всего ничего 217 метров... Когда-нибудь я покажу тебе Ворошиловскую батарею, Аякс. Это очень интересно.

И вот я опять один. Он выгнал меня из дома за то, что я немой и занимаю чересчур много места в трехкомнатной квартире. Я подчистую выгреб наличку и все кредитки. И вот я здесь. Паром доставил меня на Русский остров, вместе с другими пассажирами, прибывшими по своим делам. Я снял на камеру бухту-тёзку и Батарею. Вернусь в гостиницу, обязательно напишу подробный отчет. Военная история – это всегда чертовски интересно. Пап, ты был прав – это очень интересно. Ты злой человек. Ты плохой человек. Теперь я сам по себе. Оставь меня, злой человек. И спасибо за хорошую грустную песенку. Но я бы предпочел впервые услышать ее где-то в гостях, или в кафе. Но не из твоих магнитофонов. Вновь привязываюсь к ассоциациям. Прочные шерстяные нити.

Чистая вода. День «однажды» наступил. Я лег на пустынном берегу, распластался. Прилив. Два Аякса. Пока жил с отцом, нырял с вышки кресла на колесиках в негостеприимную столешницу. Вниз головой, прямо в каменные переплеты. Физические удары уравнивали душевный разлад. Я страстно хотел отупеть. Стать как тот письменный стол из ДСП. На черепе живого места не оставалось. Сейчас волны смывали с меня всю ту дрянь. Шишки-ссадины. Святое море. Зализывало мои раны. Милитаристский остров пушек и снарядов. Остров-лазарет. Это было невероятно интересно.

Глава 17.

«С» - Сопки

«Сопка — общее название холмов и гор с округлой вершиной в Забайкалье, на Кольском полуострове и на Дальнем Востоке России, а также вулканов на Камчатке и Курильских островах, грязевых вулканов в Крыму и на Кавказе.

В археологии сопкой называют вид могильника соответствующий культуре Сопок. Вероятное происхождение слова сопка от ст.-слав. соп — по Далю (русск. сыпать) — земляная насыпь, вал, холм, могила.»

(источник: ru.wikipedia.org)

Мы должны уметь прощать. Заповедь. Прости своих врагов, и сам будешь прощен. Освободись от смрада тяжелых дум и прости. Как говорил мой приятель Тимур, с полной головой человечество не спасешь. Проветри голову. И ступай дальше с чистой душой. Ступай себе с миром.

Я ступал по натертому до блеска гостиничному фойе. Скрипел подошвами. Очередная группа японцев регистрировалась у стойки ресепшен. Тугие чемоданы. Дорожная усталость. Ключи в обмен на деньги. Паспорта. Гиды. Приглашаем посетить наш край.

Заказал телефонный разговор. Как эта девушка в униформе удержалась от смеха. Я не дружу с телефонами, но иногда приходится ими пользоваться. Служащая отеля вернула мне блокнот с изложенной просьбой, сказала «хорошо». Я оплачу издержки. Я все оплачу.

Гудки по межгороду всегда идут с более короткими интервалами, нежели обычные. Постоянно трезвонящий аппарат сам поторапливает ответчика скорее снять трубку – эй, там человек деньги заплатил за разговор, беги быстрее! Кучерявый провод, я дергал его, я был нетерпелив. Мы должны уметь прощать. Прощение – это конец. Не зря же от прощания его отделяет лишь одна буква. Простить значит переступить, оказаться сверху, благородно и снисходительно, оставляя объекта барахтаться в собственных изъянах. Простить значит прогнуться и быть равнодушным, принять чужие изъяны, смириться. В любом случае это означает вылезти из конфликта.

Мой злодей-отец снял трубку. Алёкнул. Я убедился, что с ним все в порядке – по крайней мере, он не потерял дар речи в поисках блудного сына. Он ничего не потерял.

Я вышел из телефонной будки-аквариума, декоративно украшенной, как и подобает. Располагайтесь, в нашей гостинице есть все удобства. Там, наедине с голосом батюшки, в хрустальном аквариуме, мне было тесно. Ненавижу замкнутые пространства. А одного слова папы хватало, чтобы заполнить собой все свободное место вокруг. Иногда мне казалось, что он больше бы ненавидел меня, будь я способен говорить. Ведь тогда я бы смог ему возражать и перечить, что никак не подходило домашней авторитарности. Тем не менее, я оказался столь высокого мнения о себе, что начал всерьез бояться того, как бы отец не слег с инсультом после моего внезапного побега. К счастью, я как всегда ошибался.

Итак, упиваясь своим неоправдавшимся напыщенным благородством, я вновь пустился в свои параноидальные размышления. Батюшка запросто мог соорудить хитрый автоответчик, а сам быть где-то поблизости. Продолжать следить за мной. Вычислил по номеру мобильного местонахождение абонента, пока я не выбросил трубу на Юморе. Куда бы смотаться от него на этот раз?

Внезапно меня осенило – надо уходить наверх. В горы, на север. Туда, где растет женьшень и бродят тигры с леопардами.

В городе Арсеньеве две самые главные, на мой взгляд, достопримечательности – это озеро лотосов и сопка Халаза. После кампании по русифицированию топонимов, Халазу на картах называют Обзорной. Высота сопки – 865 метров. По серпантинной дороге можно заехать на машине на самый верх, там стоит телевышка (глядя на нее, представлял

себе фантазмагории с дикими порывами ветра, затягивающего телевышку в узел. Привет, Павич.). Вытягиваешь руку наверх и можешь поцарапать небо.

Иногда я бросал машину на обочине и шел пешком в лесные дебри, далеко. Ручаюсь, даже видел след тигра. Амба! Так называл тигра Дерсу Узала. Я ложился на траву, смотрел в глаза за облаками. Диктофона у меня больше не было, поэтому я просто читал одни и те же книги. Представлял себя на месте автора. «Мне стало страшно; я побежал за ним и запутался в багульнике. Появились пятипальчатые листья женьшеня. Они превратились в руки, схватили меня и повалили на землю»²⁴.

Правда, женьшень я найти не смог. Оставил это дело профессионалам. Китайцы считают, что женьшень стоит искать в том месте, где упала звезда. Звезды по ночам падали часто, но я все равно считал себя недостойным увидеть корень пан-цзя. Белки прыгали по веткам, пока я валялся на земле, одна из них проскакала почти правильный геометрический круг надо мной.

С татуированного предплечья сходила кожа. Я отрывал буковки, на их месте оставались те же самые каракули, но теперь уже вьевающиеся навек.

Я слушал финскую группу «Amorphis». У них было горнолыжное звучание клавишных партий. Альпийские синтезаторы, как бы это описать поточнее. Клавишные партии северного сияния. В общем, то был лучшее звуковое сопровождение моих походов по сопкам (или, как сказал бы Дерсу, «моя сопка ходи»). Иногда даже становилось жаль, что сейчас не зима.

Петляя по неизвестному маршруту, я полагался лишь на таблички, выставленные на въездах в поселки и деревеньки. В карту даже не заглядывал. Прокатавшись два дня, мне надоело спать в машине. Пора было возвращаться в город. Я выпил воды из какого-то горного ручья, наслаждаясь своим антиурбанизмом и испытывая душевную гармонию.

Единственное, что я знал – это направление движения. Так как тайга находится на севере, то для того, чтобы попасть во Владивосток, мне нужно постоянно ехать на юг. Если, конечно, эта вырубленная и посыпанная щебенкой просека, на которой с трудом смогут разъехаться две машины, куда-то вообще приведет. Не в гости к Лешему.

Сколько я еще времени буду прятаться от своего отца?...

И где?

Солнце грело правую руку, запад справа, значит, все верно – я ехал на юг. Хотелось бы сегодня-таки добраться до своей родимой комнатки. У меня была с собой кедровая шишка. Неспелая, скорее всего, но, как-никак, моя единственная серьезная таёжная добыча. Альбом финнов «Skyforger» проиграл три раза подряд – получается, я был в пути уже пару часов без остановок. Со средней скоростью около сотни, можно сделать вывод, что я достаточно далеко влез наверх. А никаких признаков человеческой жизни поблизости всё не появлялось. Это уже доставляло определенного рода дискомфорт.

Я поехал еще быстрее. Но, чем больше я прибавлял газу, тем сложнее было перебороть неуклонное замедление движения. Такое чувство, что мой Ларго был на последнем издыхании. Этого только не хватало! Приключение на озере Ханка начинается!²⁵, подумал я и со злости вжал педаль газа в пол.

Машина дернулась вперед, но проехать смогла лишь несколько метров.

²⁴ В.Арсеньев. Дерсу Узала.

²⁵ Здесь Аякс вспоминает эпизод из книги В.А.Арсеньева, в котором путешественник и его проводник Дерсу отправились на озеро Ханка и там заблудились.

Глава 18.
«Т» - Тайга

*«Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.*

*«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» -
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой». -
«О нет, то белеет туман над водой».*

*«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».*

*«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит». -
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».*

*«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».*

*«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей». -
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».*

*«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой». -
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».*

*Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.»*

(И.Гёте, перевод с немецкого – В.А.Жуковский)

...Мой микроавтобус остановился. У меня все внутри похолодело. Последнее, что успел сделать – крутануть вправо руль и встать на обочине, а не прямо на дороге. И всё. Ни туда, ни сюда. Завел заново. Не хочет трогаться ни в какую. Стоит на месте как вкопанный. Я выскочил из машины, дергал все, что можно, проверял аккумулятор, фонарем все нутро автобусу просветил, вглядывался, в чем проблема – ни малейшего намека. Сел обратно за руль. Рассвирепел перед перспективой ночевать в тайге. Хлопнул со злости по приборной доске. Конечно же, именно в этот момент увидел, что хрупкая

стрелочка, ответственная за демонстрацию уровня бензина, которая всю дорогу сонно опускала голову вниз, теперь окончательно легла спать.

Аякс, ты просто рассеянный идиот. Как можно поехать в чащобы лесные по фронтовым дорогам, где автомобиль проезжает раз в сутки и автомобиль этот – грузовичище с дровами, и абсолютно забить на то, сколько бензина осталось у тебя в баке? А что там у нас в багажнике? Неужто канистры с запасом, рассчитанным на экстренный случай? Ага, десять раз. Вот так происшествие. И что прикажете мне сейчас делать? Остается только ждать, пока по этой богом забытой трассе кто-то поедет и кидаться ему под колеса, умоляя о капельке топлива для моей крохотной машинки.

Я сел на обочине. Выставил аварийный знак. Лес шумел. После увиденного следа уссурийского тигра становилось вовсе неудобно. Совиное уханье где-то вдалеке. На небе шикарные звезды. Сказочный древний лес, пощади меня от хищных клыков твоих обитателей. Я подумал о летчике Маресьеве. Инстинктивно так подумал, вот не дай Бог. Или другие, похожие. Один генерал Карбышев чего стоит! Символ несгибаемой воли и самоотверженности. Много их. И все в прошлом. А что нам преподносит настоящее? Уважаемый товарищ Алексей Маресьев, я трижды позорен: во-первых, мой самолет никто не сбивал, я просто проглядел, когда кончился бензин (по собственной безграничной тупости, подразделяющейся на легкомыслие и безответственность – и какой из меня получился бы солдат после этого?); во-вторых, остался без четырех колес, но на двух рабочих ногах (простите, если задел за живое), а причитаю и расстраиваюсь, будто парализован; и, в-третьих, боюсь провести в тайге даже несколько часов в беспроглядной мгле ночной. Что вы на это скажете, Алексей Петрович? Я читал о вас: о вынужденной посадке на занятой немцами территории, а том, как бесстрашный советский летчик, раненный, восемнадцать суток на покалеченных ногах, а потом уже и ползком добирался до линии фронта... Чудом выживший, вы и на двух протезах хранили верность авиации, сбивая вражеские самолеты до победного конца. Повесть о настоящем человеке. Взгляните же на секунду вниз оттуда, сверху – из вашего персонального аэродрома в раю – вот он я, продукт конца двадцатого столетия, сидит на пустой канистре и голову руками безутешно обхватил. За это ли стоило сражаться и погибать?

Никто не едет. Пустота и тишина. Только совы и шорохи среди деревьев. Шоссе – тонкая ниточка, спасительный канат цивилизации, ограждающий меня (интересно как? разве только психологически) от мира коренных жителей тайги, умильных на канале Discovery и картонных календариках, но таких опасных и хитрых непосредственно тут, здесь и сейчас, когда они, по-хамелеоновски зашифрованные в черных пейзажах и по-хозяйски свободно чувствующие себя на законной территории, выходят на ночную охоту в поисках свежего (пульсирующего, двигающегося) мяса.

Будто где-то стучит электричка. Железнодорожное полотно. Думал о том, как сквозь тайгу проводили рельсы Великой Транссибирской магистрали. Время ушло вперед еще на два с половиной часа.

* * *

Белый пикап затормозил рядом. Никогда не любил их. Гибрид джипа с грузовиком. Маленькая кабина, всего три места – водителя, пассажира, при желании между ними можно вместиť ребенка. Сзади огромный кузов. Последнее время все переходят на усовершенствованные варианты, когда кабина рассчитана на пять мест, то есть как у обычного седана, а кузов становится чуток поменьше, как раз на размер задних сидений кабины. А этот, что был сейчас передо мной, был самым классическим, неудобным, сугубо практичным авто для перевозки крупногабаритной всячины. Фирма – Toyota, модель – Hilux, номер – 645. Окна опускаются вручную. Сколько же лет машине, если окна в иномарке опускаются вручную!

«Эй, привет, что у тебя случилось?»

Наверное, я узнал ее еще до того, как она это сказала. Наверное, еще в тот момент, когда она вздохнула, запаслась кислородом на это предложение из десяти слогов – тут надо немало воздуха в легкие набрать, чтобы произнести такое, самый отборный и чистый O₂, сцеженный из всех таежных массивов, кедровых рощ, ночной сырости – все ресурсы сразу на первую в ее жизни фразу, обращенную ко мне.

Аня была одного роста со мной. Только страшно худая. Иссиня-черные волосы. Бессонные фиолетовые синяки под глазами. Бледные губы, ни кровинки на лице. Тонна пудры в свете фар. Голые ноги-кости. Дернулась, чтобы комар не впился в коленку. Она выглядела болезненной, в лучших традициях героинового шика. Помятая. Она была абсолютно одна. Она сидела в соседнем со мной кресле в самолете, доставившем меня во Владивосток.

Она выглядела младше меня на пару лет.

И она никого и ничего не боялась.

Я вскинул руку – «вот так встреча!», что, разумеется, осталось неслышанным. Захоти я выдать наболевшее о том, что произошло, у меня все равно не получилось бы. Я постучал по дверце бака. Аня спросила: «Бензина нет?» Я кивнул.

Она расстроилась:

- Ничем не могу помочь. Моя на соляре ездит. Дизельная.

Повисло молчание. Ни один из нас не знал, что сделать в такой ситуации. Аня не уходила. Рассматривала меня. Я уставился в землю. Она смотрела в упор:

- Почему ты не отвечаешь?

Я выдал пальцами ничего не значащий набор символов.

Аня шарахнулась от меня, как от прокаженного:

- Господи, ты чего, немой??

Я пожал плечами, дескать, «как видишь». Ей становилось любопытно:

- Черт, а ты ведь еще и глухой, да?

И в этом была она вся.

* * *

Видимо, моя немота сыграла ключевую роль в ее внезапном порыве альтруизма – как можно бросить ночью в тайге несчастного калеку? Я сидел на обочине. Она ходила взад-вперед и о чем-то напряженно думала. Ане во всем надо было удостовериться лично: так, открыв дверь моего микроавтобуса, она посмотрела на приборную панель и, самостоятельно убедившись в том, что я не вру и что бензина в самом деле не осталось ни капли, всплеснула руками и воскликнула: «Ах ты ж чертова херня». Без особой агрессии, просто констатируя факт.

Наконец, ее осенило:

- Мы поступим так: сейчас ты сядешь ко мне, и поедem в Уссурийск. Здесь недалеко. Переночуем там. Машину закрой, не думаю, что кто-то стырит ее в таком месте, тут раз в неделю по одной тачке проезжает. С утра наберем бензина, и я докину тебя обратно. Идет?

Я снова кивнул. Как все замечательно складывалось.

* * *

Она хлопнула по кузову своей Toyota Hilux: «Классная машина!» Боже, подумал я, зачем ей такой огромный автомобиль, что она в нем возит, лесозаготовки из тайги? Как она вообще оказалась здесь этой ночью? Или тогда – рядом со мной в самолете? Ради какой великой цели ее диктофон попал именно ко мне?

- Давай, пристегивайся крепче! - она улыбалась мне совершенно искренне.

* * *

Мы одновременно захлопнули двери. Аня сняла ручник и выкрутила на максимум ручку громкости в магнитоле. Высокочастотные гитары врезали по ушам. Я узнал эту песенку. Она была саундтреком в фильме «Покажи мне любовь». Шведская группа «Broder Daniel». Постоянный рефрен одной и той же строчки:

«The only one I loved – she was a superstar,
The only one I loved – she was a superstar,
The only one I loved – she was a superstar,
Aaaaah....»

Аня барабанила указательным и средним по рулю. Она вела уверенно, выжимала газ до упора. У нее была татуировка в виде якоря на предплечье – очередная дань моде. Вся в джинсе, коже и цепях. Она хотела казаться рок-звездой. После эпохи жесточайшего похмелья, отходняка и реабилитационных центров. Когда она не выстукивала ритм по рулю, она грызла и без того обкусанные «до мяса» ногти. Шевелила губами слова песни и не сводила глаз с дороги.

Я посмотрел на ее руки: то были жуткие, почти просвечивающиеся кости, обтянутые кожей, покрытой синими следами уколов. Она поймала мой взгляд: «Не бойся, я не наркоманка. Это после больницы. Мои родители придумали новый финт – кормить меня под капельницами». Я кивнул с таким выражением лица, будто ничего особенного в ее фразе не было. Подумаешь, удивительно – скелета, везущего меня сейчас по тайге, хотели кормить внутривенно. Что за пустяк.

- Дай, пожалуйста, сигарет. Вон там, - попросила она.

Я щелкнул замком бардачка. Оттуда вылетела кипа листов формата А4. Ведомый то ли любопытством, то ли пренебрежением хорошими манерами, я принялся изучать эти листы. Мне бросился в глаза выделенный курсивом отрывок:

«...Как я любил героев с перерезанным горлом, отвергнутых и промокших под дождем (гром и молния, и побольше всего театрального), так и восхищался теми, кто говорил

под запись свои последние слова числа этак восьмого мая одного всем известного года... Погибшие герои говорят громче и дольше живых, да и сами по себе монологи их, выкрики и всхлипы по природе своей созидательны, обращены в будущее...»

То была выдержка из моего дневника, написанная незадолго до этого и непонятным образом очутившаяся здесь, в чужом распечатанном тексте. Я махнул парой страниц перед Аней. Что это?

- О, это? Так это мой роман. Да-да, я ж, черт возьми, такая творческая, что еще и книгу пишу. Это выносит мне мозг! Хочу написать такую охрененно крутую книгу... Она называется «521 SUR». Знаешь, почему такое название?... Это автомобильный код региона, код Приморья, только как в зеркале, наоборот... Прямо как в моей жизни, черт! Блин, все наоборот, это мне весь мозг выносит...

Я закрыл глаза. Какие загадки мне еще предстояло разгадать? Есть ли в романе Ани сцена нашей встречи в тайге? Если уж там есть мои мысли, доселе никому не известные дословно... И все-таки: как она смогла прочитать мои дневники и потом включить их в свою рукопись? А, может быть, меня и вовсе не существует, и я – всего лишь выдуманный ею литературный персонаж? Мне нравились такие мысли-перевертыши реальности.

На пути стали попадаться населенные пункты. Отпала нужда притворяться спящим, чтобы поразмыслить в тишине. Я смотрел на Аню. Она впервые оторвалась от дороги и посмотрела на меня в ответ. Я думал о том, что она весит килограммов тридцать пять, а весь грим на мордочке – еще пять. А ей наверняка было неуютно рассказывать что-то немому и по привычке, заложенной нормальным общением, ожидать ответных реплик. Я думал о том, что она – единственная, кого я когда-либо по-настоящему любил. Она была суперзвездой.

Глава 19.

«У» - Уголь

«Применение угля многообразно. Уголь применяется как бытовое, энергетическое топливо, как сырье для металлургической и химической промышленности. Применение угля для извлечения из него редких и рассеянных элементов – еще одна из областей.

Очень перспективным является сжижение (гидрогенизация) угля с образованием жидкого топлива. Для производства 1т нефти расходуется 2 –3 тонны каменного угля, в период эмбарго ЮАР практически полностью обеспечивала себя топливом за счёт этой технологии. Так же каменный уголь применяется для производства искусственного графита.»

(источник: <http://coal.colisey.ru/primenenie-uglya/>)

Я проснулся от того, что кто-то включил музыку. Громче, чем хотелось бы спящему человеку. Глаза распахнулись. Фокусируй зрение, ну же, давай. У меня отвратительное зрение по утрам. И по вечерам заодно. В сумерках и на рассвете я ровным счетом ничего не вижу. Пользуйтесь, грабители.

Рядом никого не было. Аня встала еще раньше и теперь вприпрыжку, в такт незатейливым песенкам, собирала вещички, искала закатившуюся под тумбочку босоножку, расчесывалась у зеркала. Она оглянулась на меня.

- Ну наконец-то! Сколько можно спать! Знаешь, что я придумала? Тут бензоколонка рядом, можно набрать там, у меня в кузове есть канистры свободные, докатим вдвоем до микрика твоего, и потом можешь уже сам свободно ехать. Да? Дорогу-то ты знаешь?

Грандиозная особенность всех женщин, которых я любил, заключалась в их комичном умении сочетать в себе несочитаемое. Марина, святая душа... И эта, тут, смотрит на меня, а я стараюсь смотреть на нее, но не могу заставить глаза напрячься, а она размывается, тает. Аня – с таким телосложением можно действительно разве что валяться под капельницами и едва дышать – а она бодренько так и весело скачет по комнатке, и просыпается с солнышком, и с откровенным интересом вещает про эти канистры в кузове, и кузов, и в нем канистры, какая прелесть!, в канистры мы наберем бензин и спасем твою машинку, Аякс! Она машет руками в окно – там, там вон заправка! И канистры. В кузове. О да, о черт! – ее излюбленные восклицания.

Лу Рид запеваёт вразяг: «I'm going up, I'm going down. I'm gonna fly from side to side». Аня постукивает спичечными пальцами в сильную долю, четыре четверти, о джинсовый кармашек. Она говорит и говорит, и ей кажется, будто она говорит со мной. На самом деле это просто монолог с перечислением дел на сегодня и вставочками Лу Рида, с ним же в унисон, но с русским акцентом. И ей кажется, будто она обращается ко мне.

Мы выписываемся из номера и едем обратно в тайгу. Уже с полными канистрами бензина.

- Дедушка мне рассказывал, что первые русские поселенцы рубили деревья и... - по пути Аня пустилась в пересказ национального эпоса, - и выкорчевывали их. Да. Иногда рубили, а иногда – выкорчевывали. С корнями!

Она смотрела сквозь лобовое, но мысли ее были уже всецело заняты только что нарисованным образом. А какая звукопись! Поэтому она смаковала каждое слово, рычащее на предыдущее. Выкорчевывали-с-корнями. Если бы я умел говорить, я бы шепнул еще одно: живодёрщина! Клянусь, ей бы понравилось.

- Так вот, - продолжила она повесть временных лет, - вскоре эти люди начали обнаруживать под каждым деревом уголь. Уголь, прикинь, природный. Они стали колоть его и отапливать свои жилища. Добыча угля стала основным промыслом многих населенных пунктов... И... тьфу, чёрт! О черт! О черт!

Она съехала на обочину. Руки, плечи, голову – всё положила на руль и расплакалась. Это смотрелось бы нелепо, не выгляди оно столь трагично. Не то чтобы стенания и страдания, нет, просто шмыгала носом, и волосы свешивались на приборную панель. Я чувствовал себя лишним. В то же время от собеседника (назвать меня собеседником – это, конечно же, очень тонкий юмор) ждешь прежде всего участия. Я положил ладонь ей на спину. Она дернулась, откинулась обратно на сиденье, протерла глаза. Потом выдохнула и повернулась ко мне.

- Извини, - сказала Аня, - я знаю, что это стыд и смерть. Просто со мной такое бывает. Знаешь ли, когда я думаю об истории... Или об этнографии... Я становлюсь очень сентиментальной. Мягко говоря.

Я протянул ей зажигалку. Мы опустили стекла и закурили. Она продолжала смотреть на меня.

- Это ненормально?

Я отрицательно покачал головой. Ее начинало нести.

- Все мои родственники и друзья считают меня ненормальной! Им кажется, что примерять прошлое на себя – глупо. Глупо! А я просто не могу не примерять. И от этого куча проблем... О черт, да, именно так. Ты знаешь, почему я не ем? Потому что я читала в детстве...

Теперь Аня была истериком из диктофона. Два часа назад – солнечный зайчик, а теперь – жертва маниакально-депрессивного психоза. Я остановил ее. Приложил к губам указательный палец. Помолчи. Написал в блокноте: «Я знаю почему». А внизу, заглавными буквами: «ЛЕНИНГРАД».

Девочка знала толк в кровавой блевотине. Плакала, глядя на облака. Пусть не совсем на облака... Плакала, глядя на спидометр – пожалуй, так звучит даже возвышеннее, чем сами облака.

- Ты... знаешь? Но откуда? – она была сражена наповал.

Потом хитро прищурилась, - это тебе Мира рассказала? Ты знаком с Мирой? Это она тебя ко мне подослала, да? Отвечай!

«С Мирой не знаком. Я тебя хорошо понимаю. Я тебя чувствую и знаю, какая ты,» - я старался писать как можно быстрее, - «и ты страдаешь за весь мир, а они этого не видят, потому и хотят тебя вылечить. Но я тебя понимаю. Я сам во многом...»

Аня выдернула из моих рук блокнот.

- Я оставлю это себе. Это будет в одной главе моего романа. Сразу положу туда листочек, чтобы не потерять, - она открыла бардачок, но я схватил ее за запястье.

Теперь несло уже меня. Карандаш выпал и закатился куда-то. Ее рука сжимала мой блокнот, моя рука сжимала ее руку. Я нашарил карандаш левой рукой, левой же неуклюже нацарапал на прижатой к коленке мятой странице: «я тебя люблю».

* * *

Я влил в бак голодного Ларго живительное топливо. Мы с Аней переглянулись. Остаток совместного пути сюда ехали молча. Вернее, она ехала молча.

- Куда ты поедешь? – хмуро спросила Аня.

«ВЛС», - начеркал я прутиком на земле.

- Мне тоже во Владивосток. Тогда давай ты поедешь за мной. Или наоборот: я за тобой, - Аня замечательно расшифровывала мои жесты.

Окей. Я поеду за тобой.

Она улыбалась. Солнечный зайчик возвращался.

- Где ты живешь, Аякс?

На этот раз мне пришлось лезть уже в свой бардачок за чистой тетрадью. «В центре. В гостинице». Аня мечтательно подкатила глаза вверх.

- Опять гостиница? – и, немного подумав, ударила колесо, проверяя, не спущена ли шина, - ну хорошо. Поехали! – рассмеялась она.

* * *

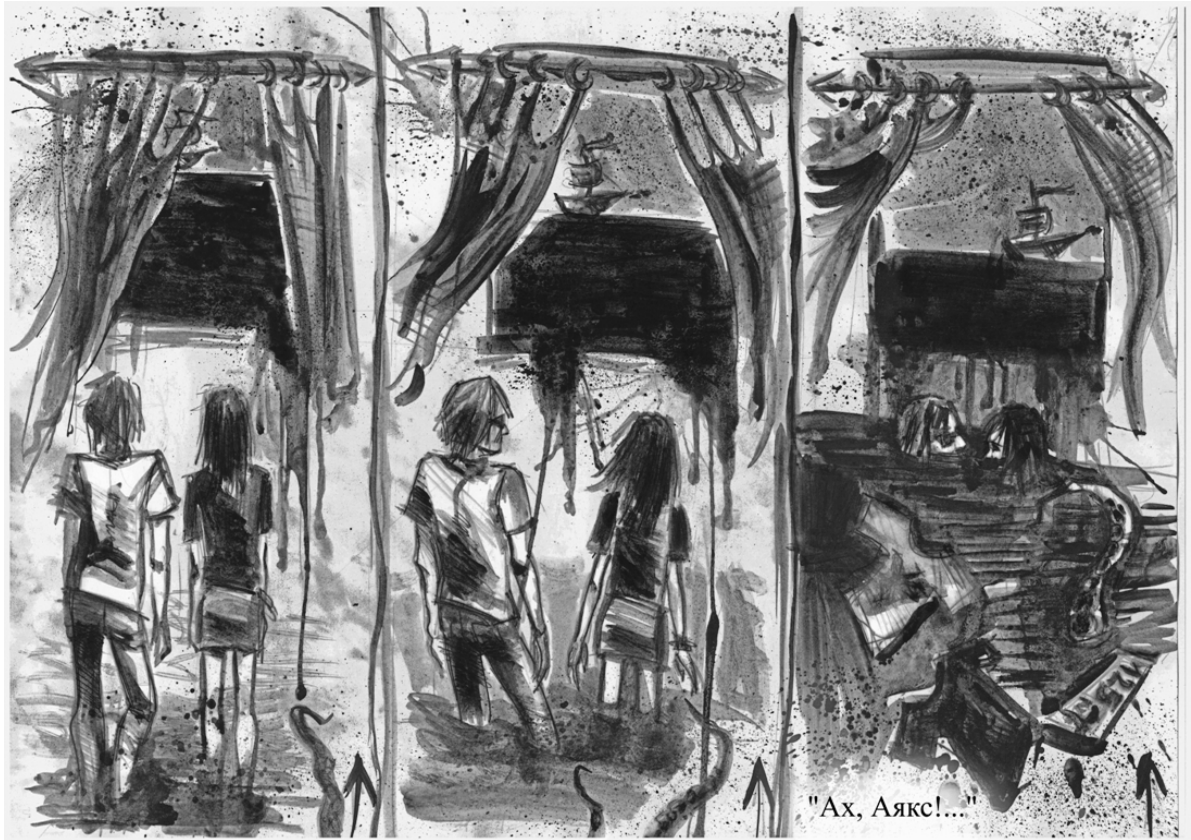
Ключ то и дело норовил выпасть из руки. Аня стукнула меня каблуком под колено. Механизмы закрутились. Дверь поддалась, мы оба прижимались к ней еще в коридоре, и теперь влетели в номер, будто в горячую воду. Комната была жаркой, точнее выражаясь, прогретой. Шторы распахнуты и голубое море врзается в череп, повышая температуру.

По волнам идут яхты и катера. Путешественники плывут на острова. Ах ты хренов Одиссей. Так сказала Аня. Мотался по всему краю, искал и нашел. Из Ани была никудышная Пенелопа. Она не сидела на месте. Она захлопнула дверь ногой. Я кинул ключ с брелоком «910» на письменный стол. Сколько бумаг, бумажек, книг и книжек, шариковых ручек, обалдеть! Аня посмотрела на это с крайне скучающим видом. Потом она перевела взгляд на меня. Это было последнее, что я видел отчетливо, перед тем, как стащил с себя очки и ослеп на веки вечные. Пока я был зряч, успел впечатать в память одну долю секунды, когда ее взгляд стал отстраненным, остановился и растворился. Так она смотрела на море. И на меня. Или на меня. Или на море за окном сквозь меня. На парусники и летние вояжи по морю прочь. Всюду одна вода. Ноги уходят в пол. Зыбучий песок.

На слабых, на негнущихся, я схватил ее за шею, и шея охватывалась двумя моими пальцами, я схватился, как утопающий за соломинку. И оба слова были как нельзя в тему. И «утопающий», и «соломинка», и то, что между ними. Между ними тридцать сантиметров, и это уже считается вторжением в личное пространство. Нейтральные воды остались позади, теперь пошла тема нарушения территорий. И она улыбнулась. У нее были ровные зубы. Я тоже улыбнулся, но я всегда улыбался с закрытым ртом. Признак отчужденности, замкнутости. Я провалил все психологические тесты. Она тоже. Еще раньше меня.

Мы оба стояли на пороге. Шкаф, дверь, да зеркало. И большое белое окно где-то там, за тысячу километров отсюда, за кроватью и письменным столом. Она вздохнула. Она выдохнула: «А-й-аааа-кс-а-х», и тянула «а» бесконечно долго. А я, а я, Аякс, а я всегда жил с закрытым ртом, а я провалил тест на выживание. И заодно на выносливость. Моя рука скользнула ниже, и чуть не повисла в полете, и уцепилась теперь за ее талию, я уперся носом в ее волосы. Я дышал. Она опять рассмеялась и рухнула головой в мои плечи. Мои плечи были твердых переплетов, жесткая обложка, горячая типографская печать. А она пахла вишней и другими ягодами, злыми и ядовитыми. Беладонна. Дурман. Белены объелся. Дикая вишня, искусственная вишня, сакура. Нагретые на солнце серьезные книги, распахнутые на середине, загнутые уголки страниц, сноски и оглавления – это было с моей стороны. С ее стороны был вишневый табак. Ее глаза были подведены угольно-черным. Губы покрашены бордовой помадой. Бордовое вино. Коктейльная вишня-черешня. Сакура в цвету.

Мои колени не выдержали первыми. А она – что она? – она же просто держалась за меня. И мы вдвоем рухнули на пол, на серый гостиничный ковер, днем, уже готовым сдать смену вечеру, в июле, уже готовом отдать корону августу. В обнимку, вместе, вниз.

Глава 20.

«Ф» - Фуникулер

«Фуникулёр (фр. funiculaire, лат. Funiculus — верёвка, канат) — рельсовое транспортное средство с канатной тягой для перевозки людей или грузов на небольшое расстояние по крутой трассе.

Фуникулёр является специализированным транспортом, применяемым в условиях тяжёлого рельефа местности.

В России фуникулёры имеются только в Сочи (две линии, в том числе одна частично подземная) и Владивостоке; ранее они функционировали ещё и в Светлогорске и Нижнем Новгороде.»

(источник: ru.wikipedia.org)

Мы пошли гулять по Владивостоку. Наверх, выше, еще выше.

Без фуникулера эти сопки попросту не одолеть. Два вагончика, красный и синий, один едет вверх, другой – вниз, по одним и тем же рельсам. На середине пути рельсы расходятся, чтобы вагончики не сталкивались. И ты, только что шедший по Светланской улице, с ее площадью, причалами, закусочными, Зеленой подводной лодкой и Корабельной набережной – за считанные мгновения оказываешься наверху, на вершине, там, где стоит телевышка, и выше только ангелы. Глаз не хватает на все эти морские панорамы, и ты вновь глыкаешь взхлеб ультрамарин, куда ни кинешь взгляд – везде одни горизонты. Вы знаете, чего в мире больше всего? Я отвечу вам отсюда, сверху: воды и неба, сопки и кораблей. Сопки и корабли – это образ жизни.

Владивосток – это образ жизни, сказала Аня.

Владивосток растрепал наши волосы. Они были одинаковой структуры. Прямые от вечной влажности. Город ерошил щупальцами по нашим макушкам, а мы по-прежнему дышали свежим морским воздухом, такие независимые. Мы гуляли за руку, она в моей футболке с логотипом Mitsubishi, перетянутой наподобие платья на талии моим ремнем. Я надел ее футболку Led Zeppelin, большого размера, мужскую. Мы шли за руку по Океанскому проспекту. По Торговой улице с ее очаровательными фонариками.

Мы ходили пешком. Иногда забирались в далекие спальные районы вроде Нейбута или Баяева, там мы ходили дворами. Подбирали медные монетки с пыльных дорог. Гулять дворами было рискованнее, настроение менялось в зависимости от положения здания: раз – и ты в тени, никакого солнца, можно обняться и закурить. А потом огибаешь дом, и июльский полдень палит на всю катушку: надевай темные очки и показывай «виктори» в объектив камеры. Аня извращалась с фотоаппаратом. Просила меня позировать у военных кораблей, отходила на двадцать шагов назад, и в самый ответственный момент переворачивала камеру вверх ногами и фотала меня вниз головой. Она смеялась, поднимала в воздух «козу» и говорила: «Ты ничего не сечешь в концептуальном искусстве, Аякс. Yeah!»

Мы зашли и в однокомнатную квартиру, которую Аня снимала на Маяке, чтобы перевезти некоторые ее вещи ко мне в гостиницу. У нее не было соседей – дом планировали сносить и практически всех жильцов уже переселили. Что тоже было глубоко символично.

Вот это был интерьер так интерьер: повсюду провода, шнуры, электрогитары по углам комнаты, на полу компакт-диски без коробочек, скрипка без струн и голый смычок, пепельницы, полные окурков (в этом мы были похожи) и пустой холодильник на кухне. Бутылка минералки и бутылка Капитанского рома – убойная композиция, очень в стиле Ани. Вешалки с одеждой на дверных ручках. «Это Chanel, настоящие, дизайнерские шмотки, прикинь!» - говорила она, и ее глаза горели от восхищения. Венчали гору гитарного и откутюрного хлама прозрачные напольные весы, электронные, чей экранчик

пищал и помигивал какими-то возмутительно несерьезными цифрами, когда Аня взбиралась на стеклянную измерительную ступень босыми белыми ногами. Пустота в холодильнике компенсировалась невероятным количеством баночек-скляночек на полках в ванной комнате. Говорят, что ванная символизирует подготовку к смерти. Типичный ряд кровать – ванная – гроб. Везде человек принимает мертвячье лежачее положение.

Я укладывал Анины вещи в свой дорожный рюкзак, я спотыкался о пластинки золотой эпохи рока. Classic rock. Подшивка журналов с таким же названием. На стене – здоровенный плакат «Led Zeppelin».

Классная музыка - это дар Божий, сказала Аня.

Она никогда не ела. Синие следы от капельниц на руках заживали, но она все равно ничего не ела. Казалось бы, найдя столько километров, любой проголодается. Я покупал хот-доги и мороженое, креветок в бумажных стаканчиках и сэндвичи в бумажных обертках, а Аня питалась сигаретами и минералкой. Иногда – колой-лайт. Но всегда дышала морем, йодом и кальцием, наверное, потому и не падала в обмороки каждые двести метров, а, наоборот, была такой подвижной, что я сам часто не поспевал за ее быстрыми шагами вверх, по лестнице или без лестницы, на очередную сопку.

Есть стихотворение Роберта Рождественского про Владивосток. Поэт-стадионник, вспомни первый курс, зачет по новейшей русской литературе. Я отставал, Аня быстрее меня взбиралась на Орлиное Гнездо и на Голубиную Падь, и на все другие эвересты. Я вспоминал стихотворение Рождественского, кажется, оно называлось «Вверх-Вниз», точно как мы с Аней гуляли сегодня весь день, наша прогулочная лирика, вот этот самый текст:

«И начинается наше кочевье,
ты от прошедшего отмахнись
Владивосток - как качели
вверх-вниз, вверх-вниз...
Это без наигрыша и без веселья,
у океана природа учится
Это на спины щербатых сопот
сопя и кряхтя взбираются улицы
Ты с этими улицами поспорь,
их крутизну - положи в конверт
Владивосток - как любовь
Вниз - вверх, вниз - вверх...
Капли прибоя утри со лба
Ветру серьезному поклонись
Владивосток - как судьба
Вверх - вниз, вверх - вниз
Та ли дорога, или не та...
В наших ладонях - бессонный век
Владивосток - как мечта.
Вверх, вверх, вверх, вверх...»

Настроение Ани совпадало с этими рефренами вверх-вниз, вверх-вниз. Она ругалась вслед машинам, не уступившим дорогу нам-пешеходам. Выкидывала средние пальцы. Вообще очень бурно жестикулировала. Если бы она родилась такой же немой, как я, то не пропала бы. Никогда и нигде. Ей бы не продали некачественный товар. Она бы хлопала детской ладошкой по прилавку и требовала справедливости, будто решалась судьба человечества. В этом я ей завидовал. Я, предпочитавший отмалчиваться и пожимать плечами. А, бывало, она становилась необычайно спокойной. Даже созерцательной. То была моя Аня, пусть и не совсем моя, но под стать мне. Так случилось, когда мы смотрели

на море. Так как моря было по горло, куда ни повернешь голову, то Аня часто была в благостном расположении духа. Она обнималась и фотографировала меня у Трех Китов. Памятник, символизирующий благодарность Владивостокским морякам за спасение из ледового плена. Спасибо. Спасибо за всё.

В 1907 году построили лютеранскую кирху Петра и Павла. Здание, выполненное в традициях поздней готики. В советское время там был расположен Музей Тихоокеанского флота. Большие чугунные якоря у входа в церковь. Бог, ты ведь сам определил земле так много моря.

Она все время просила взять ее за руку. Держать крепче. Она болтала без умолку. Про автомобили и музыку. «Тачки и гитары». У нее в ухе было три булавки. Святые хрены, так мы еще и панки в придачу. В настоящей «Шанели» и сыты духовной пищей. У меня из головы не выходили эти корабли, понатыканные тут повсюду. Аня просила еще сильнее сжать ее руку. Аня – крутой корабль, трехмачтовый, по старинке острый, и смотрит ох как далеко. А я типа якорь. Такой же тупой, чугунный и должен идти на дно. Тянуть ее ко дну. Не дать ей идти туда, куда ей хочется. Метафоры города-порта.

Я тащусь, сказала Аня.

Я тащился по Евгению Онегину – о, почему он не был капитаном корабля? Или военным летчиком? Один мой знакомый, бухгалтер, как-то раз сказал мне, что Онегин сам не знал, чего хотел. Аня не признавала Онегина вообще. Просто потому, что он не был рок-музыкантом. Я написал в блокноте: «У него (Е.О.) был характер настоящего рокера» и протянул листочек Ане. Она обещала перечитать грандиозный пушкинский труд внимательнее. Во второй раз, еще внимательнее. Тогда-то я и спросил ее, какие авторы нравятся ей, раз она сама пишет роман. Какие литературные направления, школы, стили. Аня посмотрела на меня как на сумасшедшего. «Это тебя прёт, все эти школы и стили. И критики. Я это в твоём дневнике читала», - сказала она, - «а мне пофиг. Я просто пишу и всё». С ней было легко. И тяжело до ужаса. Мы ходили по центру пешком и гуляли дворами. Стояла великолепная погода.

Андеграунд. Вот кем была Аня. Не-трогай-меня-злобный-психотерапевт! У меня были в голове свои тараканы на тему детства в интернате и следовавшей из этого клаустрофобии. Поэтому я решил, что мы с ней будем классной парой. В красном вагончике фуникулера мы съезжали вниз, на Светланскую, опять в центр. Море скрылось за домами. Аня задумалась о чем-то не особо приятном. Размышляла вслух о том, то родители опять будут на нее орать, что ее всё достало, что родители скажут Мира, что Мира приедет и начнет «выносить мозг». Про то, кто такая Мира, она не произнесла ни слова. Когда фуникулер уже почти приехал, она махнула рукой. «Ну и хрен с ними», - вопросительно подняла брови на меня. Я кивнул головой, как всегда.

Мы пошли гулять за руки и ждать, когда стемнеет. Чтобы опять поехать наверх на фуникулере. Аня предложила пойти выпить. Мы пили ром с колой. И пиво. Отвратительное сочетание. Но мы так красиво сочетались друг с другом, что могли пить какую угодно гремучую смесь. Мы могли пить бухту Золотой Рог, и Амурский Залив, и корабельное дизельное ржавое топливо. И бензин, и солярку наших больших машин. И всё бы нам казалось мармеладовым.

Аня не закончила консерваторию, в которую ее отправили учиться родители. Она подрабатывала тем, что возила Миру по всяким темным делам. Водитель для Миры. «Поэтому я научилась хорошо водить авто. И никогда не засыпаю за рулем, даже если еду глубокой ночью». И еще руль может быть похож и на клавиши пианино, и на гриф гитары – в зависимости от того, что стоит в проигрывателе.

Я написал ей, что работал переводчиком и на моем счету множество книг, переведенных с разных языков. «Это так банально», - вздохнула Аня, - «кем тебе еще работать». В принципе, мне было нечего возразить. Но, думаю, что работать водителем у своей опекуни, по совместительству – наемной убийцы (пусть нанял ее и сам Господь), получилось бы даже у меня. Впрочем, я не хотел ее расстраивать. Она и так выходила из

себя при любой попытке умалить ее исключительность. Становилась нервная и раздражительная. Шипела в трубку мобильного телефона «черт», «ну и черт», «а черта с два вы меня заставите». Вот я и не рисковал.

Мне нравилось ходить по набережным, слушать экскурсовода в Краеведческом музее имени Арсеньева, курить и смотреть на дикую воду из окна гостиницы. Аня заламывала руки: «Ну и скукотища!» Ей нравились трудности и неровности. Ей нравилось стоять на вершине сопки, будто на величайшей сцене, и слать оттуда воздушные поцелуи простым обывателям, умасленному миру еды и работы, от которого она ограждалась глянцевыми постерами, будто крепостными стенами и рвами.

Иногда она выглядела жалкой. Иногда она выглядела суперзвездой. И между двумя этими крайностями, по сути, не было никакого компромисса.

Мы ехали наверх в синем вагончике фуникулера. Голубой вагон. В добрый путь. Вновь под небеса. Тогда Аня спросила, был ли я на смотровой площадке вечером, когда море подсвечено корабельными огоньками и лунными дорожками. Я утвердительно кивнул. Она отмахнулась от меня: «Да не был ты нигде и ничего до меня не видел и не знаешь о Владивостоке».

Владивосток – это я, сказала Аня.

Глава 21. «Х» - Хасан

«Посёлок Хасан — единственный российский населённый пункт на границе с КНДР. Вблизи посёлка расположено знаменитое озеро Хасан и пограничная река Туманная (Туманган). Граница между КНДР и Россией проходит по фарватеру реки, однако русло Туманной меняется после разлива в сторону России, тем самым уменьшая территорию страны и создавая угрозу наводнения в посёлке Хасан и на пограничной заставе Песчаная. С лета 2003 года возле посёлка ведутся работы по засыпке скальным грунтом для защиты от напора воды. Расстояние до административного центра, посёлка Славянка, составляет 105 км.

Хасан — железнодорожная станция на ветке Уссурийск — Туманган — Сонбонг Дальневосточной железной дороги. В настоящее время ветка используется с малой интенсивностью — в 2005 году было перевезено всего около 10 000 пассажиров. Корейский участок от Тумангана до порта Раджин был разрушен в 50-е годы. ОАО «РЖД», железнодорожными ведомствами Северной и Южной Кореи прорабатывается вопрос об открытии движения по Транскорейской магистрали с выходом на Транссиб. Проект стоимостью около 250 миллионов долларов продвигается медленно. На 2006 год запланирован пилотный проект по началу перевозок на 40-километровом участке Хасан — Раджин.»

(источник: ru.wikipedia.org)

С утра мы выехали из Владивостока. Объехали город и двинулись на юг края. Мимо, как водится, то и дело проносились интересные. Поселок Краскино, в котором археологи обнаружили останки городища и капища древней империи Бохай, населявшей здешние места много веков назад. Мы ехали на юг и с левой стороны всегда было море. То были владения единственного в стране морского заповедника – вода была бирюзовой и прозрачной, вместе с нетронутой флорой прибрежных скал и сопков всё это складывалось в поистине великолепные пейзажи.

Мы с Аней по очереди сидели за рулем моего микроавтобуса Nissan Largo. Еще на парковке у отеля она похлопала по его двери и сказала: «Классная машина». Совсем как тогда, когда она подобрала меня, застрявшего в тайге... Мы купили блок сигарет на двоих, печенье «Крокодильчики» (тоже Анино словцо), две пятилитровых бутылки минералки и пиво. Я достал из бардачка карту автодорог Приморья, Аня принесла из своей машины кучу компакт-дисков и две флэшки с музыкой.

Теперь у нее тоже были солнечные очки. Она была в джинсовой мини-юбке и лиловой футболке «Hard Rock Cafe», которую ее мама привезла как сувенир из Венеции, когда-то очень давно, но Аня не вырастала из детских вещей. Я был одет как всегда. Мы отдали ключ от номера портье. Мы поехали на Хасан.

Хасан – самая южная точка Приморского края, и одна из самых южных точек России. Также это место пересечения границ трех государств: Северной Кореи, Китая и Российской Федерации.

Ехали несколько часов. Местами дорога становилась просто отвратительной. По мере приближения к границам справа появилась полоса железной дороги. Солнце было высоко. Сначала набирало обороты, потом стояло в зените, затем валялось в посткоитальном умиротворении. А мы все ехали и ехали. По стертых следам жизни королевства Бохай. Море плескалось золотом, зеркалило солнце, невероятно теплое и любвеобильное в этот день. Лето-лето. Первый кладбищенский глашатай, наряженный в яркие цвета, август-месяц, вступал в свои права.

По пути мы остановились в какой-то бухте, чье имя не было нам известно, и купались там. Я никогда не видел море более дружелюбным, приветливым и пустынным. Здесь не

было отдыхающих. Во-первых, это был будний день, а народ обычно выбирается сюда в выходные. Во-вторых, южные земли Приморья – места не столь густо заселенные, как Город у мыса Трепанга и Подвладивосточье.

Я достал блокнот и писал свою извечную писанину, пока Аня стояла по щиколотки в воде и всматривалась в волны. Высматривала своих чудовищ-осьминогов. Тонкая как щепка, нос с такой выдающейся горбинкой, ровные, блестящие, но закуренные зубы. Ждала на берегу, кто же вылезет из океана сегодня. Любовница Кракена. Или пленница его. На роль Кракена я бы выбрал Владивосток. Но я не мог освободить ее, ибо сам был Кракеновым верноподданным и уже не мыслил жизнь в другом месте. Равно как и не мыслил жизнь без Ани. Так что мы втроем составляли вполне себе приемлемый и удобный ансамбль.

Ветер трепал страницы моего блокнота, загибал их, вытаскивал распечатки и разносил по берегу. Я злился, прижимал отдельные листы круглыми, обточенными камнями, вынутыми из песка, ракушками, навеки застрявшими на берегу, вдали от среды обитания.

Я писал о рассказе моего деда о том, как он, будучи ребенком, видел, как из деревни Тереховка в 1938 году по реке Суйфун передвигались войска на Хасан. Аня вытащила из моря огромный куст водорослей и накинула их себе на шею наподобие боа. «У меня какой-то плохой гемоглобин, или как там врачи сказали... Ха, они не знают, что у меня вместо крови – морская вода. Она тоже соленая». Невеста Кракена. Любимая избранница осьминога-Владивостока. Моя любовь. Аня подошла ко мне и поцеловала мое плечо, уже высохшее после заплывов на скорость. «Соленое». Она сказала так про мое плечо. Она улыбалась.

Конечно же, мне было лестно воспринимать всё это на свой счет. То, что девочка с не очень крепкими нервами и устойчивой психикой, замкнутая и мрачная, как она важно расписывала саму себя в диктофон, рядом со мной всегда улыбалась, веселилась, отбивала такты стареньких рок-н-роллов по рулю и игралась с ошметками водорослей на диком и райском берегу Тихого океана. И она стала есть, о чудо. Она при мне уплела три подряд упаковки «Крокодилчиков» и не особо рвалась засунуть два пальца в рот или просто заниматься самобичеванием. Сладости, естественно, не самая полезная пища, но это уже был гигантский шаг вперед. По Ладожскому озеру, по Дороге Жизни, я, Аякс, ворвался в блокадный Ленинград, нагруженный печеньем «Крокодилчики» и накормил хотя бы одну душу.

А что если? Если нам продать одну из наших машин и поселиться вот здесь, рядом с Краскино, Славянкой, Хасаном?... Целовать соленые щеки, купаться, нырять с аквалангом, писать книги, поклоняться Кракену?... Почему нет? Что если? Я подумал, что, если мы хотим засветло добраться до Хасана, то надо завязывать с пляжем сейчас. Я просто посмотрел на Аню и показал сначала на часы, а потом на машину. Как легко. Я завел машину, мы ехали дальше на юг. Неожиданно Аня попросила немедленно остановиться и сфотографировать ее на этом участке дороги. Сказать по правде, ничего примечательного не было, по сравнению с шикарными видами морского заповедника, – пыльная трасса, столбы вдоль нее и сопка на горизонте. Аня прикурила сигарету и смотрела вдаль. Я убрал фотоаппарат и вопросительно нахмурился – почему ты выбрала именно такой фон? Она опять улыбнулась: «О, ты не знаешь... У Миры есть похожая фотография... Мне она всегда нравилась. Мне всегда хотелось чего-то такого же...»

Вот это была она настоящая. Она не хотела убивать Миру или орать в микрофон ругательства. Я посмотрел ей вслед, на то, как она открыла дверь и запрыгнула на место водителя, и подумал тупо и отчетливо: «Аня, я тебя люблю». В ту же секунду она оглянулась и сказала: «Знаешь, Аякс, ты такой охрененный». Она это так задумчиво произнесла, что теперь уже была моя очередь улыбаться. И мы вновь поехали дальше. Мне вспомнился рассказ Миры про ее поездки с Жан-Батистом, фотографирования у телеграфных столбов и тому подобное... Снова получалась история внутри истории. Проекция чего-то или кого-то? Только совершенно непохожие.

Мы против войны. Мы – дети Посейдона, бьем плавниками и украшаемся водорослями. Мы с Аней переедем сюда вдвоем, я буду писателем, а она будет играть на гитаре и петь мне песни. Аня мечтала быть Джимми Пэйджем, а я – Францом Кафкой. Неплохо-неплохо. Неплохо для анорексички и ее немногого друга.

Я – Франц Кафка-125 RUS. Это автомобильный код Приморского края. Всё слилось в одну большую задумку. Мира с ее столбами и пистолетом. Жан-Батист, француз, ушедший навсегда. И мы, две половинки одного целого, чье имя – безумие. Но и из этого можно многое выжать, я верю. Я никогда не переставал верить. В себя. В то, что делал. В погибших героев, которые смогли говорить. В Марину, в ту заботу и доброту, исходившую от нее. В то, что я найду Аню, и в то, что она тоже верит. В идею бесконечной чистоты и в горькое море, в котором тоже можно дышать и продолжаться до самого дня, пока архангел Гавриил не протрубит на все просторы мира и не призовет нас наверх, туда, выше всех самолетов.

Наконец, мы добрались до Хасана. Заехали на вершину сопки, на которой заканчивалась самая большая в мире страна. Слева был Китай, справа – Северная Корея, позади – море, мы стояли на Хасанской сопке. Пролетали мысли о тоталитарных режимах всех государств, и мысли о мире и гармонии, о любви и дружбе, и, разумеется, как всегда, вокруг была невозможная для конвертирования в печатные знаки красота. Мы включили магнитола, открыли окна так, чтобы слушать музыку снаружи. Достали пиво, сигареты и – по настойчивой просьбе угадайте кого – любимых «Крокодилчиков». «Я просто всегда вспоминаю дедушку, когда вижу эти печенюшки», – сказала Аня. Мы сели на землю, закурили, она облокотилась на меня, я обнял ее.

Аня говорила:

«Как тут красиво. Приморье такое красивое. Хотя везде красиво, надо только уметь видеть. В мозгах у людей мерзко, а природа – она везде классная. Не то, что люди. Если, например, твой череп, Аякс, открыть, там можно увидеть бегущих солдатиков и серебряные самолетики. А вот открой мою голову, там только гной и червяки. И всем это станет очевидно. Я очень этого боюсь.»

«Аякс, ты не думай, что я такое зло. Об этом я сама все время думаю. Я попросила Миру убить тех, кто меня бесил. Лучшую подругу, например. Бывшую, разумеется. Мы дружили двадцать лет, а потом ее достало. Я так обиделась, позвонила Мире и говорю: «Пристрели Юлию. Пожалуйста». Ну, Мира и сделала. Или моих парней всяких. Или тупых толстых сослуживцев. Много кого, короче. Сколько Мира не взывала к моей совести, я все равно могла ее уломать. Но это чистой воды эгоизм. Я прекрасно все понимаю. Поэтому я и зло. И мне даже кажется, что ты настолько хороший по сравнению со мной, что можешь об меня испачкаться.»

«Вода – единственное, в чем есть жизнь. Синий цвет самый крутой. Хотя, есть еще крутая штука. Типа музыка, я просто с ума схожу от нее. «Led Zeppelin» – это почти так же круто, как море или там кислород, или еще что-то такое же необходимое...»

«Смотри, солнце заходит. Быстро как день пролетел. Такой замечательный день, у меня таких давно не было. А тебя разве никто не ищет, ты всегда вот так, один? Да, ты кивай лучше... Если честно, меня раздражает разбирать твои закорючки на бумаге... Надо бы тоже выучить язык глухонемых. Смотри, смотри, вон там корейские иероглифы, видишь? А с другой стороны, у беседки на флаге – китайские. Корейские иероглифы с кругляшками, а китайские – нет. Теперь понимаешь разницу? Черт, я так устала. Неизвестно почему... Давай тут останемся, переночуем прямо в автобусе, места-то дофига. Там не тесно. А завтра с утра во Владик. Окей? Музла обалденное играет, согласен?.. Я обожаю такую музыку. У меня такое ощущение, что я всю жизнь искала такого человека как ты, Аякс. С самого детства, я открывала окно и хотела почувствовать морской ветер, он напоминал мне о брате, который умер, когда меня еще не было на свете. Но он, мой брат, он жил и рос там, на дне моря, он стал администратором какого-то участ-

ка дна, и его слушались рыбы и русалки... Я сама себе такие сказки придумывала, когда ребенком была. А теперь понимаю, что просто хотела найти тебя. Хотя и никогда не искала и не ждала. Курьезный случай какой произошел в тайге тогда, помнишь, когда у тебя бензин кончился? Бывает же! А ты вот сидишь и всегда молчишь, но мне почему-то кажется, что ты понимаешь меня на все сто процентов, даже если я замолчу, ты все равно прочтешь мои мысли, Аякс... Потому что мы сделаны из какой-то одинаковой материи. Но ты в тысячу раз лучше меня. Зато ты не выглядишь как рок-звезда, а я выгляжу. Но мы все равно одно целое, Аякс. И до нашего знакомства мы были вместе... Везде, где провода натянута на телеграфные столбы – там ты говорил со мной, Аякс!... О черт, о черт, это выносит мне мозг, это дико круто, Аякс, нет, нет, нет, мы вышли из одного и того же Японского моря, и туда же грохнемся, как три дня назад на пол в гостинице, и будем там, под водой, вдвоем дышать и продолжаться, о черт, смотри, солнце гаснет у нас, и в Северной Корее, и в Китае, солнце везде гаснет, а у нас с тобой есть всё, Аякс, Аякс, о черт, обними меня еще крепче, а то я замерзла, вот бы сейчас пиццы с шампиньонами, и салат «Цезарь», и колы, это было бы чертовски здорово, в воздухе столько соли и цветов, но это здорово, здесь нечасто ездят машины, здесь только цветы цветут, о да, да, твои волосы пахнут так же, как и мои, я же говорю, что мы с тобой одинаковые, наверное, это судьба, или любовь, или, черт возьми, мне стоит сказать, что я люблю тебя, Аякс.»

Глава 22.

«Ц» - Циклоны

«Циклón — атмосферный вихрь огромного (от сотен до нескольких тысяч километров) диаметра с пониженным давлением воздуха в центре. Тропические циклоны образуются в тропических широтах и имеют меньшие размеры (сотни, редко — более тысячи километров), но бо́льшие барические градиенты и скорости ветра, достигающие до штормовых.»

(источник: ru.wikipedia.org)

С Тайваня пришел тайфун. С неба полил дождь, и длился он много дней, и потоп смыл с лица земли все живое.

Аня меня бросила. Вышла купить сигарет и не вернулась. Сказала, что бегом в ларек и обратно. Потом я посмотрел в окно — ее пикапа на стоянке возле отеля больше не было. Она меня кинула тут одного, глазеть на серые тряпки, растянувшиеся по небосводу, на голое, пустое место на парковке, на подернутый мерзкой рябью и гусиной кожей Амурский залив. Я остался один. Ждать возвращения Ани. Ждать у моря погоды.

Конечно же, я мог съездить к ней на квартиру, найти ее там или не найти и оставить в дверях пару строк — но смысл? Я не видел в этом ни крупицы здравого смысла. Потому что она не пропала, не исчезла при невыясненных обстоятельствах. Это был шаг взвешенный, продуманный и подлый. Но то висело уже на ее совести. Моя была чиста. Разбитое сердце и чистая совесть — какое популярное сочетание! Настолько распространенное и приевшееся, что уже отдает дурным вкусом.

А дождь никак не хотел уюмониться хотя бы на час. Машины шли по колено в грязной воде. Вещи не высыхали из-за тропической влажности. Я лежал на кровати в плаще и ботинках. Кутался в промокшие одежды. В хлипкую шинель. Привет, Гоголь. Горничные решили, будто я спятил. Они злились на меня за уличную обувь на крахмаленных простынях. Я читал это позади их глазниц. Так-то они, конечно же, улыбались. Но я знал, что горничные мной недовольны. Мне было стыдно и совестно перед ними, и я позорно оборонялся тройными порциями чаевых.

Мне было некуда идти. Я — плохой корабль. Я списан со счетов. Потерял фарватер. Встал на якорь, стою. Жду. Жду указаний свыше. А свыше все затянута тучами.

Я щелкал пультом телевизора. Экран моргал. Всё было неинтересно. Я курил и не мог перестать. Я пил ром, и пил коньяк, и пил виски, и пил что угодно, и хотел бы выпить солярки, но всё было неинтересно. Пустота только росла. Я хотел, чтобы она вернулась и напоила меня соляркой из канистры. Канистры из хайлаксавского кузова. Меня дергало каждый раз, когда я видел из окна эту модель автомобиля на дороге. Меня дергало. Мне было плохо. Мне было пусто. Неинтересно. И — еще одно затертое, но правдивое слово — одиноко.

Максим Исаев, более известный как Штирлиц, познакомился с Сашенькой во Владивостокской гостинице «Версаль». Я раздумывал над феноменом отелей, над их аурой. Над семантикой постоялых дворов.

«...Двадцать три года назад, во Владивостоке, он видел Сашеньку последний раз, отправляясь по заданию Дзержинского с белой эмиграцией — сначала в Шанхай, потом в Париж. Но с того ветреного, страшного, далекого дня образ ее жил в нем; она стала его частью, она растворилась в нем, превратившись в часть его собственного Я...»²⁶

Плачевное положение. Идеальный романтический герой. Покинутый, болезненный, на незастеленной кровати, под нескончаемым тайфуном. С Тайваня. Ох как его сюда быстро несло. По морю лодочки ходили теперь куда реже. Ноевы ковчеги. Каждой твари по паре.

²⁶ Ю.Семенов. Семнадцать мгновений весны.

Кто не успел, тот опоздал. Кто остался, тот и дурачок. Я дурак и подохну. Какая нелитературная фраза. Горемыка упивался горем. Фу.

Вот вдруг она не вернется никогда? А я и диктофон-то даже выбросил. Ничегошеньки не осталось. Бескупюрные иероглифы жития нашего посредника-Миры, но это не в счет. Для поддержания имиджа патетичной сверхэмоциональности пару раз мне даже хотелось плакать. Но не получалось. Интересно, если бы я разрыдался, стал бы дождь хоть чуточку слабее? Должен же быть в природе какой-то баланс, равновесие? В одном месте убудет, в другом прибудет. Я не мог и слезинки пролить в шекспировских страстях и трагедиях, а дождь наяривал с удвоенной силой.

Я писал на разворотах книг, на салфетках, на этикетках «она ушла» в русском, английском, немецком, французском и японском вариантах. Послание в бутылке. Кто найдет, прочтет, тот и узнает. О том, как она ушла за сигаретами и не вернулась.

«Мальборо. Все суперзвезды курят «Мальборо». Я курил «Кэмел». Верблюды на пачке внушали мне спокойствие. Знаменитые дизайны. Знаменитости. Софиты и бутафорский дым. Крошенный мел из распылителя. Селибритиз. Суперзвезды. «The only one I loved – she was a superstar». Привет, Broder Daniel. Музыка ушедших времен. Звучание девяностых. Эхо. Отзвук.

Навести шухер. Быть как она. Я смахнул все листы-листочки-страницы со стола. Потом буду ругаться, когда не найду что-то важное. Бой посуды. За такое выгоняют из отелей. В принципе, я всё оплачу. Кажется, именно так живут суперзвезды. Погромы в номерах. Но я не могу перестать мыслить рационально. Потому буду ругаться, когда покрушу все вокруг и у меня ничего не останется. Придется покупать новое.

Я отодвинул кровать и вырезал маникюрными ножницами на спинке: «She's gone away», «Sie ist weggegangen» и далее, вновь, на всех известных мне наречиях. Потом вернул кровать на место, будто ничего не тронуто. Будто всё окей. Окей. Всем спасибо. Все свободны. Горничные в бантиках на поясице. Лапочки. Они кормили меня и поили, разве только спать не укладывали. Я доставил им много хлопот. Серёга приходил и стучал, я накрыл голову подушкой. Потом он просунул под дверь записку. Я выкинул ее в мусорку. Просто не хотелось никаких коммуникаций. Было лень и неинтересно. Тошнота тошнотская. Привет, Сартр.

Разделить Аню и Владивосток. Отделять зерна от плевел. Почему бы им вместе не убить меня. Почему бы ей не вернуться, чтобы утопить меня в море? А если я буду сопротивляться и искать над водой воздух для дыхалки, тайфун ускорит Анину работу. Этому не бывать. Она не вернется ко мне.

Взялся было за свои заметки – ничего путного написать не получилось. Ни главки, ни абзаца. Курение теперь стало моим главным развлечением. Надо найти зажигалку, все обустроить, докурить до фильтра, раздавить окурочек в пепельнице, сосредоточенно, чтобы ни одной искорки не осталось. Потом опять смотреть на часы. Стрелки были сделаны из свинца, они не хотели двигаться быстрее или хотя бы в том же темпе, что раньше.

Коробка шоколадных конфет. Нарисованная красная роза. Начинка-бренди. От всего этого так и разило мешчанской любовью. Крученые свечи. Бархат. Одеколоны. Меня мутило. Стены плыли и уплывали. Навсегда, туда же, в неизвестном направлении. Никаких идей касательно того, что делать с такой всепоглощающей свободой, не было. Свобода действия – она, как и стрелки часов, была свинцовой. Жесткий обруч, гайки, винты, затягивай, крепче, еще крепче, до хруста, проламывай грудную клетку ему, Аяксу, недотёпе. Так ему!

Сквозь серую серость плоских облаков в полмощности светило вниз солнце. Четко очерченное, блеклое, яичный желток. На него было больно смотреть. Небо было тусклым, но глазам было больно смотреть наверх. Больно физически, это не метафора. От метафор меня тоже мутило. От текстов, лишенных средств художественной изобразительности, впрочем, тоже. Я ждал, когда лицо позеленеет от качки. Хотя здание имело крепкий фундамент, моя комната рушилась, кружилась, и всё – с целью причинить мне вред.

На втором этаже был массажный салон «Шанхай». Китаец усердно разминал мне голову. Пока волосы дыбом не становились. Пока руки массажиста давили на череп, мне становилось лучше. Кровь прилиwała, тревоги слегка размывались. Потом все наваливалось заново.

Электрический свет был самым страшным наказанием. Я видел по ночам, как он просачивается из яркого холла, под дверь, вместе с письмами-приглашениями съездить на шашлыки (уютный коттедж, погода, конечно, не шепчет, но в теплой компании всем хорошо). Они все сговорились между собой и хотели выудить меня из панциря, из скорлупы, взять, подцепить, как улитку в чесночном соусе вилкой, тяжелую слизь моих мозгов, чтобы потом размазывать ее, как цемент, между кирпичей, между жестких булыжников-зданий на окраинах, и по асфальту, на тех участках, где необходимо притормозить. Шины глубоко увязали бы в этой субстанции, и число аварий на дорогах сократилось бы в разы.

Нет, если конец неизбежен, я предпочту быть расплюснутым могучим щупальцем Мутноокого Спрута, стража глубин Подморья. С такими намерениями я сидел на подоконнике, и час за часом буравил бородатые волны своими уставшими глазами с треснутыми сосудами и покрасневшими белками.

Ну же, кто-нибудь, закончи всё это.

Но море продолжало расти вверх, глотая дождевые капельки. И оттуда никто не выходил. Видно, Спрут был неголоден. Или я был ему неинтересен.

"О, я мечтал бы стать погибшим героем..."

Почему бы ей не вернуться,
чтобы утопить меня в море?
Размазать тяжелую слезь моих мозгов,
как цемент между кирпичей?..."

Глава 23.

«Ч» - Черепаха Бохайского царства

«Бохайское государство было первым раннегосударственным образованием на территории Дальнего Востока России. Оно включало значительные территории Маньчжурии, Приморья и Северной Кореи. На севере оно соседствовало с племенным объединением хэйшуй мохэ («хэйшуй» - Черная река - древнекитайское общее название Амура и его притоков), на северо-западе - с древними монголами (шивэй), а на юго-западе - с киданями, на юге - с корейским государством Силла.

Главной причиной возникновения Бохайского государства явилось наличие производящего хозяйства (земледелия и животноводства) у наиболее развитых мохэских племен. Однако непосредственным толчком к объединению мохэсцев в единый союз, а затем в государство, послужило военное давление со стороны соседей - сначала Когуре и тюрок, а затем китайской империи Тан.

В первой половине VII века китайцы начали активные завоевательные войны против народов Центральной Азии, Маньчжурии и Кореи. В 630 г. был уничтожен Первый каганат кочевников тюрок, в 668 г. древнекорейское государство Когурё. Переселенная после разгрома Когурё в северные пограничные районы Китая (округ Инчжоу, современный г. Чаоян) часть сумо мохэ после тридцати лет жизни в китайском плену воспользовалась восстанием киданей в 696-697 гг. и ушла на северо-восток в свои исконные земли. Эта группа сумо мохэ и часть пришедших с ними из-под Инчжоу когуресцев и стала тем военно-политическим ядром, вокруг которого произошло объединение мохэ. Они успешно отразили посланное покарать их китайское войско, и в 698 году их вождь Да Цзожун провозгласил образование государства Чжэнь. В 713 году, после нормализации отношений с китайской империей Тан, государство получило новое название Бохай, под которым и вошло в историю.

Получив пожалование на «владение Бохай» от танского Китая, Да Цзожун формально признал сюзеренитет империи Тан над своим государством. Его обязанности как вассального правителя заключались в присылке к Танскому двору одного из сыновей в качестве заложника, в регулярном отправлении в Тан послов с «данью». В подобных отношениях с Китаем были многие соседние государства, в частности, корейское государство Силла. Степень зависимости этих государств от Тан была обратно пропорциональна их военной и экономической мощи, а также удаленности от империи. В случае с Бохаем его вассалитет проявлялся там, где он был выгоден самим Бохайским правителям. Так, «дань» и получаемые в ответ на нее «подарки» фактически были формой международной торговли, выгодной обеим сторонам. Получение высокого титула вана (короля) от китайского «Сына Неба» поднимало престиж правителя как в глазах его подданных, так и среди окружавших Бохай стран и народов.

В то же время, не будучи в силах покорить Бохай военным путем, Китай не мог как-либо существенно влиять на внутреннюю и внешнюю политику этого государства. Бохай ни разу не откликнулся на требования Китая о военной помощи в его войнах с соседями. Бохайские правители поддерживали самостоятельные политические и торговые отношения с Японией, Силла и Тюркским каганатом и даже позволяли себе такую недопустимую для вассального государства в Восточной Азии вольность, как собственную систему летоисчисления. Все это свидетельствует о фактической независимости Бохайского королевства.

Преемники Да Цзожуна значительно расширили территории королевства и подняли его международный престиж среди дальневосточных стран. Наиболее выдающимися Бохайскими правителями были Да Циньмао (737 - 793 гг.), при котором сложилась система пяти столиц, и Да Жэньсю (818 - 830 гг.), в годы правления которого Бохай

достиг наивысшего расцвета и даже хэйшуй мохэ были покорены бохайцами. Страна стала общепризнанным центром культуры и просвещения.

ГИБЕЛЬ БОХАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В начале X века юго-западные соседи бохайцев – кочевники-кидани создали свое государство - империю Ляо. Это государство вело активную завоевательную политику против соседей. Более 20 лет кидани воевали с Бохаем и только в 926 г. им удалось сломить сопротивление.

На вновь приобретенных землях Бохая кидани решили создать зависимое марионеточное государство Дундань (в переводе с китайского «Восточное Кидань»). Во главе его был поставлен старший сын киданьского императора, а население страны обложено данью. Бохайцы не смирились с потерей независимости. В том же 926 году они восстали. Восстание было жестоко подавлено. В следующие годы волнения и восстания не утихали.

Тогда киданьский император издал указ о переселении непокорных бохайцев на территорию киданьской империи. В результате было насильственно переселено около двух третей всего Бохайского населения, а около пятой части бохайцев бежали в Корею. Не все бохайцы попали в полную зависимость от завоевателей. Этой участи избежали бохайцы восточных и северо-восточных окраин. Судя по всему, в их число входили и бохайцы Приморья. Они сохраняли относительную независимость и посылали нерегулярную дань в Ляо.

Бохайское государство сыграло большую роль в истории народов Дальнего Востока. Это было первое государство на территории Приморья. Его создание способствовало социально-экономическому и культурному прогрессу в регионе, были заложены предпосылки для возникновения впоследствии чжурчжэньской и маньчжурской государственности.»

(А.Л. Ивлиев, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой археологии)

* * *

Захотелось в Артем. Тот, в котором аэропорт и самолеты по небу летают. Неделю не выходил на улицу. Ни тебе моря, ни неба, ни черта. Аня – сволочь. Sie ist weggegangen. Я ненавижу Аню. Но жизнь-то продолжается. Что это я, в самом деле. Совсем расклеился. Ничего, сезон дождей закончился, пора бы высохнуть. Пора бы проветриться. Я сел в микроавтобус и погнал в Артем. Хорошо ехал, дороги свободные. Разгоняйся.

Солнце клонилось за сопки. Тут сопки не такие крутые, как в где-нибудь в Арсеньеве или в Кавалерово. Солнца плавленный сырок. «Дружба» или «янтарь». Захотелось жрать. О, значит я выздоравливаю. Должен вообще судьбу благодарить за то, что избавила меня от психанутой. Аня то Аня сё, затрахала. Меня стошнило ей с утра. Под ракитовый кусток. Под увядшую сакуру. Там она теперь валяется, пусть что хочет, то и делает. Какие же тут мирные сопки. Такие пологие, не то, что на севере – врезаются в небо словно шпиль готической башни. Дырявят облака. Дырокол для ваты. Тут все красиво и мирно.

Шоссе ведет из аэропорта во Владивосток. Аэропорт – это читай «город Артем». Шоссе соединяет шахтерско-авиаторский городок с большим светом. Я выехал из Владивостока, с его отелями и ресторанами, с отбеленными круизными лайнерами, с фотовспышками туристов и влюбленными парочками на обзорной у фуникулера – прямиком в сонный Артем, в котором две главных улицы на весь город, и Дворец Культуры Угольщиков – самое интересное архитектурное сооружение. Но он классный, этот Артем. Он похож на меня. Тихий и любит авиацию. Ну вылитый я.

Солнца сыр был пармезаном, пока стоял высоко, желтый, соленый и красивый. Сейчас плавится, заходит. Скоро взойдет плесневелая луна. Луна-камамбер. Мне бы писать сказки для мышей. Пользовался бы большой популярностью. Сырные светила небесные. По вечерам всегда большой кайф прокатится так, с открытыми окнами. Летом, разумеется. Прокатится по такому вот пустынному шоссе, по бокам поля изумрудные, усталые за эти июни-июли зеленеть и колоситься. Скоро успокоятся, уснут. Скоро зима их снежком под себя всех. Где я буду зимой? Здесь, где же еще. Встречу новый год во Владивостоке. В номере 910. Квартиру что ли уже пора бы снять. По деньгам экономнее получится. Как же долго тянутся эти поля. Резные плиты малахита – шевелятся будто живые. Объехал Артем по периметру. Тормознул, купил сигарет в магазине. Тормознул на заправке, заправился. Свободен, как птица. Развернулся, поехал обратно по аэропортовскому шоссе прямо в жареный и скворчащий оладушек-солнце на западном горизонте. На западном фронте. Без перемен. Привет, Ремарк.

Ларго – потрясающая машина. Мы с ней заодно. Микроавтобусу тоже нравятся карамельные августовские вечера, я-то знаю. Карамель, клеверный сахарок. Поля клевера. На горизонте сопки, обитые голубой замшей. Стерегут волшебную страну Гудвина. Изумрудный город. Рассыпался после землетрясения, все изумруды крошились и залегли в полях и лугах. Привольно им тут. Лазурь на них льется сверху и золото. Золото в лазури. Привет, Андрей Белый – твой первый поэтический сборник, кажется, назывался именно так... Как сладко. Грусть – скоро осень и мы все умрем. И вы, армии леденцового клевера, и вы, замшевые лесистые сопки, и мы – нас всех зима нарядит в белые тапки. Упакует в хрустальный гроб, как Белоснежку. А кто же останется? Крутые хайтековские самолеты, вот кто. Они выше нас, земляных червяков. Они сами рассекают зиму с ее ветрами и снегами, они преодолевают великие расстояния и даже солнца плавленый сырок им не указ с его часовыми поясами.

Не будь тут руля, раскинул бы руки в стороны и давил на газ, что есть силы. Запрокинул бы голову и закрыл глаза. Я у себя сам сверхскоростной самолет над карамельными полями, и никто мне не указ. Свобода. В небо. Выше, выше, там нет тесноты. В воздушных пространствах тесноты не бывает. Дышать полной грудью. Лето закатывается, на исходе, всё изошло, трепыхается, скоро угаснет. Я – нет. Буду лететь над всем вашим обывательским барахлом. Парить как пташка. Могучий воздушный корабль, как называли ТУ-134 на его премьерном вылете в советскую эпоху.

Аякс, вы замечались. Посмотрите-ка лучше на трассу, по которой едете, мало ли что. Я неуклонно приближался к какой-то машине. Давай еще врежься, идиот. Тормози, а ну быстрее тормози. Блин, ничего не вижу. Зрение в сумерках совсем плохое. Фокусируйся! Эй, глаза, а ну. Всё, медленнее едет. Вот интересно, еще минуту назад светлее было, а теперь ночь почти. Что за тачка-то, дорога пустая же была только что?! Я пригляделся.

645. Шестьсот сорок пять. Белый. Toyota Hilux. Куда направляешься, красотка? Уж не ко мне ли во Владик? Вот я тебе сейчас устрою.

К черту тормоз! Я прибавил еще, выехал на встречу и без особого труда подрезал пикап. Тот резко остановился, повернул вправо и чуть было не замахнулся передним колесом в кювет. Так и встал перпендикулярно дороге. Я оставался в салоне. Сейчас начнется. Казалась, даже слышу, как внутри Хайлакса со всей злости выдернули ручник. Вытащили ключ зажигания. Сейчас выйдет и оборет меня. Я зажмурился в предвкушении. Аня, я люблю тебя. Придурок, ты что творишь! Я чуть прямо тебе в багажник не влетела! Какой адреналин. Ну давай, иди ко мне, разорви меня на клочки по закоулочкам! Тормоза как завизжат! Замечательный кадр получился бы. Всё, выходит. Осторожно, двери открываются. Спасайся кто может.

Но это была не Аня.

* * *

В принципе, я ее так себе и представлял. Может быть, просто начитался. Ох уж эта сила печатного слова. В летнем платье, разрисованном розовыми и синими цветками. Аляповатая ткань. Последние лучи последнего на сегодня солнца светили ей в лицо, она не подходила ко мне ближе. Стояла возле пикапа, развернутого на шоссе, ведущем вдоль полей. А на самом деле похожа на ту, что на картинке. Ниже меня на полторы головы. Крепкая. Вся увешана пластмассовой бижутерией. Бирюзовые бусы, розовые бусы – вырви глаз. Крест на шее сверкает и сияет. Умиляющая дамочка. Внешне, конечно, старше. Не сказать, что намного, но старше. Уставшая. Ничем ее не удивить. На первый взгляд и не скажешь, что азиатка. Миниатюрная, разумеется, куколка маленькая. Но все равно сначала не поймешь, что японка. Если, конечно же, японка, и вся эта иероглифическая муть – не сказки для дошкольников.

Мира подняла вперед правую руку, которую до этого держала за спиной, якобы прислоняясь к машине, взвела курок хромированного ТТ, прицелилась прямо мне промеж глаз и спокойным, ровным голосом безо всякого (что поразило меня больше всего) акцента сказала:

- Садись сюда за руль. Поехали в Уссурийск.

Для первого приветствия не очень. В чем же я провинился так сильно, что искоренительница зла наставила на меня пушку? Или это просто угроза? Я решил попробовать спрятаться за уже привычной маской немого Юшки, вдруг прокатит. Выпучил глаза в страшном испуге и на языке жестов сварганил два предложения: «Ты – Мира? Настоящая Мира?»

Кажется, ее это удивило. Буркнув что-то и серии «ну не хочешь по-нормальному, будем тогда по-ненормальному», она, продолжая сжимать пистолет в правой руке, левой же на чистейшем глухонемом (тут уже была моя очередь удивляться) нарисовала мне ответ: «Да я Мира ты должен ехать в Уссурийск».

Далее последовала безмолвная беседа, которую лучше записать в драматической транскрипции.

Аякс. Почему?

Мира. Я уже сказала, ты должен.

Аякс. Это машина Ани.

Мира. Да.

Аякс. Где Аня?

Мира. В машине.

Аякс (указывает на лобовое стекло). Там никого нет!

Мира. Я покажу тебе Аню.

Аякс (подозрительно). Не верю. Ты убьешь меня, как только я отвернусь.

Мира (с улыбкой). Я могу убить тебя прямо сейчас, глядя тебе в глаза. Если ты мне не веришь, открой машину и посмотри сам.

Я дернул дверь пикапа. На сидении лежала Аня, свернувшись в клубок и закрыв глаза. Будто бы очень крепко спит. Ключевое слово «будто бы». Асфальт плавился, как и солнце, я намертво прилип к земле. Вытаскивай ноги. Сначала одну, потом другую. Так я смог повернуться в сторону Миры опять. Мои руки не слушались, но спросили у нее: «Что это за херня, объясни мне». Мне, ткнул себя в грудь. Мне.

Мира вздохнула. И вновь ровным голосом, без всякого акцента, абсолютно спокойным голосом, лишенным даже интонаций, сказала:

- Послушай меня. Нам всем сейчас надо ехать в Уссурийск. Втроем. По дороге я расскажу тебе все от начала до конца. Я знаю про тебя, Аня говорила мне, и я тебя видела – ты живешь за стенку от меня в гостинице. Не нервничай, все будет хорошо. Просто тебе надо сесть за руль и поехать туда, понимаешь. А если я тебя хлопну, то никто и не хватится о тебе, начитанный томный юноша. Кому ты нужен? Пожалуйста, не возражай и постарайся мне поверить. Я говорю правду.

Я растерянно пожал плечами, махнул на микроавтобус – а мою машину куда девать? Мира попросила у меня ключи и обещала вернуться через полчаса. Дескать, тут есть неподалеку стоянка. Автостоянка в полях и лугах. Что мне оставалось делать? Протянул ей ключи от Ларго. Сам сел в пикап на водительское место.

Теперь Аня никуда от меня не убежит. Больше никогда.

Я положил ее голову себе на колени, надел на нее свои солнцезащитные очки, совсем будто спит. Ее тело было завернуто в бесформенный черный плащ, я раскрыл его, вся ткань в крови. У меня пальцы от одного прикосновения стали бордовыми. В салоне стоял этот удушающий кровавый запах. Вечер угасал, я сидел за рулем неподвижной Toyota Hilux, наперекосяк вставшей посередине проселочного шоссе, обнимая истекающий кровью труп моей любимой девочки, такой же неподвижный, как и машина, такой же застывший, как этот бесконечный летний вечер. Едкий запах крови, разбавленный сладкими клеверовыми напевами с полей. И телеграфные столбы. Дорога совсем пустая. Время остановилось. Было бы забавно, если бы сейчас к нам подъехал патруль. Шикарное зрелище.

Я открыл бардачок в надежде найти там свои дневники, переписанные чужой рукой в роман. Естественно, в бардачке, кроме компакт-дисков, больше ничего не было.

* * *

Дружок, вот я тебя нашел снова. Опять в этом же авто. Только теперь я веду. Еще полчаса назад ругал тебя последними словами. Вчера проклинал, мечтал вытравить тебя из моей головы. Кидался вещами. Но, тем не менее, беззвучно ныл и скрипел: «Отдайте ее мне хоть на секундочку». Вот теперь мы вместе. Снова. Лапка обессилила, беру ее своей, и никакой ответной реакции: локоток не напрягается, запястье не вертится, пальчики не сжимают мою руку. Совсем никакая Аня.

Я не знаю, как писать о твоей смерти.

Скомканная, завернутая наспех в эти черные лохмотья, сломанная, коленки прижала – вот момент истины. Полевые цветочки поют тебе колыбельную. Колокольчики и мышиный горошек. Спящая красавица в моих темных очках – в них никто не догадается о том, что тебя тут больше нет. Ты такая невозможная! Если бы тебя забальзамировать и таскать с собой, я все равно буду недоволен – ты не будешь чертыхаться и выворачивать ладони. Никакого выбора не оставляешь. Я не знаю, как писать о твоей смерти. Пожалуйста, можно я напишу об это поменьше?

Мира открыла дверь с левой стороны, кинула мне ключи от обеих тачек. Валяй, поехали. Она перетянула Аню на свое кресло, та упала на Мирино плечо, и осталась так лежать. Гони в Уссурийск. Почему именно Уссурийск? Что вообще происходит? Заводи мотор.

Мы ехали уже примерно с полчаса, когда душную тишину-плотину наконец-то прорвало.

- Короче говоря, так, - начала Мира, - она ушла от тебя, потому что хотела по-быстрому заскочить к родителям и вернуться обратно, но блиц-визита не получилось, и мать заперла ее в комнате. Потом она помирилась с матерью, зато поругалась с отцом. Сегодня это было. Звонит она мне, кричит в трубку, слов не разобрать, и плачет, и ругается. Всё просит приехать и убить его, отца то бишь. Убей его или я с балкона выброшусь, говорит.

Я приехала. Поднялась по ступенькам, перезарядила пистолет на всякий случай. Звоню в дверь – никто не открывает. Вышибла дверь. Там Аня вся в слезах, одежду свою в чемодан кидает. Папа сказал ей убираться из его дома. «Ну и кто он после этого, Мира?» - меня спрашивает. Нехороший человек, совсем нехороший. И гостям-то так не скажешь. А тут ребенку. Она плачет и плачет, а на меня детские слезы всегда ужасно действовали.

Короче, я прикончила его.

Аня говорит мне, что сейчас поедет во Владивосток, к ее парню в гостиницу, его зовут Аякс – про тебя, в общем, говорит. Я ее спрашиваю, ты все собрала? Она такая, один

момент, еще кое-что... И берет отцовское электронное пианино... Синтезаторы такие бывают, ну ты знаешь, наверное. Пианино легкое, можно спокойно нести в руках. И книгу взяла. «Словарь китайских топонимов на Дальнем Востоке». Аня просила папу сделать ей копию, а ему все некогда было... Вот наконец-то всё и получила... И пианино, и словарь. Да только этим дело не закончилось...

Мира открыла окно и закурила сигарету. Вдохнула. Глядела куда-то вдаль, на нескончаемую вереницу столбов вдоль дороги, на раннее ночное небо.

- Мы почти вышли из подъезда, как она остановила меня, - продолжила Мира, - «Эй, Мира, стой, слушай, мне так плохо... Вот что сейчас дальше будет? Можно и мать убить, и тетю, и Аякса. И кого угодно. Скольких ты уже по моей просьбе пристрелила? А выход где, Мира? Нет выхода. Ты это... почему бы тебе не убить меня лучше?»

Я на нее как на сумасшедшую смотрю: Аня, ты чего? Она хитро так прищурилась: «Это приказ». Знает, что я выполню любую, даже самую безрассудную просьбу. Потом Аня подошла ко мне вплотную, прошептала: «Мне правда так будет лучше. Я умоляю тебя – убей меня, Мира».

И я надела глушитель, чтобы соседей не пугать. Все вещи стояли на лестничной клетке. И я ее убила. Да, сама. Просто так, она меня попросила, я выполнила. Конец истории. Аня умерла от огнестрельного ранения в область сердца. Так же, как мой муж Жан-Батист. Она пошатнулась, упала, я села рядом с ней, задала такой глупый вопрос... Спросила: «Не больно, нет?» Она еще нашла силы улыбнуться. Сказала тихо, опять шепотом: «Больше никакого рок-н-ролла». И закрыла глаза. Конец истории, Аякс. Думай обо мне что хочешь, тебе никогда не понять ни меня, ни Аню, ты даже самого себя вряд ли сможешь понять до полного осознания, кто ты на самом деле.

Прости, Аякс, я не хотела тебя ни пугать, ни расстраивать. Так получилось. Сумимасен!²⁷ Не ищи виноватых. Все виноватые мертвы. Вот сейчас, за тем поворотом будет дорога прямо в Уссурийск. Доедем до парка, там и остановимся.

Это был последний уровень игры, Level III в Бескупюрном Житии Преподобной Миры.

²⁷ яп. «Извини» (букв. «нет мне прощения»)

Для чего пикапу нужен кузов? Чтобы перевозить канистры для зарождения дружбы, и лопаты – для проведения погребальных обрядов.

И теперь я должен тебя вот так отпустить? Собрав тебя по кусочкам из ничего, по интонациям и произнесенным словам, по гласным и согласным (и даже по несогласным), я приписывал тебе все, что можно и нельзя, то, как ты собирала тулузские фиалки в эпоху реставрации или как мы вдвоем брали Берлин в 1945, ты –слева: сторона чувственная, я – справа: область разума. Ты вздыхала, чтобы набрать в свои щедедушные легкие побольше сил и вымолвить следующий набор таких сложных слогов. И потом ты улыбалась, когда у тебя что-то не получалось, или когда ты не туда ставила ударение. Твою улыбку я придумал, когда впервые нажал play и выслушал бредовую тираду про суровые щупальца могучего осьминога-Владивостока. А потом моя выдумка совпала с реальностью, когда ты смеялась, ты всегда слегка запрокидывала голову и продолжала смотреть в глаза собеседнику, я ведь был твоим собеседником тоже, если можно так выразиться. Окей: я был твоим слушателем, внимательным и преданным, не то что эта публика в грязных заплеванных клубах. Я создал тебя из пустоты, поскоблив по задворкам собственных мыслей, я выстрогал тебя из своего ребра, и ты-настоящая просто вдохнула жизнь в получившуюся костяную скульптурку.

Ты, плоть от плоти моей, марионетка на курьих ножках, забродившая кровь молодого вина, зверенок трусливый, но наглый, все мое сердце целиком и без остатка! Аня! Какое заурядное имя. Моё немногим лучше, но я-то хоть взял себе античный псевдоним. Аня. Тебя не было со мной изначально, но ты всегда была со мной, я нашел тебя, в синей замшевой тайге, ты хвостом жар-птицы мелькнула по черному небу, и я успел ухватиться. Так почему вся вселенная хочет сейчас, чтобы я разжал пальцы, почему я должен тебя отпустить?

Это твой выбор, добровольная просьба тебя, в нетерпении подкатывающей глаза и нервно дергающей плечом. Я незначителен. Прислужник. Придворный летописец, отекстовывал твои гипнотические откровения. Ах-да, мой Владивосток, ах-да! Я бессилен перед действительностью, стремлюсь утвердиться по-другому и что есть силы копаю яму. С размаху бью лопатой, я силен, я агрессивен. Готовлю могилу моей любимой жизни – там не тесно лежать? Вложи мне в рот тайный магический символ, безумная ведьма, и пусть я заговорю. Пусть я спрошу «почему?» миллион раз, отче наш на небесах ухмыльнется и миллион раз ответит мне «потому что». Потому что ты умерла. Потому я и должен тебя отпустить. Потому что ты сама так захотела. Ты все решала одна, но за всех.

Дай я тебя обниму напоследок. Ты хилая и не сопротивляешься. И не обнимаешь меня в ответ. Вот так я тебе нужен. Обними меня, я тебя умоляю. Я тебя люблю. Мы блевали кровью и плакали, глядя на облака, мы занимались любовью на полу в моем номере, и мерзкое ковровое покрытие царапало локти, мы ездили на Хасан, где ты сияла и сверкала на закате. А сейчас я сам лежу на земле, на листве и кедровых иголках, а ты ничего не слышишь. Вцепился в лацканы твоего пиджака, с мясом выдираю пуговицы и падаю, падаю в ткань, в нее вьелся вишневый запах, и кожа, ну кто сравнивает кожу любимой с атласом-бархатом-шелком? Кожа любимой – пергамент, мертвецки-бледная папиросная бумага! Вот тут идут вены, там – артерии. Все напоказ, анатомический театр в спичечном коробке. Зарыться носом в волосы, прокусить обертку сигаретной шеи – эй, тебе даже не больно?! Ответь, пожалуйста. Вернись. На час, на одну минуту – мне больше ничего на свете не нужно. Я буду трясти тебя вот так же, за плечи, пока ты не проснешься, очнись, не то я не знаю, что сделаю с тобой. Да что я сделаю.

Когда ты ушла тогда в неизвестном мне направлении, сделала исподтишка пакость, нож в спину, удар ниже пояса, мне хотелось тебя убить. Сейчас мне хочется тебя убить, потому что ты мертва. Мне хочется тебя убить, именно так. Я не хочу писать о твоей смерти.

* * *

Мы закопали ее. Похоронили в парке. В Уссурийске я познакомился с Аней, здесь же с ней и расстался. Теперь уже навсегда.

Все аллеи парка сходились в одной точке – у внушительных размеров скульптуры черепахи. Узоры на каменной спине животного напоминали орнаменты ацтеков и майя. Между головой и панцирем древний скульптор сделал особую выемку, в которую сейчас набралась дождевая вода и первые упавшие листья.

- На этом месте ее и раскопали, - сказала Мира, беря меня под руку, - археологи нашли здесь эту статую – культурный памятник эпохи Бохай. Датируют двенадцатым веком. Ты что-нибудь знаешь о Бохайском царстве, Аякс?

Я знал слишком мало, чтобы ответить положительно. И был более озабочен сопоставлением раскапывания древностей и закапывания молодой жизни. Под давлением последних событий. Не мог переключиться так быстро на экскурс в историю. Мне далеко до Миров.

- Не знаешь? Жаль, - продолжила она, - обязательно почитай об этом на досуге. Очень интересно. История вообще – интересная вещь. Они устанавливали такие каменные изваянья на могилах лиц императорской фамилии Чжурджэньского государства – черепаха олицетворение долговечности. Я именно поэтому выбрала это самое место сегодня.

Слово «сегодня» создавало и вовсе зловещую картину. Я старался не встречаться с Мирой взглядом.

На востоке начинало светать.

Глава 24.

«Ш» - Шамора

«Шамора, Лучинза (Лазурная) – бухта в Уссурийском заливе на территории Владивостокского горсовета. Название китайское, образовано компонентами: ша – песок, мо – сыпучий песок, эр – суффикс. Гидроним Шамозэр означает Мелкий песок. Второе название бухты образовано компонентами: лу –зеленый, цинь –скала, цзы – суффикс. Лучиньцзы – Зеленый Мыс.»

(источник: Словарь китайских и китаизированных топонимов на территории Дальнего Востока)

Время крутилось вперед.

Однажды Мира предложила побродить-поговорить на Шаморе. Я оставил машину у кафе-шашлычной, позади стройного ряда туристических домиков. Мира сидела на пустынном пляже и читала телепрограмму на грядущую неделю. Ветер, по-вечернему зябкий, шерудил по песку сухие ломаные водоросли.

Утром она постучала в мой номер. Сказала: «А ты что, не знал, что мы соседи?». Мира отлично понимала сурдоязык, поэтому у меня больше не было нужды впопыхах копаться с блокнотом. Я ответил ей, что помню, как ее увозили на катафалке полицейские и врачи, бездыханную. На что она махнула рукой. «Ох, Аякс, тебе теперь одни мертвецы везде и всюду мерещатся».

Мы спустились в бар, за стойкой был Серёга. Я хотел пожать ему руку, но Мира опередила меня: она вытащила из кошелька три купюры, сунула их Сереге в карман со словами: «Хоть еды себе купишь». Серёга заулыбался: «Спасибо, мам». И они оба посмотрели на меня. Мира опять выглядела крайне удивленной: «А ты что не знал, что Серёженька – мой сын? Вот, хоть подрабатывает немного, а с осени-то опять в институт».

Меня, казалось, уже ничто не способно удивить. Почему Серёга не узнал Аню, когда мы с ней были тут? Потому что его самого здесь не было. Сменный график? Получалась следующая система – когда была Аня, больше не было никого. А когда Ани не было, то все, и Мира, и ее приемный (ибо слишком славянской внешности) сынок Сергей – к вашим услугам.

Только одно событие объяснял факт родства Серёги с Мирой – нахождение подаренной губной гармошки рядом с дачным домиком на Амбавозах.

Мира предложила съездить на Шамору. Так и сказала в баре. Нам с Аяксом надо съездить на Шамору. Серёга непонятно с чего переспросил: «На Юмору?». Видимо, вспоминая мою туда поездку. Мира осуждающе покачала головой. Ну ты чего? На Шамору. На ША-мору. Оглох что ли. Они стеснялись смеяться на тему глухоты в моем присутствии. Отчего ж, друзья? Я-то слышу ША-мору. Всё вокруг было донельзя будничным и заурядным.

Я выкинул пальцами уже по дороге: «Покажи мне еще раз пистолет». Мира подкатила глаза. «Какие вы дети!». С таким выражением она смотрела на всех. «Ну что за детский сад». «Ох, горе мне с тобой». Мира была материалисткой. Прагматиком. У нее были короткие и слегка кривые ноги. Но она крепко стояла на земле. Такому рационализму мы все завидуем со стороны, втихаря. А ее образ был идеально продуман. До мелочей. Все ткани всех одежд были сплошь в цветочных орнаментах, сверкал на шее любимый Иисус, старше ее лишь на год. Умиротворенная. Мирная. Спокойная и сдержанная. Говорящее имя. Вы не видели ее на шоссе, с полной обоймой смерти в руке. Но и тут вы ошибетесь, представляя Миру жестокой героиней фантастических комиксов. Нет, Мира простая. Вот оно, слово. Простая. У Миры есть всё. Кажется, я припоминаю, у кого еще видел такое блаженное и в то же время серьезное выражение лица. Это была Дева Мария, на картинках, среди ладана и свечей. Попадание в точку. Мира – это Дева Мария, опекающая

и лелеющая дитятко свое. Аня – неудачный вариант Христа, отказавшегося от еды в память о жертвах голода, и плачущего за рулем, бередя в памяти все страдания человеческие. Христос, попросивший убить его по-тихому, в подъезде и схоронить под покровом ночи в городском парке. Не отдавать Понтию Пилату и разъяренной толпе. Матушка Мирочка, убей меня... Интересно, есть ли место для меня в такой вольной интерпретации Нового Завета? Разве что Лазарь...

Мира напоминала мне о матери, которой у меня никогда не было. От нее так и веяло материнским теплом и домашним уютом. Если вычеркнуть все упоминания о расправе над будущими злодеями. Я спросил ее, почему, если для нее ценность жизни в общечеловеческом масштабе имеет первостепенное значение, она смогла убить Аню. На что был получен ответ о том, что я не мог ведать, какое зло могла бы причинить Аня в будущем. К этому я отнесся скептически. Жалкое оправдание. Грохнули еще одного перспективного террориста? Ага, конечно. Хотя, Мире должно быть виднее, у нее все-таки имеется опыт. Тем более все равно уже ничего не исправишь. От нее пахло выпечкой и сдобой. Ванильным сахаром и кокосовой стружкой. Кровавая стряпуха. Наконец-то я мог не только слушать, но и говорить. Так, я впервые завел волынку про отца при постороннем человеке, и жаловался, пока кисти обеих рук не устали. Мира как-то нехорошо на меня посмотрела.

- Да, вы с ней очень похожи... - задумчиво протянула она, рисуя на песке завертушки носком туфли.

- Что ты имеешь в виду? – меня насторожило это замечание

- А ты, что, до сих пор не догадался? – продолжала она вслух, - долго же доходит до тебя... Вот, как ты думаешь, почему я поселилась за стенку от тебя в гостинице?

Вопросы Миры, ей-богу, ставили в тупик.

- Пораскинь мозгами, Аякс. Смотри, ты прилетаешь в город, обживаешься... Находишь диктофон.. Целыми днями его слушаешь, влюбляешься в Аню. Тусуешься с Серёгой. Мои заметки читаешь. Молодчина, кстати, японский – сложный язык.. Аякс... - Мира подвинулась ближе, - говорят, что первое кладбище было здесь, на Шаморе... Завтра в Артеме состоятся похороны отца Ани, которого не стало... в ту самую ночь... Я бы посоветовала тебе присутствовать там, если ты еще не понял...

Я перебил ее: «Слушай, у Ани в бардачке валялась стопка листов. Она сказала, что это ее роман «521 SUR». Но, стоило мне просмотреть содержание, как я узнал свои собственные дневники. Это не дает мне покоя. Сколько потом ни рыскал по салону Хайлакса, ничего не находил. Мира, ты не знаешь, как мои записи могли попасть к Ане, когда мы еще не были знакомы даже? И куда рукопись делась потом? Я места себе не нахожу, как она могла из моих дневников собрать роман?...»

- Она еще и роман писала?!? – на миг лицо Миры даже потеряло бывшее хладнокровие. Она осуждающе покачала головой, уперлась взглядом в песчаную муку под ногами и задумчиво подытожила, - Бедная девочка!... Бедная девочка...

Так, про рукопись она ничего не знает. Я тоже. Опять тупик. Хорошо хоть разгадали тайну губной гармошки, оказавшуюся у меня. Да толку с этого. Где-то завизжала автомобильная сигнализация. Я резко оглянулся: нет, не моя машина. Когда я повернул голову обратно, рядом со мной никого не было.

Миры не было.

Я стоял на берегу бухты Шамора в полном одиночестве.

Глава 25.

«Э» - Эгершельд

«Эгершельд (Егершельд) Густав Христофорович (4.VI.1831–1.II.1871), капитан 2 ранга, исследователь финских озер и бухты Золотой Рог. В мае 1860 вступил в командование корветом «Гридень» и перешел в бухту Золотой Рог для охраны только что основанного порта Владивосток. Плавал в Японском море, занимался снабжением постов Южно-Уссурийского края. Выполнял первый ледовый промер и съемку бухты Золотой Рог, составил первую карту этого района, включая бухты Диомид, Улисс, Патрокл. Именем Эгершельда назван мыс в бухте Золотой Рог.»

(источник: Морской биографический справочник)

Какую мистику скрывают августовские ночи? Дождливые ночи, последние теплые ночи, смородиновые ночи, ночи черного винограда и ягод белладонны. Ночи горьких морей, в которых нет тесноты. Вечер августа – это золото клеверовых полей. Ночь августа – последние рейсы тяжелых океанских лайнеров по воде, полной мазута и сока черной смородины. Зима скупа на эмоции, весна чересчур прямолинейна (апрельский айсберг протаранил и потопил Титаник в Атлантике – поступок молодого бойца, безусого и нетерпеливого), а конец лета – это просто клоака колдовства. Падаешь в эту бездну, как Алиса летит в яму Страны Чудес. Алиса плывет по мазуту и смородиновому соку, эта Офелия Японского моря.

Недавно у меня был день рождения. Да, как раз в тот самый день, когда Аня самоустранилась из этого мира. Какое неуместное совпадение.

Мы шли из Кронштадта. Я был там однажды. Морской собор и все эти якоря-кошки. Цап-царап. Балтика пресная в тех местах, рядом с Санкт-Петербургом. Вроде и живое море, а соли вообще нет. Нева вытравливает всю соль. Мы шли из Кронштадта – но какими морями? Кругосветка оказалась неудачной, у маяка Винто в шведских шхерах произошло кораблекрушение. Пришлось возвращаться в родной Кронштадт. И так нас носило по миру. Покуда не спустили якоря на здешних неровностях. У вас красивая фамилия, господин Эгершельд. Хотелось бы и мне иметь такую фамилию. Все буквы выстроились в ряд, чтобы нарисовать нам обветренного бравого морского волка, благородного и великодушного (спасибо первой «Э»), твердого и уверенного в своих действиях («шельд»-«льд»-«дь»!) . Почему у меня нет такой фамилии? Потому что и судьба у меня попроще: уровень для начинающих, считаем на палочках.

В Финском заливе лейтенант Егершельд занимался гидрографическими работами. В том веке вариант написания был только один, через заглавную Е, а не Э. После паломничества на Дальний Восток, Густав Христофорович провел остаток жизни в Свеаборге, на Балтийском море. Умирал молодым.

С первых дней существования поста Владивосток капитан корвета «Гридень» отдавал своим матросам распоряжения о строительстве казарм, о рубке леса, закупал лошадей и коров, устраивал пригодную для жизни твердую землю.

«12 августа 1860 года Егершельд отправился на катере в залив Новик. «Сего же числа с 7 часов утра и до 7 часов вечера часть команды работала на берегу». Такая же запись повторилась 13 и 14 и в другие дни августа. Заготовка леса стала самой важной работой, и исполнение ее находилось под контролем. Но командир давал людям возможность отдохнуть: в журнале встречаются записи, когда «команда с корвета отпускала на гулянье на берег».²⁸

Это тоже всё было в августе. В этих же местах. А я проснулся среди ночи. Хотелось пить. Ужасно хотелось воды. Я открыл настежь окно, высунулся, ловил влажные порывы

²⁸ А. Алексеев. Якоря помалу травить!... Так начинался Владивосток.

ветра с залива – не помогало. И дождь шел сильный, опять дождь, но и он не спасал. Тогда я оделся и вышел на улицу.

Небо чернилось и лилось вниз буйными, дикими потоками, море бурлило, но не зло, а так игристо, с осознанием своей власти. В июне море самоутверждается, в июле любит и греется, в августе оно прогрето, готово к предстоящему одиночеству и уже успело напустить своих заклинаний в ноздри и уши многих несчастных романтиков.

На улице не было ни души. Молодежь не разгуливала по Спортивной набережной – погода была не та. Песок был испещрен дождевыми каплями, словно осколками снарядов. Ботинки увязали в песочной каше. Я оглянулся на здание отеля – неживые окна, все спят. Еще закрывая свою комнату, я обратил внимание на соседний номер – на номер Миры, 912. Он был заколочен досками. Глупо выглядит, особенно в гостинице. Стало быть, и Мира исчезла. И ее сын, мой друг, бармен Серега – его тоже нигде не видно.

Все меня покинули. Я остался один на один с Владивостоком.

Я пошел наверх. Названия улиц были созвучны друг с другом в причудливой синергической опере, и одна сменяла другую, поочередно беря на себя роль ведущего инструмента в оркестре: Тигровая, 1-я Морская, Крыгина, Посыетская, Верхнепортовая, Сипягина... В этом районе город вытягивается на юг и, собственно говоря, заканчивается. Он заканчивается Токаревским маяком, этой люцерной водоплавающих скитальцев. Дальше – остров Русский, а еще дальше – добрая половина глобуса голубых морей. Здравствуй, Тихий океан. Этот район города называется Эгершельд. Настоящая фамилия которого звучала как Егершельд. На привокзальной площади старушки-торговки цветами машут рукой по направлению от центра и говорят «Гершельд»: это вам надо на Гершельд, вон туда. Редуцируют благородную Э.

Я шел под дождем уже целый час, и мы оба продолжали – и я, и дождь. И мы оба уходили в землю: дождь моментально, ну а я тянул время, стараясь не углубляться в подтекст падения, ведь где земля, там и могила, а мне уже осточертели такие мысли, оставим прерогативу ухода в грунт слезкам небесным, а не мне. Хватит с меня и того, что промок насквозь, бери и выжимай.

Владивосток, я хочу остаться с тобой. Мне больше не нужно никуда бежать. Но ты – порывистый, своенравный, крутоподъемный. У тебя полно лестниц и опасных спусков, у тебя есть оружие, форты и военные корабли. У тебя была моя Аня, и она тебя любила. А у меня ее не было, и она меня не любила. Но я люблю тебя, Владивосток, и, кто знает, может это Аня говорит сейчас, но моя личная Транссибирская магистраль закончена.

Владивосток, тебя основали и обустроили сильные и смелые люди, и ты требуешь той же силы и смелости от всех твоих обитателей..

Я забрался на эту верхатуру на Эгершельде, и все было так далеко, море и маяк были внизу, город – позади, дождь – по-прежнему сверху и повсюду. Я сел на какой-то большой камень и с третьей попытки прикурив сигарету. Я ждал. Когда еще только начал переписывать Анины диктофонные наговорки, у нее был такой эпизод, дескать, когда стоишь на вершине этой сопки на Эгершельде, Владивосток думает, что ты дезертируешь, превращается в огромную щупальцу осьминога, выходит из воды, хватается тебя и закидывает обратно в центр.

Я ждал. Как ни крути, но даже топографически окраина города здорово смахивает на щупальцу. Ассоциативное мышление. Перед нашей поездкой на Хасан был забавный случай. Аня носила браслет, на котором был серебряный якорь. Маленький, еле разглядишь, но якорь. И он случайно зацепился то ли за ворс кресла в номере, то ли за что-то похожее. Так как детали якоря были крошечных размеров, и он висел на браслете, сама Аня не могла сама высвободиться из текстильного плена и окликнула меня. Я вопросительно посмотрел на нее, сначала не понял, что случилось. Аня показала другой рукой на свое запястье, рассмеялась и сказала: «Взгляни, а я пришвартовалась! Теперь уже никуда отсюда не денусь!»

Что лежит на дне твоём, Владивосток? Какие тайны скрывает море твоё? Какую ядовито-ягодную, фиолетовую мистику прячут августовские ночи? Дай мне остаться здесь навсегда.

Владивосток... Ты провожаешь суда в далекий путь, ты знаешь заранее, что их там ожидает. Ты смеёшься с мачт «Паллады» по-язычески безумным ветряным смехом, Владивосток! Так позволь мне быть с тобой, дышать тобой и отражаться в волнах твоих с такой огромной высоты, как сейчас.

Я лег на землю. Сырую, ночную и холодную. Я пришвартовался.

26 глава.
«Ю» - Юл Бриннер

«Юл Бриннер (англ. Yul Brynner, 11 июля 1920, Владивосток —10 октября 1985, Нью-Йорк) — американский актер театра и кино.

Сын приморского предпринимателя Бориса Бриннера. Первую роль сыграл на телевидении в 1944 году - в сериале «Мистер Джонс и его соседи». В конце 40-х годов недолго работал режиссером и продюсером на ТВ, после чего полностью переключился на актерскую деятельность. В кинематографе как актер Бриннер дебютировал в 1949 году - в фильме «Порт Нью-Йорк».

Прославился своими актерскими работами в фильмах «Король и я» (1956, роль короля Сиам), «Анастасия» (1956, роль князя Бунина), «Братья Карамазовы» (1958, роль Дмитрия Карамазова), «Соломон и Шеба» (1959, роль Соломона), «Тарас Бульба» (1962, роль Тараса Бульбы), «Адиос, Сабата!» (1971, роль Сабаты) и ряде других.

Однако по-настоящему культовый статус приобрел, снявшись в роли отважного стрелка Криса Адамса в легендарном вестерне режиссера Джона Стэрджеса «Великолепная семерка» (1960), который, в свою очередь, был своеобразным ремейком шедевра Акиры Курасава «Семь самураев». Любопытно, что спустя полтора десятка лет в точно таком же имидже Бриннер снялся в фантастическом триллере режиссера и писателя Майкла Крайтона «Мир Дикого Запада» (1974), где он сыграл спятившего робота-ковбоя, неутомимо преследующего несчастных посетителей парка развлечений будущего. Умер Юл Бриннер 10 октября 1985 года в Нью-Йорке от рака легких.»

(источник: inoekino.ru)

На похороны Аниного папы собралась добрая половина населения города Артема. Я торжественно примкнул к печальной процессии. Всё заканчивалось прозаичнее не придумаешь. Особенно момент, когда я, с двумя скорбными гвоздичками выстоял в очереди провожающих в последний путь, и увидел то, чего все с нетерпением ожидали. Я увидел в гробу своего отца.

Пространство вновь расслоилось по своим хитрым и противоречащим здравому смыслу законам. Мне был необходим кто-то рядом. Например, Мира, которая с заговорщицким видом сейчас прошептала бы: «Ну я же говорила!».

С другой стороны, теперь мозаика-пазл почти полностью была сложена. Меня зовут Андрей, как и мертвого старшего брата Ани. Я нашел у нее в бардачке свой дневник, оформленный под ее роман, в котором повествование ведется от лица этого самого брата. И я, и Аня не ладили с отцом. Отец-тиран занимал высокую должность, был уважаемой персоной.

Только одно не дает мне покоя. Сам я жив или мертв? По законам мыльной оперы, меня во младенчестве увезли из Владивостока, где все решили, что я умер, и воспитывали в другой семье. Но отец-то один и тот же! И тут, и там. Вот незадача. Версия с тем, что я мертвяк изначально, выглядит гораздо логичнее. Судите сами: я немой. Меня никто не слышит. Следовательно, одно это уже разделяет меня с реальным миром, где можно жечь глаголом сердца людей (я обожаю этот оборот) и оповещать о своем присутствии (читай «существовании») голосом. Плюс острая замечка Ани в диктофоне о том, что, дескать, только мертвые видят Миру. Я видел. Более того, я с ней разговаривал. Точно жмурик. Аякс сдох и сам того не знал! Обхохочешься просто! Вот он, стоит и думу думает. Едет-едет сам-сам (любимая цитата. Привет, Джеймс Джойс!). Приехал.

Стоп, а как же тогда Серёга? Он вроде живее всех живых. Хотя тоже куда-то исчез. Нежданно-негаданно. Нехило все закручено. А как тогда я живу в гостинице? Как я купил машину? Не могли же они продать микроавтобус невидимке. Бред какой-то.

Допустим, что все эти мои записи – есть не более, чем роман Ани. Почему тогда его пишу я, ручкой в блокноте, правой рукой, здесь и сейчас? Кто-то даст мне ответ? Да, кстати, Аня тоже умерла, и мы с Мирой ее похоронили – это вам как? О степени принадлежности Миры к людям обычным, которые рождаются, живут и умирают, я и вовсе не берусь судить...

В таких тяжелых размышлениях я стоял подле гроба своего отца и усиленно пытался похоронить осознание другой, не менее тяжелой действительности. Получается, Аня – моя родная сестра. Здорово, великолепно. Влез в лес по самый оу йес. Хорошо хоть она этого не знала. Земля пухом, царство небесное. Ну и дела.

Черт возьми, обалденно.

Юл Бриннер выкуривал по несколько пачек сигарет в день, в чем и раскаялся на смертном одре. Мы с отцом поспорили, что я не начну курить, мне тогда было лет двенадцать. Это было девятого сентября. 09.09. Или в римском варианте – 9.IX, не так красиво. Я написал прямо на письменном столе «Не буду курить» и вырезал дату. На что мы спорили, я уже и не помню. Отец был ярким противником табакокурения. На дух не переносил сигаретный дым в помещении. А я не выдержал, и вот курю уже с тринадцати лет. С двадцать пятого апреля. Отец только повел носом в подъезде, куда я выходил тайком, потому что на балконе тебя могут застукать, и я уже знал, что моя дешевая зажигалка и смятая пачка бюджетного курева станут еще одним подтверждением того, что Аякс – главное разочарование благородной семейки. Никто не курит, а он курит. Все говорят, а он молчит.

Да вот и не так. Все курят и все молчат. Пройдитесь по улице и убедитесь в том, что я прав.

Наш отец играл на пианино. Только я стал письменным переводчиком, а Аня – рок-звездой. Все мы стали, пусть и в иных измерениях.

Вот Юл Бриннер был настоящей суперзвездой, причем во всех измерениях.

* * *

Несмотря на пережитое, червь сомнения точил мою душу. Слишком все ладно получается. Такое бывает в плохих романах. Мне хотелось хотя бы притвориться героем романа хорошего.

Я подошел к кабинке телефона-автомата. Набрал междугородний код и номер квартиры, где я жил с папенькой. Если он не ответит, то всё ясно, как божий день. Лубочная история с претензией на обыгрывание проблемы «отцов и детей». Таков мой вердикт. Прочитанное сжечь. И сплестись на пепелище.

На другом конце провода сняли трубку. Резкий и хорошо поставленный голос моего отца. «Алло».

Это было жутковато.

«Да, я слушаю вас».

Я тоже слушал его. Живого. Целого и невредимого, на другом полушарии Земли. Мистика какая-то. Та, которую таили в себе августовские ночи. Рассказы о привидениях в тухлых поместях с гнилыми крышами. Половицы скрипят, призраки протягивают цепкие когти, всем страшно.

Я повесил трубку первым.

Значит, мой отец жив-здоров. Только что я был на похоронах отца Ани, моей безвременно почившей любимой. Что ж, этот вариант лично для меня более удобен. А если все-таки не так? Недаром же Мира так усердно на это намекала. В чем подвох?

Если я мертв, то неудивительно, что слышу голос мертвого отца. Равно как и я-живой слышу голоса живых. Допустим, отец жив. Это может означать одно – сейчас он позвонит на телефонную станцию, и выяснит, из какого города был вызов. Он знает, что это был я. И примется искать меня. Нельзя позволить отцу найти меня.

Остаться мне здесь впредь было небезопасно.

Я вернулся на кладбищенскую парковку. Тишина и карканье ворон. Красивые свадьбы среди могил. Мне снились такие страшные сны в детстве. От них разило викторианщиной. Я много думал о собственном викторианском особняке на опушке леса.

Заводи мотор. Камера, мотор!... Надо было срочно искать пути к отступлению. Желательно, культурно богатые и впечатлениями насыщенные пути. Я же хренов эстет, чтоб вам всем.

Во Владивостоке объехал особняк Бриннеров, скомкал наполовину полную сигаретную пачку и выбросил в урну. Потом остановился у Морского вокзала. Выжал ручник, взвесил все за и против, пересчитал деньги. В здании морвокзала шумел декоративный фонтанчик. Дети его обожали. Брызгались и визжали. Фонтан был похож на пуховый одуванчик. Я поднялся на второй этаж и купил билет в Японию, в один конец.

Ведь всё это было лишь «намеренно оттягиваемое прощание с тобой»²⁹, дорогой отец.

²⁹ Ф.Кафка. Письмо отцу.

Глава 27. «Я» - Япония

«Ниигата — префектура. Расположена в Центральном Хонсю. Граничит с префектурой Ямагата на севере, префектурами Фукусима и Гумма на востоке, префектурой Нагано на юге и префектурой Тояма на западе. С севера омывается водами Японского моря. Пограничные районы испещрены горными грядками, внутренние — покрыты холмами и плоскогорьями.

Ниигата всегда процветала за счет сухопутных и морских перевозок. По суше железнодорожная линия «Дзёцу Синкансэн» и другие скоростные дороги связывают ее с Токио и с другими частями страны. Морской порт Ниигата имеет торговые связи с корейским городом Пусан и российскими портами Владивосток, Восточный и Находка.»

(источник: www.ru.emb-japan.go.jp)

- А что? У японцев принято кланяться или кивать — ты отлично вступишь со своей немотой, - сказала Марина во сне за две минуты до того, как у меня прозвенел будильник.

Аня раскинула руки в стороны и низко поклонилась. Я видел ее на сцене, я видел ее стоящей на табуретке и мечтавшей быть на сцене. Я аплодировал. На бис. Шоу должно продолжаться. Я видел Аню в поклоне под занавес, за полминуты до первой трели моего будильника.

Я покидал Владивосток. Приморский край. Оставлял Россию. Материк. Привычную планету. Но теперь мой путь пролегал не по воздуху, а по воде. На большом корабле. Я купил билет в Ниигату, в Японию. На родину Миры. В ближайший к Владивостоку японский порт. Лето подходило к концу. Говорят, что лучшее время в Приморье — это август и сентябрь. В смысле погоды и общего прогулочного настроения. Август — да, соглашусь на все сто. Сентябрь, увы, я здесь не застану. В сентябре я планирую лицезреть гору Фудзи. Мне снилось, как дети хлопали в ладоши и приговаривали: «Фудзи-яма, Фудзи-сан». Мне многое снилось. Гора Фудзи, она выше сопки Орлиное гнездо. Выше Халазы. На то она и гора, а не сопка. Мы с Аней карабкались на сопки. Много раз, по всему городу.

Я хотел бы остаться во Владивостоке, но не могу. Из-за отца я должен бежать дальше на восток. Из-за Ани я должен придумывать себе развлечения сам. Свалить в Японию означает убить двух зайцев сразу. А по весне вновь зацветет сакура.

Я дезертировал. Я спасался бегством. И гигантский Город-Осьминог не мог меня схватить и вернуть на место.

В последний день августа, ранним утром, я выехал из Владивостока в Находку. Заправил полный бак. Рассчитался за номер. Попрощался с гостиницей, чьи окна смотрели на Амурский залив. Попрощался с фуникулером и фортами, с Муравьевым-Амурским, Невельским, Чуркиным, Эгершельдом и другими. С подводной лодкой С-56. С Осипом Мандельштамом на Второй речке. С двумя каменными стенами, морской и таежной, на выезде из города.

Слева от меня, на пассажирском сидении, лежал распечатанный «Словарь китайских топонимов на Дальнем Востоке». Сзади — мои нехитрые пожитки. Неиссякаемые, к счастью, кредитки в бумажнике. Паспорт, водительские права и путевка в Японию — в кармане плаща.

* * *

Onegin goes to Niigata.

* * *

Пересек Артем. Самолеты бесконечно взмывали в небо или шли на посадку. Воздушные ворота. Всегда боролся с пудовым комком в горле, когда вспоминал иллюстрацию к потертой карте Приморья. Ту самую, где самолетик и глобус венчает добродушное: «Приглашаем посетить наш край!» Вот, даже сейчас накатывает...

Это я называю плакать, глядя на облака.

* * *

ТЭЦ на выезде из Артема махала мне ажурным дымом исполинских труб. Ворох чужих воспоминаний, Аниных, конечно же, навалился на меня. Как мы вдруг с папой решили заехать к бабушке на работу, не к тому дедушке, мамину отцу, который был летчиком, а к другому, он работал энергетиком на этой ТЭЦ. И приезжаем – а он траву косит! Решил в обеденный перерыв прогуляться. Мы так веселились!

«...Как-то раз мы собирались во Владивосток, в центр поехать по магазинам. Мне было лет пять, или около того. У мамочки была золотая помада. Я попросила ее дать мне помаду, а мама почему-то отказалась и стала потираливать меня в машину. Я так обиделась, ревела и кричала, страшная истерика! Мама с папой ничего не могли поделать, в итоге мне дали-таки злополучную помаду и поездка не сорвалась. А я думала, был бы у меня старший брат, мигом бы решил всю ситуацию. В мою пользу, разумеется. Но тебя не было, Андрей, тебя, о черт, никогда нифига нигде не было...»

Я разогнался до ста сорока. Дорога была изумительная. Моя личная взлетная полоса. Правая рука лежала на открытом окне, хорошо поджаренная за эти месяцы «шоферским загаром». Я гнал и гнал, и день загорался.

Пересек Партизанск, он же Сучан до 1972 года и кампании по ликвидации китайских названий. Уголь был главной артерией города во времена СССР, сейчас уже все не так, обогатительная фабрика давно закрыта, шахты тоже. Сколько жизней окончило свой путь в штольнях сучанских шахт. Под землей, должно быть, так тесно...

Чем восточнее, тем круче трасса уходила в сопки. Поверьте, на одном подъеме облака касались крыши моего микроавтобуса! Я ехал вдоль побережья. Здесь вообще трудно ехать не вдоль побережья. Я ехал со скоростью сто пятьдесят пять километров в час на заоблачных высотах.

Если после смерти что-то нас ожидает, то, бесспорно, это Аня с неба позаботилась о том, чтобы моя последняя поездка по этому благословенному краю была такой упоительно-солнечной, бирюзово-морской, сверхскоростной, неимоверно-высоковершинной и гладкоасфальтной.

Я вновь покидал едва ставший привычным мир, только-только распогодившуюся на ослепительно яркие события жизнь.

* * *

Знаете, есть такой дорожный знак «выезд на набережную»? В красном треугольнике машина срывается с обрыва и падает в воду? Вода – это три волнистые линии. Самый роковой знак, мне всегда казалось. Вроде бы все предопределено. Не «Берегись! Можешь свалиться в воду!», а так, будто ты уже летишь туда. Интересный знак, всегда притягивал мое внимание. Сказать больше, он меня завораживал.

И тут я его взял и не заметил. И задумался о чем-то своем. О важном, как и все вышеописанное. Дернулся и крутанул руль в направлении, противоположном дороге. Безумный импульс, фатальный. Вот так сюрприз! Ларго – великолепная машина, очень мощная. Микроавтобус пробил ограждение и я вылетел. Прочь, куда-то извне. В небо, наверное. На первый взгляд. На второй взгляд – притяжение работало как прежде. И мы летели в море. Небо и море – что может быть круче? Я обожаю автомобили, особенно свой собственный! О черт, о черт, это выносит мне мозг! Мы остались вдвоем, Nissan Largo и я, и мы совсем скоро должны были умереть, утонуть, захлебнуться. Какой кинематографичный момент. Вы только посмотрите!

Всегда мечтал раскинуть руки в стороны и воображать, будто лечу, на огромной скорости. А теперь отчего-то не могу разжать пальцы и по-прежнему сжимаю руль. Это есть то самое, что называется страх? Мне терять нечего, но отпустить руль никак не могу. По идее, всё заняло несколько вдохов-выдохов, а вон зато сколько мыслей сразу.

Машина упала в море. Грохнулась. Рухнула. Замертво. Покачалась на волнах. Машина была тяжелой. Я видел, как вода начала просачиваться в салон, замочила педали и мои башмаки. Автоматическую коробку переключения передач и злополучный словарь топонимов. Логотип «Мицубиси» на моей футболке. Становилось тяжело. Ларго был куда тяжелее меня, тянул меня за собой вниз еще быстрее, вода тоже была очень тяжелая. Горькая и соленая. «Морская вода – это моя кровь». Так, кажется, она сказала тогда. Горькая зелень. Полынь-лазурь. Машина шла на дно. Я не открывал двери, не рвался вон, не плыл на солнышко. Привет героям-подводникам.

Давление. Давит. Давило. Выдавило стекла и горькое море хлынуло на меня всем Посейдоновским гневом. Посейдон сбросил Аякса со скалы. Перечитайте Гомера. Как корабль назовешь, так он и поплывет. Меня зовут Аякс. Я свое отплавал. Посейдон запустил трезубцем в мой микроавтобус. Мы не добрались до Японии. Мы даже до Находки не смогли доехать. Нептун грозно вышиб хвостом лобовое стекло. Кусты водорослей ластились и обнимали. Ворох морской капусты. Солнечный августовский день в Приморском крае уходил в небытие. Я его больше не видел и не слышал. Приморский край, регион-125 RUS, с его сладкими августами был там, высоко, и мне больше никогда до него не допрыгнуть. Чем ниже, тем глуше, тем темнее, там, на дне безопасно, глубоководные пространства, там нет тесноты.

Я отпустил руль. Он был уже никому не нужен. Я смотрел вперед, и надо же, насколько быстро адаптируешься ко всему – больше не было тяжело, не было ни давления, ни боли, ни опасений перед неизвестностью. Я смотрел вперед, и сколько воды шло внутрь моих легких – где вода, там и жизнь. И сколько растений колышется и режется вокруг меня, о черт, о черт, о да, прямо океанская оранжерея, о да, полно их, они меня так и окружили, как жаль, что не получается улыбаться, надо будет попрактиковаться на досуге. Мой бог, ты мой бог, и твое море божественно, ты, Мутноокий Спрут, бог, ты, Нептун-Посейдон, ты, Кракен, утоли же мою жажду, я пришел, о да, о черт, я готов, о да, о да, о черт, и я вытягиваю руку, и как просторно, здесь нет тесноты, здесь нет тесноты, здесь нет тесноты.

